

Алиса Ковалевская

ПОДАРЕННАЯ
ему

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алиса Ковалевская
Подаренная ему
Серия «Подаренная ему», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67294788

SelfPub; 2022

Аннотация

Я стала подарком. Безропотная девушка, имеющая право только на одно – исполнять желания своего хозяина. Без прошлого и без будущего. А в настоящем лишь сталь серебристых глаз мужчины, которого я посмела послушаться. Он желает сломать меня. Или... починить то, что было сломано задолго до него?..

– Ты будешь делать то, что я скажу тебе, поняла? – процедил Алекс.

Я глянула на него с холодным презрением и отвращением.

– Если ты думаешь, что я всё забыл, – жестко усмехнулся он. – Ты ошибаешься. Я никогда ничего не забываю.

Книга про Алекса и Стэллу из романа "Мой хозяин"

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	50
Глава 5	58
Глава 6	75
Глава 7	91
Глава 8	109
Глава 9	124
Глава 10	136
Глава 11	148
Глава 12	168
Глава 13	181
Глава 14	203
Глава 15	219
Глава 16	230
Глава 17	242
Глава 18	253
Глава 19	259
Глава 20	270
Глава 21	283
Глава 22	298

Глава 23

313

Эпилог

321

Алиса Ковалевская

Подаренная ему

Пролог

Алекс

Честно говоря, я не ожидал, что девчонка окажется настолько миниатюрной. А тут... Крошка, ни дать ни взять! Зато попка, словно орешек. Остановившись в дверном проёме, я уставился на её оттопыренный зад. Нагнувшись над широким кухонным столом, она увлечённо смахивала крошки и меня не замечала. Ножки точёные, лодыжки тонкие. Её не портила даже грубая форма горничной – серая, доходящая до коленок. Лицо её было сосредоточенным, будто бы в маленькой головке бродили какие-то глубокие мысли. Привалившись плечом к косяку, я стал наблюдать за ней, оценивая открывшуюся мне картину. Невольно усмехнулся. М-м-м... Изначально пользоваться предложением друга я не намеревался, но сейчас, глядя на то, как кошечка выгибает спинку, понимал, что поторопился. Грешно такой девочке не встать...

Девчонка, тем временем, разогнулась и убрала за ухо прядку тёмных волос. Ладони у неё были маленькие, узкие – как раз то что нужно, ушки аккуратные. Ну надо же... кон-

фетка! Когда Вандор показал мне фотографию, я даже подумать не мог, что оригинал окажется настолько хорош. И плевать, что не в моём вкусе! Вкус – понятие растяжимое. Попробуем – поймём. Мелковата, конечно, но оно даже к лучшему. Трахать такую – чистый кайф. Я снова посмотрел на её упругую попку и почувствовал, как напрягся член.

Недолго думая, подошел к девочке и надавил ей на спину, заставляя нагнуться ниже. Вскрикнув, она упёрлась ладонями в стол и попыталась вырваться. Сильная, мать её! Ну нет, дорогуша! Вначале мы тобой займёмся, а потом вали на все четыре стороны. Найдя край подола, я потянул его вверх. Кожа у неё была гладкая, шёлковая, бёдра точёные. Вся она напоминала натянутую тетиву лука – поджарая, гибкая. Я чувствовал её сопротивление и заводился от этого ещё больше.

– Не трогайте меня! – извиваясь, вскрикнула она.

Голос у неё был звонкий, с едва заметной хрипотцой. Чёрт! Меня даже это заводит!

– Заткнись! – приказал я, задирая её форму выше. Оголил ягодицы и с силой сжал. Содрал с неё трусики и похлопал между ног. Да-а-а...Боже... Давно я не ощущал такого возбуждения! Чувство, что яйца сейчас треснут! Девчонка же продолжала ёрзать. Уж не знаю как, но ей удалось повернуться ко мне лицом. Я увидел её глаза – огромные, зелёные, с густым частоколом чёрных ресниц. Скулы у неё были высокие, губы не слишком полные, но от этого лицо казалось только интереснее. Она смотрела на меня широко-распахну-

тыми глазами, грудь её тяжело вздымалась, из приоткрытого рта вырывалось шумное дыхание. Кровь ударила мне в голову, в паху натянулось так, что я едва не выматерился. Руки её скользили по столу, она пыталась отклониться, вот только отпустить я её не собирался. Уж точно не теперь, когда меня выкручивало от желания вбиться в неё по самое не хочу. Натянуть её так, чтобы кричала... Ухватив за подол, я было рванул её на себя, но внезапно в воздухе что-то блеснуло. Что за херь?! Не успел я опомниться, как плечо пронзила острая боль.

– Сука! – зашипел я, невольно разжав пальцы, и схватился за руку.

Она отпрянула, подалась назад, и боль стала совсем адской. Нож! Чёрт подери! Я смотрел на зажатый в её руке окровавленный кухонный нож и понимал – ей конец. Вот дрянь! Проклятая шлюха!

Нож выпал из её пальцев и с глухим стуком ударился об пол. Я чувствовал, как меж моих пальцев сочится кровь, ладонь девчонки тоже была в крови. Эта тварь захерачила мне ножом... Проклятая мерзавка без имени. Да когда друг узнает... Впрочем, ждать его я не собирался. Удавлю...

– Тебе конец, тварь! – прорычал я, пытаюсь зажать рану, и сделал шаг к ней.

Она ещё сильнее вжалась в стол. Лицо её было бледным, только глаза горели нездоровым огнём. Я хотел ухватить её за шею, припечатать к столу и... Не знаю, что бы я сделал.

Заставил бы её собственной кровью блевать. Эта гадина у меня хрипела бы в агонии... Но ей повезло – в кухню, разговаривая по рации, вошёл обеспокоенный сотрудник службы безопасности. Судя по всему, ребята друга поняли, что произошло что-то из ряда вон. Был бы сам Вандор дома, уверен, он бы пристрелил девицу на месте... Плечо... Стиснув зубы, я зарычал. Почувствовал, как меня ведёт в сторону.

– Мать его! – выругался я сквозь сжатые зубы, чуть пошатнувшись. Подоспевший охранник помог мне присесть, другой, появившийся следом за ним, ухватил девчонку и грубо швырнул её на пол к моим ногам. Та упала и почти сразу вскинула голову. Бойтся, сука. И правильно делает. Я посмотрел на неё сверху вниз и прищурился. Глаза остались единственным живым пятном на её бледном лице. Сама напросилась...

– Ты за это поплатишься, – процедил я, глядя ей прямо в глаза. – Ох, как поплатишься.

Она сглотнула. Ресницы её дрогнули. Кто-то из прислуги помог мне снять рубашку и принялся обрабатывать рану. Рука болела, а я всё смотрел на лежащую передо мной шлюху. Сегодня она сама себе подписала смертный приговор. Уж что-что, а этого я ей так не оставлю, пусть даже не надеется.

Глава 1

Алекс

Ночка выдалась непростая, и теперь я чувствовал себя так, словно меня хорошенько трягнули за шкирман. А всё Вандор с его синеглазой девицей... Мало того, что пулю схлопотал и едва не сыграл в ящик, так ещё и проблем огрѐб. И ведь не успокоился, сучара! Помешался на бабе...

Усмехнувшись, я тряхнул головой и повѐл плечами, разминая затѐкшие мышцы. Запустил пальцы в волосы и широко зевнул. Мозги были мутными, я понимал – не выпью кофе, буду весь день ходить и втыкать, как осѐл. Хотел было вызвать горничную, но представил, как она мелькает перед глазами... Ну нахер!

Умывшись, надел штаны и спустился вниз. Прошѐл в кухню и включил кофемашину. Стоило мне почуять густой запах арабики, настроение приподнялось. Первый глоток промочил горло, второй помог включить голову.

Лежащий на столешнице телефон завибрировал, и я, бросив взгляд на дисплей, понял, что звонит Вандор. Лѐгок на помине... Сам я только-только подумывал набрать ему. Отхлебнув кофе, я поднёс телефон к уху. Хмыкнул.

– Только собирался тебе звонить, – сказал я и тут же услышал какой-то звериный рык друга:

– Ты хотел девчонку? Можешь забирать!

Вот это заявочки! Естественно, я сразу понял, о какой девчонке идет речь. О той самой кошечке с попкой-орешком. Вот только когда я попросил Вандора отдать её мне, он послал меня и сделал это достаточно грубо. Похоже, крышняк у него всё же тронулся... Что же, отказываться я не собираюсь. Молча сделав ещё глоток, я задумчиво посмотрел на остатки кофе и проговорил:

– Буду у тебя через полчаса.

– Давай, – раздалось в ответ всё то же рычание, а следом связь прервалась.

Я снова глянул в чашку, выплеснул остатки в раковину и решил сделать себе ещё одну. Так, чтобы окончательно привести голову в порядок. А то мало ли... Два психа это уже слишком.

Девчонку из дома вывел сотрудник службы безопасности. Я знал, что Вандор уехал на встречу со своим батей, так что даже заходить не стал – нахрен надо. Дождался, когда её подведут к машине и, окинув взглядом с головы до ног, кивнул охране. Выглядела она настороженной. Знает, сучка, что её ждёт.

– Я же обещал тебе, что мы ещё увидимся, – негромко сказал я, усаживаясь рядом с ней на заднем сиденье. Она промолчала. Отвернулась к окну, усиленно делая вид, что её всё происходящее не касается. Ну-ну. Я чувствовал, как от неё воняет страхом. Как ни пыталась она держаться, я знал – ей

не всё равно. Понимает же, что будет. Впрочем, что будет, я понятия не имел. Трахну пару раз, а там посмотрим.

Признаться, к питомникам, где Вандор и прикупил эту малышку, отношение у меня было неоднозначное. Нахрена нормальному мужику покупать себе шлюху и потом нести за неё какую-никакую, но ответственность, когда её можно снять и так, а потом забыть? С другой стороны, если не хочется заморачиваться и каждый раз искать приключения на жопу, вернее, на член... В общем, почему бы и нет. Хозяин – барин. Тут кому что удобно. Вряд ли бы я сам решил-ся прикупить себе девочку, но это же вроде как подарок... Да и с подарком этим у меня свои счёты. Главное, понять, что с ней делать, когда надоест. Можно передарить или оставить в качестве горничной... Тоже, кстати, неплохой вариант. И упругая попка всегда под рукой, и нанимать прислугу не нужно. Глянув на девчонку, я хмыкнул. Колени её были плотно сдвинуты, спина прямая, словно она палку проглотила. Положив ладонь на её ногу, я слегка задрал подол платья. Он и так-то едва доходил ей до середины бедра, так что задирать особо было нечего. Взгляду моему открылась татуировка, украшавшая почти всё её правое бедро. Вьюн с раскрытыми цветами. А красиво, чёрт подери! Не люблю это всё на женском теле, но тут... Я присмотрелся к рисунку. Хорошо сделано – цветы, словно живые. Девчонка сдвинула ноги ещё плотнее. Вздрогнула, глянула на меня исподлобья. Ладонки её сжались в кулачки. Я подмигнул ей и протиснул

руку меж её ног. Пальцы мои коснулись её трусиков. Надавлив чуть сильнее, я отодвинул ткань в сторону и раздвинул складочки плоти. Она вцепилась в мою руку, попыталась оттолкнуть, но я тут же перехватил её запястье и сжал с такой силой, что она вскрикнула.

– Тебя никто не спрашивал, чего ты хочешь, а чего не хочешь, – процедил я. – Если мне нужно, чтобы ты раздвинула ноги, ты их раздвигаешь, поняла?

Она глянула на меня с ненавистью. С холодным презрением и отвращением. Губы сжались в тонкую линию, глаза, казалось, потемнели ещё сильнее, и от этого её взгляда я почувствовал прилив гнева. Хотелось смять её, сломать, подчинить. Нет, солнышко, не будешь ты на меня так смотреть. Эти твои штучки не прокатят. Я тебя быстро на место поставлю.

– Если ты думаешь, что я всё забыл, ты ошибаешься, – продолжил я, одёрнув её платье. – Я никогда ничего не забываю.

– Александр Викторович, – обратился ко мне водитель. – Вы не будете против, если мы завернём на заправку?

Против я не был, и уже через несколько минут мы остановились на АЗС. Воспользовавшись моментом, я решил сделать пару звонков и покинул салон. Сегодня утром в один из моих магазинов должна была прийти партия эксклюзивных колец, и я хотел убедиться, что с этим всё в порядке,

а потому набрал менеджеру. Лето в этом году выдалось что надо, погода стояла безветренная и жаркая. Тряхнув головой, я надвинул солнечные очки и отошёл в сторону. В трубке слышались гудки. Нерасторопный сукин сын... Но дело своё знает, иначе бы давно получил пинка под зад. Наконец на том конце раздался ответ, и я тут же задал интересующие меня вопросы. Отлично! Всё в порядке, как я и ожидал, но убедиться стоило. Закончив разговор, набрал следующий номер. Повернулся к машине... Какого же было моё удивление, когда взгляду моему вновь предстала попка-орешек... И орешек этот стремительно нёсся в сторону придорожных кустов.

– Вы ничего не потеряли? – рявкнул я на зазевавшихся охранников.

Вот тупицы! Сила есть, а мозги... Впрочем, винить ребят в том, что они упустили девчонку, мне было трудно. Задачи у них, как ни крути, несколько иные. И уж точно никто из них не ожидал, что малышка припустит так, что только и видели... Да я и сам, признаться, не ожидал. Это вызвало у меня новый приступ раздражения. Теперь она точно доигралась...

Я кивнул в сторону удирающей девчонки, и ребята тут же спохватились. Догнали быстро, несмотря на всю её прыть. Я думал, мозгов на то, чтобы остановиться, у неё всё-таки хватит, но нет. Стоило ей ощутить хватку на своем локте, она вскрикнула. Отшатнулась от одного охранника и метнулась в другую сторону. Второй подставил ей подножку, и она тут

же свалилась в придорожную пыль. Я слышал, как она визжит, ругается матом и вырывается. Стоящий рядом работник заправки удивлённо смотрел, как трое моих ребят пытаются справиться с брыкающейся шлюхой. То ещё зрелище, надо сказать.

– Проблемы с подарком, – бросил я, глянув на парня. Тот понимающе кивнул, я же двинулся ко всей этой куче-мале.

– Пустите меня! – визжала девка, не замечая меня. – Пустите меня, ублюдки! Не трогайте! Отстаньте!

– Заткнись! – рявкнул один из парней, сдавливая её руки и пытаясь прижать к земле.

Она выгнулась, пнула его ногой, вырвалась, но тут же вновь оказалась поваленной в грязь.

– Угомонись, сука! – процедил второй охранник. – Если не хочешь, чтобы Александр Викторович тебе голову открутил, лучше успокойся.

– Да насрать мне на вашего грёбаного Александра Викторовича! – рявкнула она и зарядила телохранителю локтем. – Пусти, сукин сын!

К тому моменту, как я подошёл, парни всё же успокоили её. Присмиревшая девчонка лежала на спине, грудь её тяжело вздымалась, с губ слетало шумное дыхание. Когда я остановился рядом, её дёрнули наверх, словно пушинку, и поставили на ноги. Я смерил её взглядом. Чёрное платье в пыли, волосы всклокочены, на лице грязь... Мать её за ногу! Но что-то в этом есть... Глазища горят, грудь вздымается, кожа

бронзовая...

Я резко схватил её за подбородок. Сдавил так, что она поморщилась. Наверняка потом синяки будут, но наплевать! Эта тварь меня достала. Одно моё слово, и её прикончат прямо тут. Никто и искать не станет, потому что таких, как она, в принципе никто не ищет. Она хотя бы это понимает?! Понимает, сука! Не может не понимать. Глаза у неё умные, сразу видно, что не пустышка. Так какого дьявола добивается?! Надавливая всё сильнее и сильнее, я заставил её задрать голову. Меня колотило от бешенства. Двинуть бы ей как следует, да боюсь, если я это сделаю, от неё мокрого места не останется!

– Ты доигралась! – процедил я сквозь зубы.

Девчонка дёрнулась, желая, по всей видимости, высвободиться, но отпускать её в мои планы не входило. Уж не теперь – точно. Я подтянул её к себе. Она была такая низкая, что едва доходила мне до груди. И эта шавка ещё тявкать вздумала?! Стоит мне стиснуть её цыплячью шейку, позвонки так и полетят в разные стороны. Она опять попыталась мотнуть головой, вцепилась своими тонкими длинными пальцами мне в запястье.

– Слушай сюда, тварь, – снова зашипел я. – С этого дня ты принадлежишь мне. Ты – моя личная собственность. Не рыпайся, если жить хочешь. Потому что если мне что-то не понравится, я пушу тебе в лоб пулю и даже закапывать не стану. Брошу в канаву и будешь гнить.

Она смотрела на меня в упор, и с каждым моим словом огонь в её тёмно-зелёных, болотных глазах становился всё яростнее. Ненависть?! Ну что же, пусть ненавидит. Мне до этого дела нет. Трахать мне это её не мешает, а больше ни на что она не годна. Волчонок...

– Свяжите ей руки, да так, чтобы не смогла пошевелиться, – бросил я своим людям, отпустив её. – И рот заткните. Не хочет по-хорошему, будет по-плохому.

Развернувшись, я пошёл обратно к машине. Пусть моим подарком займутся парни. Что-то подсказывало мне, что огребу я ещё с этой дрянью проблем. И взгляд этот её... Что-то было в её глазах такое, объяснения чему я ещё не нашёл. Какая-то непонятная мне темнота, где терялось всё на свете... Этот взгляд раздражал, но вместе с тем будил внутри странные ощущения.

Вернувшись к машине, я облокотился о капот. Девчонку подвели с другой стороны и, как я приказал, скрутили так, что на лице её отразилась гримаса боли. Сама напросилась. Не надо было злить меня, крошка. Не в твоём положении строить из себя бравую, да храбрую. Была бы умная, заткнулась бы и сидела тише воды, ниже травы.

– Да не трогайте вы меня! – донёсся до меня её рык – злой и отчаянный. Она попыталась отвернуться, когда сотрудник службы безопасности скрутил кляп, но тот ловко ухватил её за волосы. Волосы у неё были недлинные – по плечи. Мне нравились девчонки с шикарной гривой, но эта... Всё в ней

выглядело гармонично. Скажи мне кто, что у меня член до носа подпрыгивать будет от такой малышки, посмеялся бы, а тут... И ножки её, и узкие плечи, и черты лица: всё было словно выверено гениальным скульптором. Теперь я как следует рассмотрел цвет её волос – тёмная шатенка. Красивый цвет, словно горький шоколад.

– Блядь! – услышал я и перевёл взгляд на охранника. Увидел, как перекосилось его лицо, и с удивлением понял, что она цапнула его за палец. Стало даже смешно. Судя по всему, мне стоит крепко задуматься о смене собственной охраны. Если они не могут справиться с пигалицей метр пятьдесят пять ростом, то что говорить о большем?! Парни выглядели несколько озадаченными. Судя по всему, они всерьёз боялись переломать сучке все кости, но в то же время спуску ей давать не хотели. Три мужика на одну мелкую девку... Да, ребятки, это я надолго запомню!

– Всё готово, Александр Викторович, – наконец проговорил один из них и подвёл ко мне связанную девчонку.

– Да неужели, – с сарказмом отозвался я и приподнял бровь.

Намёк мой был понят правильно. Парни замаялись.

– Простите, Александр Викторович, – ответил старший. – Поймите... внештатная ситуация.

– Ладно уж, – махнул я рукой. – В машину её и поедем отсюда.

Девчонку толкнули в салон, и она тут же вжалась в проти-

воположную дверцу. Забилась в самый угол и уставилась на меня своими глазищами. Запах страха стал ещё ощутимее. Грязная и растрёпанная, она выглядела присмирившей. Руки её были связаны за спиной, плечи напряжены. Я видел, как верёвка впивается в её запястье. Стоило бы немного ослабить узел, но делать этого я не собирался. И не потому, что опасался новой попытки побега. Чего хотела, то и получила. Хотя, нет. По идее, получить она должна была куда сильнее. А это так...

Ладонь моя вновь легла на её бедро. Я погладил кожу пальцами, приподнял подол и уставился на татуировку. Всё же хорошо набита...

Девчонка дёрнула ногой, вскинула голову и уставилась на меня в упор.

– Ты ещё что-то не поняла? – вкрадчиво спросил я, не переставая гладить её ногу.

Она продолжала смотреть. Как-то затравленно, но в то же время с вызовом. Как же она меня раздражает... И при этом как же мне хочется раздвинуть её ноги и вставить ей прямо здесь и сейчас. Эти её растрёпанные волосы, грязь на бронзовой коже... Я чувствовал себя извращенцем. До одури хотеть растрёпанную шлюху – такого я за собой прежде не замечал.

В конец раздраженный её непокорностью, я дёрнул платье с плеч. Она замычала, отпрянула от меня, но я дошёл до той степени озверения, когда это уже перестало действовать.

– Я тебя предупреждал? – цедил я, разрывая тонкую ткань. Та трещала по швам, рвалась, повисая лохмотьями. Чего я хотел добиться – сам не знаю, но взгляд девчонки стал не таким вызывающим. Она сжалась, забилась в самый угол. Сидящий со мной рядом охранник посмотрел на неё и снова уставился в лобовое стекло. Что-что, а на это мне точно было плевать! Разодрав платье, я спустил его с её плеч до самого пояса. Впился взглядом в маленькую округлую грудь с тёмными сосками. Блядь! Какого чёрта я творю! В штанах стало так тесно, что впору было переключиться на собственную ширинку. Во рту пересохло, член запульсировал. Её тело было совершенным, мать её! Поджарое, изящное. Я так и представлял, как она выгибается подо мной...

– Трахать я тебя буду так, что ходить не сможешь, – склонившись, прошептал я ей на ухо и подхватил губами мочку. Накрыл полушарие груди ладонью и сильно стиснул. Она снова замычала, а я выдохнул.

Стоп! Если сейчас же не остановлюсь, разложу её прямо тут... А трахать бабу при собственной охране... Нет, всё же лучше оставить это до дома. И никаких больше заправок! Иначе яйца у меня точно лопнут.

Глава 2

Стэлла

От всего происходящего меня в буквальном смысле тошнило. Я понимала только одно – если не убегу сейчас, мне конец. Этот мужчина... Алекс. Он вывернет меня наизнанку, сотрёт всё, что ещё не было стёрто до него, и оставит подыхать. Сколько раз я встречала подобных ему... Очередной ублюдок, придающий значение лишь собственным желанием и считающий остальных грязью под своими ногами. Высокий и поджарый, он пугал меня своей неукротимой звериной силой. И ещё эти серые, стальные глаза... Глядя на него, я испытывала животный ужас, смешанный со смирением, которого я не желала.

Что и говорить, Александр был красив... Чтобы рассмотреть его лицо, мне нужно было задрать голову. Должно быть, роста в нём под метр девяносто, не меньше. Господи, он же раздерет меня на части... Рядом с ним я чувствовала себя ничтожеством. Ручища, как лопаты, жёсткие черты лица, квадратный подбородок, выдающий волевой характер. На лоб его спадала прядка пшеничных волос... Должно быть, у него отбоя нет от женщин, так на кой я ему?! На кой я им всем?! Мне хотелось криком кричать, но вместо этого я молча жалась к дверце, боясь, что он начнет прямо тут, вместе со своими охранниками. Беги, прячься... Я пыталась спря-

таться, чтобы не думать о том, что все они смотрят на меня, полуголую и униженную. Запястья болели так, что на глаза наворачивались слёзы, сердце то затихало, почти переставая биться, то подпрыгивало к горлу. Я всё ещё чувствовала слабость, а то, что произошло на заправке... Боже, у меня был один единственный шанс, но я так бездарно его упустила!

Внедорожник подъехал к высоким кованым воротам, и те начали разъезжаться в стороны. Посмотрев в окно, я увидела дом. Двухэтажный особняк с небольшими колоннами и широкими окнами. Красивый дом в итальянском стиле. Во дворе журчал трёхъярусный фонтанчик. Сразу видно, что хозяин привык жить на широкую ногу. Да по нему и так видно! Дизайнерский пиджак, кожаный ремень, на запястье дорогие часы. От него буквально пёрло властью, деньгами и эгоизмом. И вот в это всё я умудрилась влипнуть! Будь проклят тот нож! Тогда я настолько испугалась, что не понимала, что делаю... Честно говоря, я даже не помнила, как это произошло. Дикий страх, а потом... потом осознание того, что я сотворила. Если бы я только знала! Перетерпела бы, стиснула зубы и перетерпела. Сколько уже раз, одним больше, одним меньше. Но тогда всё случилось так неожиданно, что я... Я словно с ума от страха сошла. Не понимала, что делаю. Главным тогда было защитить себя, а осознание пришло уже после. Если бы меня хотя бы кто-то предупредил... Но кто я такая, чтобы просто сказать о том, что я должна буду обслужить друга человека, что меня купил? Правильно,

никто...

– Отведите её в мою спальню, – услышала я раскатистый голос Алекса, когда машина остановилась перед гаражом.

В спальню? Вот так сразу? Я прикрыла глаза, чувствуя, как внутри всё сжалось. В душе словно чёрная дыра образовалась. Такая пустота, что дышать стало трудно. Я поняла, что смертельно устала. Не только физически, нет. Морально. События последних дней и так были тяжёлыми, а теперь это... Но я должна выдержать. Должна. Выбора у меня всё равно нет.

Один из охранников открыл дверь с моей стороны, схватил меня за локоть и выволок из машины. Платье моё болталось на талии, подол перекрутился. Грудь тут же обдало тёплым ветерком, и я почувствовала, как затвердели соски. Охранник задержал на мне взгляд. Я посмотрела ему в глаза. Плюнула бы в рожу, если бы смогла, но рот мне заткнули какой-то тряпкой. Как же я их всех ненавижу! Как же мне хотелось, чтобы все эти ублюдки провалились в преисподнюю и вечно горели там в адском пламени! Видимо, мои мысли отразились во взгляде, потому что подонок перестал пялиться на мою грудь и, крепко ухватив за локоть, повёл меня ко входу в дом. Через тонкую подошву балеток я чувствовала гравий дорожки, ветер обдувал тело. Было тепло, но, несмотря на это, кожа моя покрылась мурашками. Вдоль дорожки росли подстриженные в виде шаров тисовые кустарники вперемишку с шиповником. Красиво... Красиво и дорого. На

крыльце я едва не споткнулась и, если бы мой конвоир не придержал меня, наверняка воткнулась бы носом в ступеньки. Свернуть себе шею, да и дело с концом...

– Аккуратнее, – буркнул охранник. Я наградила его тяжёлым взглядом. Аккуратнее... Развяжи мне руки, кретин! Посмотрю я на тебя, как ты будешь аккуратнее, если тебе верёвки в кости врезаются!

Видимо, до него дошло о чём я думаю, потому как весь оставшийся отрезок пути до комнаты он молчал. Пройдя через холл, мы поднялись на второй этаж по широкой лестнице из красного дерева. Всё тут буквально вопило о состоятельности хозяина. В коридоре второго этажа стояли маленькие диванчики из кожи белого и бледно-кофейного цвета, на стенах висели акварели и изящные бра в форме лилий. Ступни моих ног утопали в длинном ворсе роскошного ковра, глушащего звук шагов. И во всём этом великолепии я – грязная, растрёпанная, уставшая. Словно уродливое пятно на великольном рисунке.

Охранник подвёл меня к одной из дверей в конце коридора и, открыв, толкнул в спину. Я ввалилась внутрь. Запнулась о край ковра и на этот раз всё-таки не удержала равновесие. Коленку обожгло болью, ворс ковра щекотнул щёку. Отомстил, мудака? Я смотрела на своего провожатого снизу вверх, понимая, что он это специально. Держался-держался, а тут всё-таки говно попёрло. Губы его были плотно сжаты, взгляд хмурый и тяжёлый. Не нравится? А мне нравится?!

Только кто меня спросил?!

Склонившись, он развязал кляп, и я тут же фыркнула. Во рту пересохло, горло драло.

– Развяжи меня, – просипела я. – У меня руки онемели.

Это была чистая правда. Верёвки так сильно врезались в кожу, что я почти не чувствовала кисти. Болели даже плечи. Выдохнув, я опустила голову. Опять эта тошнота... Мне нужно было несколько спокойных дней, чтобы прийти в себя, но, судя по всему, этого я не дождусь. Охранник грубо перевернул меня животом вниз и взялся за мои кисти. Чтобы не закричать, я с силой стиснула зубы. Не дождётся. Даже если он мне руки переломает – ни звука не издам. Не впервой.

Через несколько секунд кисти мои были свободны. Сжавшись на полу, я тут же обхватила левую и растёрла кожу пальцами.

– М-м-м... – не выдержав, всё же застонала я. Пальцы начало покалывать, на коже виднелись красные борозды. Прижав к себе ноющие ладони, я подтянула колени к груди. Вставать не хотелось. Не хотелось, чтобы этот бугай снова рассматривал меня, словно товар, выставленный в витрине. Разорванное платье едва прикрывало мои бёдра, выше же я была совершенно голой.

– Сейчас придёт горничная и вымоет тебя, – бросил охранник прежде, чем свалить за дверь.

Я зло посмотрела ему в след. Вымоет меня?! Я ей так вымою, что потом мыться не захочется. Не дай бог ещё ка-

кая-то горничная будет меня трогать. Никогда. Никогда меня не трогала женщина. Умру, но не позволю этого. Хватит с меня и всех этих грязных уродов. Уж ванную я в состоянии найти без чьей -либо помощи.

Минут через пять в дверном проёме в самом деле нарисовалась тётка в отглаженной бледно-голубой форме и белом передничке с кармашками, по краю которого шла аккуратная оборочка. Я по-прежнему лежала на полу и смотрела на неё, прижимая к груди пульсирующие кисти. Даже горничная в этом доме выглядит куда лучше меня... Холёная, с паристократически бледной кожей и большими голубыми глазами, она походила на экономку, хотя вряд ли ей было больше тридцати пяти.

– Пойдём, – приблизившись, она ухватила меня за локоть, да так крепко, что запястья заболели с новой силой.

Я зашипела. Проклятая сука!

– Я сама вымоюсь, – procedила я, кое-как поднимаясь с пола.

– Мне приказано помочь тебе принять ванную, – отрапортовала она с высокомерным видом и, брезгливо посмотрев на моё платье, вцепилась в болтающиеся на мне обрывки ткани.

– Не трогай меня! – отшвырнув её руки, procedила я. – Иначе я тебе глаза выцарапаю.

– Не смей так со мной разговаривать! – прошипела она в ответ и толкнула меня к ванной. – Будет мне тут уличная

девка приказывать. – Давай, иди. Грязная, как незнамо кто.

Затолкав меня внутрь, она принялась сдирать платье. Я отпихнула её, и это, похоже, окончательно её разозлило. Пальцы её сомкнулись на моём изуродованном верёвкой запястье, и я поморщилась.

– Отпусти! – вырывая руку, рявкнула я.

Она не отпустила. Потянула меня к ванной. Я пихнула её, упёрлась, но она толкнула снова.

– Александр Викторович приказал привести тебя в нормальный вид и, видит Бог, я это сделаю, чего бы мне это ни стоило, – проговорила она, вцепившись в мои волосы.

Я тут же перехватила её руку и, вывернувшись, впилась ногтями. Это она зря! Ненавижу, когда меня трогают! Ненавижу руки! Ненавижу чужие пальцы на своей коже! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!!!! Изловчившись, я впилась зубами в её ладонь. Стиснула челюсти и надавила клыками. Ты, сука, не на ту напала. Поживи на улице с моё, а потом приказы будешь раздавать.

– Ай! – вскрикнула она, прижимая ребро ладони к груди. Уставилась на меня с удивлением и некоторым страхом.

Во рту чувствовался солоноватый вкус крови, и это вызывало во мне удовлетворение. Да, вот так. Я сплюнула на пол, и по кафелю цвета слоновой кости размазалось розовое пятно. Я оскалилась. Наконец-то эта сука оставила меня в покое.

– Приблизись – изуродую, – прошипела я, а в следующий момент в ванную ввалился мой новый владелец. Хозя-

ин всех и вся, чтоб его!

– Александр Викторович, – дрожащим голосом заговорила горничная, – эта дрянь меня укусила! – Она выставила вперёд руку, демонстрируя ему след моих зубов.

Алекс озадаченно посмотрел на неё, на меня, и сухо проговорил:

– Ты свободна, Мира. Я сам ею займусь.

Горничная ничего не сказала, вышла из ванной с таким видом, словно под нос ей сунули что-то дурно пахнущее. Кажется, в её лице я нажила себе врага. Хотя... Она меня за человека-то не считает, какая вражда?! Только хрен эта сука ко мне теперь подойдёт! Пусть попробует! Ненавижу таких. Более или менее устроилась в своей паршивой жизни и нос воротит. Считает себя лучше других. А чем ты лучше?! Что ты обо мне знаешь?! Грязная, платье драное?! Думаешь, ты от этого застрахована?! Нет, дорогая. Если у тебя нет денег, богатых родителей и заступиться некому. Только я всё выдержу, а вот ты – сомневаюсь. Проводив её взглядом, я посмотрела на Алекса. Тот с непроницаемым выражением лица закатывал рукава своей до отвращения белой рубашки и выглядел при этом так... словно бы он только-только с президентского приёма вернулся. Расстегнул часы и, сняв их с запястья, положил на полочку под зеркалом. Послеглянул на меня – прошёлся взглядом от лица до самых ступней. Я ощутила, как у меня кишки выкручиваются. Вот от этого его взгляда – холодного, режущего сталью. Заметила, как се-

ребрится его радужка, словно бы в грозовом небе рассыпали крупички серебра.

– Раздевайся, – негромко сказал он.

Я не шелохнулась. С одной стороны, меня пронизал страх, с другой – я понимала – подчинюсь сейчас, после пути назад не будет. И почему-то подчиняться этому мужчине мне очень не хотелось. Что-то во мне ещё всё же не умерло. Что-то, что когда-то было моим стержнем, что не дало мне сойти с ума и помогло выжить.

– Ты глухая? – спросил он, когда я не двинулась с места. Шагнул ко мне, но я тут же отступила назад.

– Не прикасайся, – процедила я, глядя ему в глаза.

Меня трясло. Внутреннее напряжение достигло того предела, когда я понимала – ещё немного, и я могу потерять над собой контроль. Редко, но такое случалось со мной. И тогда... Тогда я переставала понимать, что делаю. Так было и в тот день с ножом. Единственное, что для меня имело значимость – не дать никому к себе прикоснуться. И сейчас происходило то же самое, с той разницей, что я не испытывала дикого страха. Страх был – сильный, всепоглощающий, но несколько иной. Мне было страшно не в конкретный момент, а вообще. Потому что я прекрасно понимала, что ничего хорошего меня не ждёт, и холодный блеск серых глаз стоящего рядом мужчины служил тому красноречивым подтверждением.

– Я тебе уже всё сказал, – спокойно ответил он и прибли-

зился, я отступила и почувствовала, что упираюсь в стену. Холод обжёг спину и ягодицы, я сглотнула. Пошарила рукой, пытаюсь отыскать хоть что-то, чем могла бы защитить себя, но пальцы мои лишь скользили по прохладе кафеля.

– Не подходи! – в отчаянье зарычала я, чувствуя аромат дорогого мужского парфюма. Тошнота усилилась, к горлу подкатил комок.

Плевать ему было на мои слова! Он схватил меня за локоть и потянул к стоящей в углу ванной. Пальцы его так крепко сжимали мою руку, что локоть мгновенно стал неметь. Я пнула его по икре, но он даже не отреагировал.

– Пусти меня, козёл! – заорала я, впиваясь ногтями в его предплечье. – Не прикасайся ко мне!

– Тварь! – зашипел он и буквально швырнул меня в ванную. Я кубарем перелетела через борт, ударилась плечом, спиной. В голове зашумело.

– Ай! – взвизгнула я, когда тело моё ошпарило струёй горячей воды. Подскочила и попыталась вырвать у него душ, но он направил струю мне прямо в лицо. Рот наполнился водой, глаза зашипало. Я вцепилась в его плечо, ухватила за лейку душа и потянула на себя. Дёрнула, но Алекс толкнул меня обратно на дно ванной. Прижал рукой и, кинув душ рядом, принялся сдирать остатки платья.

– Сука паршивая! – шипел он, отдирая намокшую ткань от моих ягодиц. – Я тебя урою, блядина!

– Не трогай меня! – завизжала я и пнула его пяткой. – Я

тебя сама урою!

– Вот сука! – отшатнувшись, прорычал он, сжал челюсти и, снова склонившись ко мне, вцепился в платье. Я вонзила ногти в его руку. Но как следует оцарапать не успела – в следующий миг меня оглушила пощёчина. Господи... В ушах зазвенело, мозги словно бы перетряхнули. Зарычав, я накинулась на него. Била, куда придётся, хотя больше всего мне хотелось расцарапать его наглуую физиономию. Кажется, раз я все же попала... А потом ему надоело, и он швырнул меня в ванную в третий раз, да так, что я хорошенько приложилась головой. На миг перед глазами потемнело и поплыло. Я застонала.

– Ещё раз поднимешь на меня руку, – поливая меня из душа, гаркнул он, – и я засуну эту лейку тебе между ног! Поверь, я не шучу!

Я приподняла потяжелевшие веки. Лицо его было искажено яростью, глаза напоминали небо в бурю. А ведь он действительно не шутит... Только почему-то мне было плевать. Плевать, что будет дальше – хочет изуродовать – пусть делает это сейчас. Убить хочет – тоже сразу. Не буду терпеть! Это я Милане говорила, что надо, но у неё... У неё ещё есть шанс на достойную жизнь. И Вандор на неё так смотрит... так, что сразу понятно – всё может быть. А я... я пустая. И шансов у меня нет, потому что этот мужчина не из тех, для кого такая, как я, может хоть что-то значить. Я ему лишь для развлечения – самолюбие потешить. Ведь я посмела ему возразить.

Взяв какую-то бутылку, он выдавил содержимое на ладонь и плюхнул мне на голову. Я тут же подобралась, изогнулась и вышибла всё у него из рук. Тряхнула волосами, разбрызгивая шампунь, и зарычала, приподняв верхнюю губу.

– Я тебе сказала – не прикасайся ко мне!

– По нормальному не хочешь? – рыкнул он в ответ. – Хорошо!

С этими словами он схватил меня за волосы и выволок из ванной. Протащил через всю комнату, открыл шкафчик под раковиной. Я шипела, пытаюсь отодрать его пальцы, но хватка была мёртвой. В руках его появились ножницы. Я забила сильнее, не обращая внимания на то, что с меня словно бы скальп сдирали. Что этот сукин сын собирается сделать?! В тот момент, когда сталь блеснула, мне стало страшно.

– Вот так! – процедил он и щёлкнул лезвиями. Тёмные прядки упали на пол, а потом ещё и ещё.

Наконец он отпустил меня. Шумно дыша, я посмотрела на кафель под нашими ногами, а после подняла взгляд на Алекса. Провела дрожащей рукой по голове. Вот мерзавец! Мне хотелось выхватить эти самые ножницы у него из рук и исполосовать его лицо, воткнуть ему в шею, прямо в бьющую пульсом артерию. Руки тряслись, пальцы не гнулись. Он усмехнулся. Оценивающе глянул на меня и, швырнув ножницы на пол, снова схватил за руку. Толкнул к раковине. Кое-как я успела подставить ладонь, но бок всё равно обожгло болью. Пальцы Алекса легли на моё горло. Он надавил

– не сильно, но так, что я замерла. Подняла взгляд. Он смотрел прямо мне в глаза. Искрящееся грозное небо... с молниями и громом. С серыми тучами, хлёткими струями дождя и россыпью серебристых бриллиантов. Пальцы его сомкнулись ещё сильнее, большой прошёл по шее, и я сглотнула.

– Малейшая глупость, и я сделаю это, – склонившись ко мне, проговорил он негромко, бархатным... слишком бархатным голосом. – Ты меня достала, Стэлла.

Оказывается, он знает моё имя... Я выдохнула. Вторая его рука скользнула по моему боку к бедру, потом по животу. Обрисовав пальцами мой пупок, он опустил ладонь ниже и резко, сильно сжал промежность. Я всхлипнула. Невольно заскулила – было больно и страшно. Я не знала, какой он, не знала, что он сделает со мной. В моей жизни было столько всего, но этот мужчина пугал меня своей звериной энергией, своей мощью, своими серебристыми глазами.

– Вот молодец, – уголок его рта дрогнул в усмешке. В следующий миг он резко вогнал в меня два пальца и с ходу начал трахать. Я вскрикнула. Пальцы его двигались резко и быстро, а я была совсем не готова к этому. Спрятаться... Боже, мне нужно спрятаться! Я попыталась найти в своём сознании хоть какое-то укромное местечко. Воспоминания, связанные с чем-то тёплым. Уголок, где нет боли. Спрятаться...

Пальцы его вонзились так глубоко, что я приподнялась на

носочки. Спрятаться... Только спрятаться не получалось. Я не понимала, что происходит, но сознание отказывалось подчиняться мне. И это было страшно. Потому что если я не смогу... Я с ума сойду!

– М-м-м... – Я прикрыла глаза. Ухватилась за край раковины, сжимая с такой силой, что руки онемели. Привсталала ещё выше, пытаюсь хоть как-то облегчить боль. Он обхватил мой затылок, движения его чуть замедлились.

– Посмотри на меня, – приказал он сиплым, глухим голосом. Я покорно приподняла веки. Сил сопротивляться больше не было.

Алекс внимательно взгляделся в мои глаза, лицо его померцало. Я ощутила, как большой палец его скользнул по моему клитору. Сглотнула. Он больше не вдавливался в меня, и я, почувствовав облегчение, привалилась к раковине.

– Ты очень узкая, – наклонившись ко мне, он лизнул мою губу. Подхватил и чуть сжал зубами.

Я постаралась отвернуться, но понимала – это бесполезно. Я должна перетерпеть. Ничего страшного, просто перетерпеть это. Ещё один раз... Подушечка его пальца скользила по моему клитору, он поглаживал меня, но возбуждения я не чувствовала. Просто стало легче.

– Не так, – попросила я и, сглотнув, добавила: – Не так быстро, пожалуйста...

Пальцы его вовсе исчезли. Я почувствовала губы на своих губах и приоткрыла рот. Чем быстрее всё кончится, тем луч-

ше. Язык, настырный, властный, скользнул в меня, огромная рука сжала затылок. Я выдохнула и постаралась расслабиться. Алекс целовал меня напористо и как-то голодно, сминая губы, сминая волю, которой у меня, в общем-то, и не было.

Оторвавшись, он взялся за свои брюки. Я видела, как он расстегнул ремень, а затем и ширинку. Видела, как распахнулась его рубашка. Взгляду моему открылась широкая, покрытая золотисто-коричневыми завитками волос грудь с плоскими маленькими сосками. Я опустила глаза к его рельефному животу, пробежалась по шёлковой дорожке волос, ведущей от пупка к паху. А потом глянула ниже и застыла. Он был огромным. Таким огромным, что внутри меня всё сжалось от ужаса. Он ещё не взял меня, а я уже понимала, что будет... На руках у меня выступили мурашки, ноги задрожали, в горле встал ком. Приблизившись ко мне, он провёл ладонями по моим бёдрам и развёл ноги в стороны. Всё во мне задеревенело. Я даже пошевелиться не могла, только смотрела на его стоящий член, словно бы мужских гениталий в жизни не видела. Боже мой... Нагнувшись, он проскользил губами по моей шее, обхватил грудь и с силой сдавил. Меня тряхнуло от страха. Каждое его касание было проявлением силы, каждое движение было отражением его животной сущности. Снежный барс... Красивый и беспощадный. Подхватив мою ногу под коленом, он приподнял меня, вжал в раковину и подался бёдрами навстречу.

Я зажмурилась. Стиснула зубы, почувствовав, как он во-

рвался в меня. Вцепилась в его плечи. Дыхание перехватило. Сжав зубы, я уткнулась в него. Спрятаться...

– Да... – простонал он, резко и быстро вбиваясь в меня. Я раздвинула ноги шире, пытаюсь пустить его, расслабиться. Я должна хотя бы расслабиться...

– М-м-м... – тихо застонала я, понимая, что сил сдерживаться у меня нет. Он слишком большой для меня, а я... я совсем не готова к этому. Он словно на части меня разрывал, растягивал так, что на глаза наворачивались слёзы, а сердце при каждом толчке подпрыгивало к горлу. В груди у меня стоял немой крик, в висках ныло от напряжения. Пальцы его поглаживали моё бедро, поднимались к ягодицам. С очередным толчком он сильно сжал мой зад, буквально впечатал меня в раковину, зарычал. Я видела огонь в его зрачках – праное желание, и чувствовала себя как-то странно. Должна была бы испытывать отвращение, но отвращения не было. Не было, несмотря ни на что. Несмотря на боль, несмотря на его грубость. Как будто он подавил меня, не сделав для этого ровным счётом ничего. Прежде это всегда было омерзительно – так, что мне хотелось разодрать своё тело, отмыться, но сейчас...

– Вот так, малышка! – зарычал Алекс, запрокинув голову, и я почувствовала, как он пульсирует во мне, наполняя меня своим желанием. Закрыла глаза и выдохнула с облегчением. Я выдержала это. И, кажется, всё оказалось не так плохо...

По крайней мере, я осталась цела. Ладонь его прошлась по

моей спине, по заду. Я ощутила смачный хлопок, а в следующий миг ступни мои коснулись прохладного пола. Ноги дрожали, колени подгибались. Бёдра были липкими от спермы, а внутри саднило. Тяжело дыша, я смотрела на жмурящегося Алекса и не понимала, что со мной. Отвращения по-прежнему не было. И ещё... впервые я не смогла закрыться. Впервые за много-много лет. Это пугало меня. Потому что если я не смогу прятаться...

– Иди в душ, – услышала я глухой голос. Глянула на Алекса и, пошатываясь, пошла к душевой кабинке. Услышала шаги за спиной и напряглась. Алекс открыл передо мной стеклянную дверцу и, пропустив внутрь, зашёл следом. Включил воду.

Я молчала. Не знала, что сказать, да и говорить, по сути, было нечего. Всё и так ясно.

– Учти, – заговорил он, разворачивая меня к себе спиной и толкая к стенке, – если я говорю, что ты должна встать на колени и отсосать, ты встаёшь и сосёшь. Если говорю, что ты должна подставить мне свою попку – ты подставляешь. Ты меня поняла?

– Да, – отозвалась я, зная, что так оно и будет. Потому что в моей жизни никогда не было иначе. Потому что моё тело никогда мне не принадлежало. Кому угодно, только не мне. Теперь оно принадлежит этому мужчине, и всё, что мне остаётся – прятаться. Если, конечно, с ним я смогу это делать, а если нет...

– Сейчас я буду трахать тебя сзади, – просипел Алекс, склонившись ко мне. – Долго. Буду всаживать тебе до тех пор, пока не решу, что достаточно. Так что нагибайся и подставляй мне свою сладкую киску.

Я послушно упёрлась ладонями о стену. И нагнулась. Раздвинула ноги. Почувствовала, как пальцы его впились в мои бёдра и тут же ощутила, внутри большой, твёрдый член. Всё во мне снова натянулось, напряглось. Какой же он огромный... Склонила голову и прикусила губу. На этот раз принять его было легче. Я выдохнула, когда он, застонав, принялся резко и быстро вдалбливаться в меня. Шлепок за шлепком. Он вгонял мне член до самого упора, так, что перехватывало дыхание, а я только кусала губы. Ладонь его легла мне на живот, и он впечатался в меня так, что я взвизгнула. Из глаз брызнули слёзы, дыхание вырвалось всхлипом. Боже мой...

– Мне нравится, что ты такая маленькая... – прохрипел он у меня над ухом и прижался губами к позвонкам. Слизнул с моей спины капельки воды и обхватил грудь. Смял, больно покручивая, пощипывая соски, потом стал просто тискать, не переставая двигаться во мне, наполнять меня. Прячется я уже не пыталась – не могла. Не с ним. В голове стоял туман, внутри всё ныло, а он продолжал врезаться – раз за разом, глубоко, наотмашь, снова и снова, словно бы мог делать это бесконечно, словно бы он был неутомимой машиной с огромной сексуальной энергией. С ним у меня нет шансов.

С ним у меня ни на что нет шансов...

– Ложись на постель, – приказал Алекс, когда мы вышли из ванной.

Уставшая, я не спорила. Плевать, что он будет со мной делать. Сил у меня не осталось, я чувствовала себя так, словно меня выпотрошили. И морально, и физически. Я была опустошена, не понимала, что с моим телом, моим сознанием. Хотелось закричать. Просто взять и завывать в голос. Как была голая, я легла на одеяло и уставилась в потолок. Если он захочет третий раз... Это просто тело. Телу всё равно. Поболит и перестанет. Пусть берёт. Пусть делает, что ему хочется. Все они всегда делали со мной то, что им хочется.

Взяв за руку, Алекс подтянул меня к спинке постели, потом взял вторую. Я ощутила, как на запястьях затягивается верёвка. Выдохнула.

– Что ты делаешь? – тихо спросила я, хотя всё и так было ясно.

Недостаточно ему той власти, что у него есть. Хочется больше. Что же... Пусть будет больше.

– Полежи пока так, – усмехнулся он и осмотрел меня. Задержался взглядом на моей промежности и, скользнув между ног пальцами, погладил складки плоти. Я напряглась, ожидая, что он вонзит пальцы в меня, но он убрал руку и, похлопав по животу, вытащил из-под меня одеяло. Небрежно накинул сверху и пошёл к двери.

– Ты куда? – поняв, что он собирается оставить меня так, спросила я вдогонку.

– У меня есть кое-какие дела, – ответил он с ехидной усмешкой. – А ты пока полежи, подумай о своём поведении.

Глава 3

Алекс

Зря я надеялся, что заварушка с Вандором осталась позади. Если в деле замешана красивая баба... А его Милана – ещё тот цветочек – василёчек. Мне уже давно стало ясно, что влип друг по полной и его вечерний звонок лишь подтвердил мои мысли. Карты, деньги, два ствола... В нашем случае – поддельные документы и два обручальных кольца. Почти одно и то же, мать его. Тем более, с деньгами и стволами у Вандора и так всё в полном порядке. Выматерившись, я закончил разговор с другом и тут же набрал номер менеджера, которому звонил днём. Его рабочий день закончился пару часов назад, но ничего. Этому растрясти свой ленивый зад полезно. И пусть только попробует трубку не взять... Приготовившись намылить сотруднику загривок, я стал ждать, но ответ раздался уже на втором гудке. Я даже удивился. А ведь Вандор – удачливая сволочь. Как чувствовал, мерзавец, когда колечком свою синеглазую осчастливить.

Дежуривший у ворот сотрудник службы безопасности передал по рации о моём прибытии, и мы проехали на территорию. Откровенно говоря, всё это было условностями -к Вандору я мог приехать в любой момент, даже если его не было дома точно так же, как и он ко мне. Познакомились мы

лет двадцать назад, будучи совсем зелёными юнцами. Как-то оказались вместе возле пафосного закрытого клуба и влезли в заварушку с местными. Помню, как бил морду какому-то рыжему парню, а Вандор в это время махал кулаками у меня за спиной... Вот так всё и началось. Сейчас уже не вспомнить, с чего мы, будучи даже не знакомы, полезли в драку, но жизни наши это сплело в один клубок. Наследники семейного дела, оба мы хорошо знали, что такое ответственность, и быстро нашли общий язык. Кроме того, и он, и я росли без матери. Его мать выгнал отец, а меня воспитывал дед, потому как родители погибли в аварии, когда мне было двенадцать. Это нас тоже сблизило: схожие проблемы, схожие переживания, схожие мысли.

Не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы в ней не было Вандора. Должно быть, точно так же, однако с важной пометкой «но». Потому что, в сущности, он был мне куда больше, чем друг или брат. Не раздумывая, я бы пошёл за ним под пули и знал, что он сделает это же за меня. И плевать на то, какие для этого будут причины – бизнес или баба. Баба, так баба.

Несколько минут спустя я вошёл в кабинет. Швырнул на стол два паспорта и, не здороваясь, процедил:

– Ты вообще в своём уме?

– Абсолютно, – взяв один из паспортов, ответил Вандор. Открыл страницу с фотографией и, очевидно удовлетворившись, отложил паспорт в сторону. Посмотрел второй.

– Сомневаюсь. – Я присел на угол стола. Достал из кармана коробочку и протянул ему.

Надеялся, что обручалки придутся ему по вкусу. Как он и просил, женское было украшено небольшими бриллиантами – один более крупный посередине, два по бокам. И вроде бы, ничего вычурного, но выглядели кольца красиво. Камни были вставлены в оправу из белого золота, выполненную лучшими ювелирами моей компании. Дорого и со вкусом.

Я заметил взгляд друга на своей руке. Должно быть, его очень заинтересовали две свежие глубокие царапины, но размусливать об этом я не собирался. Уж точно не сейчас. Своих проблем мало, что ли? Проклятая девчонка-таки оставила на мне несколько отметин, и понимание этого вызвало у меня злость. Так что продолжил я довольно резко:

– Какого дьявола, Вандор?! Объясни мне! Ради чего всё это?! Ради девки, которая...

Он выглядел задумчивым. Словно бы сам понимал, что херь творит. Да наверняка понимал, чтоб его! Я осознавал, – мои слова пустой звук. Если уж он решился на такое... За молчав, я посмотрел на него, как на последнего кретина, которым он, в сущности, и был. И чего ему только не хватало?! Нашёл бы себе нормальную бабу, так нет! Взял девчонку из питомника, потом по её прихоти – вторую, ту самую, что после досталась мне. Само собой, дальше следовало ждать большего. И вот оно – большее. Вся его размеренная жизнь к чертям собачьим!

– Ты закончил? – осведомился Вандор. Захлопнул коробочку и убрал в карман.

– Да иди ты к чёртовой матери! – поморщился я и махнул рукой.

– Думаю, твоё пожелание вполне может осуществиться, – невесело усмехнулся он. – Знаешь же моего отца...

Я мрачно ухмыльнулся. Да, отца его я знал, причём хорошо. Тот ещё тип. Дед мой тоже был из тех, у кого по струнке ходят, но любил меня до безумия. Хотя несколько раз мне-таки от него по хребту прилетело. За дело, надо сказать. Не знаю, что бы со мной было, если бы не он... Мало того, что после смерти родителей он взял меня к себе, так ещё и научил всему, что умел сам. Причём учил терпеливо, с пониманием, что я – сопливый пацан, потерявший отца и мать. Деда не стало восемь лет назад, но я всё ещё скучал по нему. Порой мне не хватало его мудрого совета, порой, скупой похвалы, а порой даже строгого взгляда. Но жизнь есть жизнь.

Сунув руку в карман, я вытащил связку ключей и, подкинув на ладони, бросил в своего великовозрастного идиота-друга.

– Можешь пожить в моём доме, – сказал я, когда ключи оказались у Вандора в руках. – Места там немного – всего пара спален и гостиная, зато до моря рукой подать. К тому же, о нём никто не знает.

– Спасибо. – Он убрал ключи в тот же карман, что и коробочку. Взглянул на часы. Я знал, что скоро у них с Мила-

ной самолёт. Что ж, со своей стороны я сделал всё, что мог. Оставалось надеяться, его отец окончательно не озвереет после сегодняшней ночи. Понимая, что времени больше нет, я встал со стола.

– Если что-то понадобится... – хлопнул его по плечу и направился к двери.

– Алекс, – окрикнул меня Вандор, и когда я, обернувшись, вопросительно приподнял бровь, протянул мне тонкую папку. – Это бумаги из питомника. На девочку, что я тебе отдал.

Я глянул на него, на протянутую папку и, взяв, хлопнул ею по бедру. При мысли о Стэлле из глубины подсознания снова начало подниматься раздражение. Лежит, должно быть там, шипит. Я вспомнил её связанные руки, впалый живот. Так, не думать об этом!

– Юра осматривал её несколько дней назад, – проговорил Вандор и тоже направился к двери. – Будь с ней помягче, ладно?

Помягче? Да если бы он знал, какое представление она вчера устроила, причём дважды, вряд ли просил бы меня быть с ней помягче. И что там Юра? Несколько старых синяков я и сам видел. Не смертельно. Хотя били её, судя по всему, сильно. Я бы и сам зарядил ей промеж глаз, но эти синяки на теле... В питомнике с девочками не церемонятся. Так что не удивительно, что её отпинали по рёбрам, если она и там свои фортеля выкручивала.

– Как получится, – бросил я, и вместе мы вышли из кабинета.

Домой я вернулся глубокой ночью, если не сказать под утро. Особняк стоял, погружённый во мрак, только фонари отбрасывали кривые тени на дорожку. Остановившись во дворе, я вдохнул свежий ночной воздух. Гравий шуршал под ногами, и звук этот сейчас казался особенно громким. Присев на старую каменную лавочку, я прислушался к журчанию фонтана и, вытянув ноги, прикрыл глаза. Люблю ночь: тихо, спокойно и никто не мелькает перед носом. Где-то вддали раздался птичий крик. Я снова посмотрел на скрытый теменью особняк. Этот дом я купил больше десяти лет назад. Старый дом со своей историей. Когда-то он принадлежал весьма успешному политику, но в мире, как говорится, нет ничего постоянного. Некоторое время дом пустовал, и всё тут пришло в относительное уныние, но я быстро привёл в порядок и сам особняк, и прилегающую к нему территорию. Изменил кое-что под свой вкус, переделал гараж, но в целом оставил всё как было. Чуть позже ко мне перешло и загородное поместье деда, находящееся в часе езды отсюда. Иногда я проводил там выходные или устраивал приёмы, но на переезд так и не решился.

Мысли мои вяло переключились на лежащую в спальне девчонку. Пожалуй, сегодня малышке стоит провести ночь в одиночестве. Вчера выспаться мне не удалось, сегодня – то-

же, и единственное, чего я действительно хотел – как следует отдохнуть. Вряд ли она согласится свернуться у меня под боком уютным комочком, а очередная схватка со всеми вытекающими... Увольте. Займусь ею завтра, а сегодня переночую в одной из гостевых спален. Иначе, чего доброго, всё-таки прикончу. Но для начала – ужин. Или ранний завтрак – кому как больше нравится.

Не успел я поставить на стол чашку с чаем, телефон мой в очередной раз зазвонил.

– Да чтоб тебя! – тихо выругался я. Какой придурок решил набрать мне в такое время, мать его?! Совсем, что ли, совесть потеряли?!

Честно говоря, я ожидал увидеть на экране номер Вандора и уже напрягся, ибо знал – просто так сейчас друг звонить не станет, но вместо этого глазам моим предстала фотография длинноногой брюнетки. Динара! И какого хрена ей понадобилось?!

– Из ума выжила? – скривил я губы вместо приветствия.

Из трубки слышались звуки музыки – ритмичные биты, усиленные мощными колонками, приглушённый смех и переплетающиеся голоса.

– И я рада тебя слышать, – ответила она низковатым, томным голосом. – А, отвечая на твой вопрос, могу точно сказать: с моим умом всё в порядке.

– Тогда какого хрена названиваешь посреди ночи? – Я усмехнулся. Открыл холодильник и, достав кусок буженины,

бросил на стол. Вечером поужинать я так и не успел, и теперь жрать хотелось так, что сводило желудок. Динара протянула многозначительное «м-м-м», и это вызвало у меня новую усмешку. Красивая баба, да ещё и с фантазией. Наши отношения никогда не были обременены постоянством, и нас это устраивало.

– Соскучилась, – со смешком заявила она и, немного помолчав, добавила: – Я серьёзно. Может, встретимся?

Я опустил на табурет. Глянул на свою исполосованную ногтями руку. Уголок рта невольно искривился.

– Не сегодня, – ответил я, зевая. Для того, чтобы провести ночь с Диной, нужны хоть какие-то силы, а напрягаться мне не хотелось. Чай и мясо в лаваше, а потом несколько часов сна – вот это единственное, что интересовало меня в данный момент. – Давай на днях. Я тебе позвоню.

– Договорились, – легко ответила она и бросила что-то в сторону. – Учти, я буду ждать. Не позвонишь...

– Обязательно позвоню, – отхлебнув чай, хмыкнул я. Уж что-что, а ей я позвоню однозначно. Единственная баба, которую я всегда рад видеть. В меру умная и, что самое главное, умеет где нужно высказаться, а где нужно – промолчать. – У меня тут есть кое-что интересное. Думаю, тебе понравится.

– И что же?

– Узнаешь, – бросил я и, взяв нож, отрезал внушительный ломоть мяса.

Попрощавшись с Динарой, я наконец откинулся на спинку стула и занялся своим слишком уж задержавшимся ужином. Готовить я не любил – для этой цели у меня имелись нанятые люди, но при желании мог сделать что-то на быструю руку. К этому тоже приучил меня дед. Частенько он повторял, что человек, сколько бы денег и власти у него ни было, всегда должен уметь позаботиться о себе сам. В принципе, с этим я был согласен. Правильный всё же у меня был дед – настоящий мужик, так что, как бы там ни было, на жизнь жаловаться мне грешно.

Допив чай, я поставил чашку на стол. Взгляд наткнулся на переданную мне Вандором папку, и я подтянул её к себе. Открыл первую страницу и с интересом посмотрел на фотографию. На ней Стэлла была абсолютно голая. Другая бы, наверное, смутилась, спрятала взгляд, а эта смотрела прямо в объектив, гордо вздёрнув подбородок. Ни страха, ни смущения. Только вызов. Маленькое точёное тело, вьюн на правом бедре...

Я перевёл взгляд ниже, на строчки, где была напечатана основная информация.

Имя: Стэлла

Возраст: 22 года

Рост: 155

Вес: 42

Цвет глаз: тёмно-зелёный

Девственность: нет

Противозачаточный имплант: нет (бесплодна)

Наличие детей: нет

Наличие инфекционных заболеваний: нет

Ещё раз перечитав последние строки, я в задумчивости потянулся к чашке и, только взяв её, вспомнил, что уже выпил чай. Вот оно, оказывается, как. Я знал, что почти всем шлюхам из питомника ставят импланты, и потому даже не задумывался об этом. А эта, оказывается, в принципе бесплодна. Оно, пожалуй, даже к лучшему. Меньше неожиданностей. Пролистав бумаги до конца, я кинул папку на стол. Потянулся. Всё, теперь точно в койку. Иначе завтра не встану.

Телефон издал короткий звуковой сигнал уже в тот момент, когда я находился в полудрёме. Поначалу я думал проигнорировать его, но всё же протянул руку и открыл пришедшее сообщение. На этот раз номер был незнакомым. Короткое смс от Вандора, где он писал, что они с Миланой и Артуром прилетели на Сицилию. Красавчик! Набрав ответ, я с удовлетворением отложил мобильный на тумбочку. Друг, конечно, рехнулся со своей бабой. Это же надо... Губы мои тронула сонная усмешка. Ладно, главное, что всё в порядке. Надеюсь, мой дом на берегу Средиземного моря придётся ему по вкусу.

Глава 4

Стэлла

Всю ночь я так и пролежала привязанная к спинке постели. Если это такой способ проучить меня... Я оценила. Весьма изощрённо, будь проклят этот мудака! До подобного ещё никто не додумался. И, наверное, стоило радоваться, что он больше не трогал меня, да только радоваться почему-то не получалось. Слишком много было у меня в голове мыслей, к тому же руки разболелись с новой силой. На этот раз он связал меня не так крепко, но после прошлого этого было достаточно.

Пошевелив кистями, я выдохнула. Да, всё не так плохо: меня не приковали к батарее, не избили до полусмерти и даже не закрыли в холодном подвале. Всё, чёрт подери, прекрасно! Только от чего тогда у меня ком в горле?! Может быть, от того, что после вчерашнего вечера внутри всё болит? Или от того, что меня отдали, как бездушную тварь? Или от волнами накатывающей слабости? Или от того, что мне нужно в туалет, а этот кобель решил преподать мне урок?! Последнее в данный момент беспокоило меня, пожалуй, сильнее всего. Вряд ли так называемый Александр Викторович хотя бы задумывается о том, что я – что-то вроде человека. Что-то вроде человека как минимум потому, что меня нельзя включить и выключить по чьей-либо прихоти.

Кое-как я перевернулась на бок и поджала ноги. Посмотрела на закрывающий окно тюль. Утро... Очередное недоброе утро моей поганой жизни.

Не знаю, сколько было времени, когда Алекс всё-таки соизволил появиться. Часов у меня не было, а учитывая моё положение, каждая минута тянулась, как резиновая. Я услышала, что открылась дверь, но даже голову не повернула. Только когда он, обойдя постель, остановился напротив меня, подняла взгляд. Не пялиться же мне на его ширинку! Откусив кусок какой-то булки, он положил её на прикроватную тумбочку. Поставил рядом чашку и присел возле меня. Я молча смотрела на него, понимая, что, если открою рот, скажу что-нибудь очень мерзкое.

– Доброе утро, – на губах его заиграла кривоватое усмешка, на щеке появилась ямочка.

Господи, вот наглец! Я стиснула зубы. От него пахло свежестью, весь вид так и кричал о том, что он доволен жизнью. На скулах и подбородке темнела щетина, прядка чистых пшеничных волос падала на лоб, рубашка-поло обтягивала крепкие плечи.

Взяв угол одеяла, он отбросил его в сторону. Осмотрел меня и толкнул в плечо, заставляя лечь на спину. Я шумно выдохнула. Он совсем debil или как?! Должен же хоть немного соображать, что я всю ночь пролежала!

– Развяжи меня, – процедила я сквозь зубы и многозна-

чительно глянула, но на него это не подействовало.

Едва касаясь кончиками пальцев, он провёл под моими рёбрами, по желтоватому синяку, и опустил ладонь на живот. Обвёл пупок и двинулся ниже. Я сглотнула. Мысли лихорадочно заметались в голове, сознание требовало одного – прекратить всё это. Прекратить или как-то защититься. Спрятаться... Мне срочно нужно было спрятаться, но я снова не могла. Почувствовала, как он раздвинул складки моей плоти, как погладил возле самого входа.

– Опять сухая, – заметил он с каким-то недовольством.

Интересно, чего он ждал? Что я потеку, стоит ему до меня дотронуться?! Нет, красавчик. Игрушка тебе досталась бракованная, так что даже не надейся. Он пристально посмотрел мне в глаза, затем провёл вверх, по ложбинке, обрисовал ключицы и, вновь опустив руку, стал мять грудь. С губ моих слетел короткий выдох. Ещё немного, и мне бы было больно, а так... Я чувствовала себя загнанной. Не в силах даже оттолкнуть его, лежала и ждала, что он сделает дальше. Ему же происходящее доставляло явное удовольствие. Больно сдавив мой сосок, он склонился и прихватил зубами второй. Втянул в рот, обвёл языком и опять прикусил, вместе с тем продолжая мять меня. Я стиснула зубы. Перетерпеть...

– Думаю, мы закончим немного позже, – просипел он. Глаза его потемнели, серебряные искорки стали заметнее.

Глянув на его ширинку, я впечатлилась. Бугор был весьма внушительным. Видимо, на ближайшее время у него есть ка-

кие-то смертельно важные планы, если он решил пренебречь своим достоинством и оставить меня в покое.

Лениво дотянувшись до тумбочки, он взял надкусанную булку, отломил ещё кусок и, глядя мне в глаза, сунул в рот. Вот сукин сын! Думает, проймёт меня этим?

Оторвав новый кусочек, он поднёс его к моему рту.

– Завтрак для моего сладкого подарка, – проговорил он с явной издёвкой.

Я послушно открыла рот, взяла булку и медленно прожевала. На щеке его снова появилась ямочка. Он взял чашку. Хотел было дать мне отхлебнуть, но тут я сделала то, о чём мечтала – выплюнула пережёванную булку прямо в его физиономию.

В первый момент он даже не въехал, что случилось.

– Отпусти меня, придурок! – прошипела я. – Иначе я сделаю тебе лужу прямо на твоих дорогущих простынях!

Медленно... очень медленно, он стёр со щеки остатки еды, после встал и пошёл в ванную. Я услышала, как побежала вода. Рожу свою небритую вымыть решил? Меня трясло от злости, от понимания, чем это может кончиться. Я нарывалась... Откровенно нарывалась на неприятности и прекрасно это осознавала. Но что-то внутри сломалось, дало сбой. Что-то, что всегда помогало мне выдерживать трудности. Я не могла... С ним я не могла спрятаться, не могла терпеть, не могла мириться. Я кончилась. Всё во мне кончилось: и воля, и надежды, и вера, и даже простое смирение, кото-

рого, в общем-то, всегда было недостаточно.

Алекс вновь появился в комнате. На футболке его виднелись влажные пятна, по скулам ходили желваки, глаза напоминали небо в грозу. Челюсти сжаты, вена на шее надулась, жилистые запястья напряжены. Снова усевшись на краешек кровати, он взял булку и кусок за куском доел её. Выпил чай. Прищурился, провёл пальцем от самого моего лобка до горла, провёл по шее.

Неотрывно смотрел мне в глаза, продолжая поглаживать шею.

– Знаешь, Стэлла, – заговорил наконец он тихо, все так же не убирая руки. – Не нужно меня злить, я могу сделать тебе очень больно. Могу, Стэлла. – Он многозначительно замолчал и убрал ладонь.

И я понимала – он может. Может играть со мной, словно снежный барс со своей жертвой. Просто потому, что он действительно может это сделать. Я не любила свою проклятую жизнь, ненавидела её, но всегда за неё держалась. Не знаю, зачем. Просто... Другой у меня нет и не будет. А вокруг столько всего... Столько всего, чего я так и не узнала, так и не увидела, так и не ощутила...

Коснувшись моего лица, он вытер слезинку и размазал её между пальцами. Качнул головой.

– Лежать так будешь, пока не попросишь прощения.

– Прости, – тут же просипела я, не чувствуя в себе сил на какое-либо сопротивление. – прости меня, Алекс...

Он снова качнул головой. Презрительно хмыкнул.

– Думаю, ты недостаточно искренна, – проговорил он, вставая.

Я сглотнула, сделала ещё один вдох и повторила:

– Пожалуйста, прости меня.

Он лишь окинул меня взглядом. Забрал с тумбочки чашку и, не оборачиваясь, пошёл к двери. Я крепко зажмурилась, пытаюсь сдержать рвущиеся из горла рыдания. Мне было холодно, меня колотило, каждая клеточка моего тела ныла, сознание было вывернуто наизнанку и раздавлено. Я бы могла попросить ещё раз, но к чему? Всё это бессмысленно. Я ему только затем, чтобы издеваться надо мной и унижать. Смириться... Мне нужно смириться. И тогда всё будет, как всегда. Тело... им всем нужно моё тело. Тело для жёстких, а порой просто жестоких игр... Как же я устала от этого! Господи, пусть хоть у Миланы всё сложится иначе... Она такая юная, такая ранимая... Да, у неё обязательно должно быть всё хорошо. Я не могла ошибиться... Несмотря ни на что, она нужна Вандору. Только бы глупостей не наделала... Только бы она услышала хоть что-то из того, что я ей говорила. Потому что, если она упустит свой шанс с этим мужчиной, другого у неё не будет. И её жизнь превратится в ничто. В такое же ничто, как и моя собственная. Ничто, в котором каждый может сделать с тобой всё, что взбредёт ему в голову, когда унижения становятся чем-то само собой разумеющимся, когда за любое слово тебя могут избить до полусмер-

ти. Нет, даже не за слово... просто так, ради забавы. Этого не заслуживает никто, но Мила... Она – тем более. Только бы у неё всё было в порядке...

Через некоторое время дверь снова отворилась. Я приоткрыла глаза, думая, что снова пришёл Алекс, но вместо него на пороге увидела высокого темноволосого мужчину в тёмной форменной рубашке. На поясе его висела рация, а рядом – кобура с пистолетом. Внутренняя чуйка подсказывала мне, что это не просто один из охранников, а сам начальник службы безопасности. Поймав на себе его взгляд, я отвернулась. Как же мне надоели эти взгляды...

Мужчина подошёл ко мне и потянулся было к рукам, но передумал и опустил ладонь на грудь. Я с шумом втянула в лёгкие воздух. Пальцы его сжались – сильно, резко, и он, отрывисто дыша, принялся мять меня.

– Не трогайте, – рыкнула я, едва способная на хоть какое-то сопротивление.

– Помолчи, – только и кинул он в ответ. Присел на постель и накрыл вторую грудь. Я тихо всхлипнула, попробовала брыкнуться, но... Если сейчас он...

Одна его рука опустилась ниже, к моему лобку, пальцы проскользили по плоти. Я свела бёдра, понимая, что меня бьёт крупная дрожь. На глаза навернулись слёзы. Он выдохнул и перевернул меня на бок.

Я почувствовала, как мужчина раздвинул мои ягодицы,

провёл ниже и снова погладил плоть.

– Хорошая девочка, – услышала я его голос, а следом руки пропали. Верёвка на запястьях ослабла, и я тут же прижала к себе ладони. Испуганная, уставилась на него. Его карие глаза потемнели, зрачки были большими и чёрными. – И без глупостей, – сказал он, убирая верёвку. – Ты порядком помотала всем нервы. Учти, выходки твои никто терпеть не станет, тем более, Александр Викторович. Не тот это человек.

Я натянула на себя одеяло. Прикрыла бёдра, грудь, живот. Чувствовала, как трясётся нижняя губа, а глаза наполняются слезами. Ещё раз глянув на меня, начальник службы безопасности повторил:

– Не делай глупостей, Стэлла, и всё будет в порядке.

Глава 5

Алекс

В зале я потрудился знатно. Вначале беговая дорожка, потом штанга и под конец – груша. Злость отступила, мысли в башке утряслись и встали на свои места, в мышцах чувствовалась приятная тяжесть. Осталось принять душ и... Подумав о запертой в спальне сучке, я повёл плечами. Сегодня я её заставлю как следует поработать. Для чего она, в конце концов, мне ещё нужна?

Вытерев шею, я швырнул полотенце на лавку и вышел из зала. Расположенный в левом крыле, он занимал большое помещение на первом этаже и был оборудован всем необходимым для того, чтобы можно было вышибить из головы дурь. За два часа, проведённые тут, у меня это получилось. Проблемы с Вандором, накопившиеся дела на работе, неугомонная девчонка... Теперь же я чувствовал себя обновлённым.

Едва касаясь ладонью гладких перилл, взбежал по лестнице и, преодолев холл второго этажа, остановился перед дверью. Похлопал себя по карманам. Ключ нашёлся в правом. Достав, я подбросил его на ладони и хмыкнул. Если она сотворит ещё что-нибудь... Люблю девок с фантазией, но эта перешла все границы. Утром я приказал начальнику службы безопасности развязать её. Надеюсь, урок она усвоила, и

глупостей больше делать не будет.

Отперев дверь, я вошёл внутрь комнаты и сразу увидел девчонку. Подобрал под себя ноги, она сидела в большом кресле у окна и, отодвинув тюль, смотрела во двор. Услышав, как открылась дверь, повернулась и волком глянула на меня. В глазах всё то же презрение, губы плотно сжаты. На плечи её была накинута одна из моих рубашек – тёмно-синяя, кажется, от Армани. Ну... что я могу сказать? Ей идёт. Я прошёлся взглядом по её голым ногам, по скрытому тканью телу. Волосы её неаккуратными прядями торчали в разные стороны. Надо будет пригласить хорошего стилиста – пусть приведёт её головку в приличный вид. Не стоило всё-таки делать этого... Не люблю стриженных – хрен поймёшь, баба перед тобой или парень в юбке. Хотя даже сейчас она выглядит... притягательно, чтоб её! Пожалуй, даже более вызывающе, чем до этого. Ей шло. Скулы стали ещё более выразительными, глаза – тоже.

– Поможешь мне помыться, – кивнул я на дверь ванной и взялся за шнурок на штанах.

– Спинку потереть? – холодно спросила она и как-то удивительно изящно положила руку на поручень кресла. Выпрямилась и свесила ноги. Красивые ноги, будь она неладна! А колени... Маленькие, острые. Я почувствовал, как к члену прилила кровь. Блядь, мне одного взгляда на неё достаточно, чтобы внутри всё начало скручиваться! И не помню, когда со мной такое было...

Девчонка вскинула голову и уставилась на меня. Прямо, нагло, дерзко.

– И спинку тоже, – кинув штаны на кровать, подтвердил я. – Пошла.

Нехотя она сползла с кресла и не спеша направилась к двери ванной. С таким видом, будто бы одолжение мне делала. Хорошее настроение мигом куда-то подевалось, и я стиснул челюсти. Проклятая шлюха! Эта надменность во взгляде, эти скулы, эта упругая задница, от которой я глаза отвести не могу... Остановившись возле двери, она посмотрела на меня и приподняла бровь. Лицо её было бледным, на подбородке – лиловые следы от моих пальцев, на шее красные отметины. Привалившись к косяку, она проговорила с усмешкой, кривящей уголок губ:

– Кажется, тебе не терпелось? – и зашла внутрь.

Во мне боролись противоречивые чувства: раздражение с одной стороны и интерес – с другой. что нужно сделать, чтобы она всё-таки присмирела? Но дерзость её мне в определённой мере нравилась. Так даже интереснее. Волчонок пытается скалить зубки в тот момент, когда на шее его затягивается петля. Либо волчонок совсем бесстрашный, либо просто глупый. Только и в первом, и во втором я сильно сомневался. Тогда что? Усмехнувшись, я тряхнул головой и вошёл следом.

Девчонка уже расстегнула рубашку. Подойдя к ней сзади, я помог ей стянуть её и, швырнув на пол, погладил вдоль

позвоночника. Остановился на упругих ягодицах и смачно шлёпнул.

– Скоро мы с тобой опробуем твой орешек в деле, – наклонившись, прошептал я ей на ушко. Прихватил мочку зубами и втянул в рот.

Она напряглась, но ничего не сказала. Я снова похлопал её по заднице, но теперь несколько раз и помягче. Ущипнул.

– Давай, иди, – подтолкнул я её к кабинке. – Сегодня у меня на тебя большие планы.

– Боюсь представить, – огрызнулась она, отодвигая стеклянную дверцу. Я смотрел на её затылок, на тонкую шею, на узкие плечи. Всё же до чего ладно она сложена. Вся такая аккуратненькая, гибкая. Ни дать ни взять – дикая кошка.

Зайдя следом за ней, я включил тёплую воду. Девчонка стояла рядом и даже не шевелилась. Спина напряжённая, прямая, взгляд в стену.

– Расслабься. – Я вложил в её ладошку мочалку.

Она посмотрела на меня, потом опять отвернулась. Положив ладони ей на плечи, я несколько раз несильно сжал пальцы, разминая её мышцы. Она и правда была сжата, словно пружина. Взгляды наши встретились, и я, убрав руки, приказал:

– Приступай.

Взяв бутылку с гелем, она открыла её и принюхалась. Не знаю, понравился ли ей запах, но несколько капель вытекло на мочалку. Наблюдать за ней было забавно. В самом деле

волчонок. И взгляд, и движения, и повадки. Были у меня разные: блондиночки, брюнеточки, рыжули, даже дочка премьеры как-то в койке побывала, но вот волчат ещё не было. Что же... Спасибо Вандору, исправим это упущение.

Сделав шаг ко мне, Стэлла коснулась моей груди. Лицо её было сосредоточенным, глаза она не поднимала. Медленно провела мочалкой до живота, потом снова вверх. Мне нравилось, как кончики её пальцев касаются моей груди, нравилось, как струйки воды стекают по её лицу, плечам и рукам. Пена хлопьями падала к нашим босым ступням, а я всё смотрел на неё, гадая, какие мысли бродят в этой хорошенькой головке. Закончив намыливать грудь, она приступила к бокам, а после тихо попросила:

– Повернись спиной.

Я выполнил её просьбу и тут же почувствовал, как мочалка скользит вдоль позвоночника. Член снова стоял, и мне требовалось собрать в кулак всю свою выдержку, чтобы не смять малышку и не вставить ей сию же секунду. Наверное, стоило так и сделать, но отчего-то я решил повременить. Её пальчики на коже это, надо сказать, тоже чертовски приятно! Пожалуй, сегодняшнюю ночь я проведу в собственной постели рядом с этой крошкой. Только ручки её всё-таки будут связаны. Так, на всякий случай... Уж слишком цепкие у неё коготки, а рисковать понапрасну я не люблю. Встав на носочки, она намылила мои плечи, смыла пену и принялась за бёдра. Я сжал зубы и прикрыл глаза. Хватило меня всего

на несколько секунд, а после я снова развернулся к ней лицом. Не поднимая головы, она присела на корточки и принялась мыть мои икры...

– Бери в рот, – просипел я, чувствуя, как болезненно напрягся пах.

Она посмотрела на меня своим волчьим взглядом. Сжала в пальцах мочалку.

– Давай, соси, – подтолкнул я её.

Влажные волосы взъерошились на затылке, мышцы на миг напряглись сильнее. Она разжала пальцы, и мочалка выпала из маленькой ладони. Вода хлестала её по спине, намокшие волосы казались совсем тёмными. Подогнув ноги, она встала на колени. Молодец, девочка. Сейчас меня лучше не злить, иначе всажу тебе так, что мало не покажется. И орешек твой в ход пойдёт, и маленькая узкая дырочка, и грязный ротик.

Её тонкие пальцы коснулись моего члена у самого основания и прошли до головки. Не поднимая глаз, она мягко обхватила кончик губами и лизнула. Я с шумом втянул носом воздух. Проклятая девка! И откуда она такая на мою голову свалилась?! Одно прикосновение, а меня потрянуло, как пацана, у которого тёлка первый раз в жизни член сосёт. Ладошка её сложилось колечком, плотно обвила меня. Я ощутил, как она берёт глубже, едва ли не до самой глотки. Да, девочка, правильно всё делаешь. Вот так, волчонок...

Положив ладонь ей на затылок, я стал двигать бёдрами,

загоняя член ещё глубже. Ладонь её скользила назад-вперёд, кончики пальцев касались набухшей венки, язык ласкал меня, заставляя кровь бурлить со страшной силой. Старается... У меня сорвался протяжный стон. Хороша девка! Явно со знанием дела подходит. Мне нравилось, как она работает языком, как скользят её губы и пальчики. Почувствовав, что она хочет отстраниться, я ещё несколько раз всадил член ей в глотку и чуть ослабил нажим. Она выдохнула. Вытерла рот ладонью и снова прижалась губами. Проскользила языком до основания, остановилась у паха и мягко прихватила губами кожу. Я зарычал. Она ещё и дразнится?! Пальцы её касались моей мошонки, ласково поглаживали. Я вновь почувствовал её язык – вначале на животе, ниже пупка, потом ещё ниже. Губы её, доставляя мне какое-то нереальное удовольствие, прошлись по яйцам и вернулись к члену, язык выписывал невероятные узоры... И снова её рот. На этот раз я обхватил её голову и всадил ей сам. Застонал. Она попыталась отпрянуть, но я не дал. Взял себя в руки и позволил ей продолжить, но уже через несколько секунд не выдержал и рывком поставил её на ноги. Хочу её! Трахать её хочу, как грёбаный психопат! Она облизнула губы. Я перевёл взгляд на её мокрую грудь с ореолами красивых сосков и повернул к себе спиной. Как и минувшим вечером, толкнул к стене, и когда она упёрлась ладонями, ухватил за бёдра.

– Вот так... – запрокинув голову, застонал я, махом вогнав ей по самые яйца. – Вот так, малышка...

Она шире развела ножки, и я погладил её по бедру. Кожа, словно шёлк... Заметил синяки. Несколько свежих и один старый, пожелтевший. Приласкал пальцами. Пожалуй, не стоит сдавливать её так сильно, никуда она не денется. Позвонки у неё выпирали, и я мог дотронуться до каждого из них, лопатки нежно выделялись на узкой спине. Не переставая вдалбливаться в неё, я склонился и прижался губами к её мокрой шейке. Обхватил грудь... Как же мне нравилась её грудь! Маленькая, она ложилась в мою ладонь так, словно была создана для этого. Нашёл твёрдый сосок и потёр пальцами.

– Вишенка моя, – просипел я возле её макушки. Какая же сладенькая... Давно у меня не было такой сладенькой девочки. Ткнулся носом в короткие волосы и вернул руку на бедро. Желание было адским, просто каким-то животным. Я покусывал кожу на её затылке, её шейку и понимал – хочу больше. Разложить её на постели и трахать всю ночь так, чтобы кричала. Что я там говорил про не стискивать сильно?! Да пошло оно всё! Удерживая её, я принялся вколачиваться в неё сильнее, до одурения, до темноты перед глазами. Хотелось наконец освободиться от этого ненормального желания, прочувствовать её до звенящего шума в голове. Я трахал её так, что мышцы на бёдрах сводило, а мне всё было мало.

– Алекс... – всхлипнула она, когда я совершенно забылся. – Прошу тебя...

Блядь! Я положил ладонь на её живот. Мышцы были на-

тянутыми и подрагивали. Надо хоть как-то держать себя в руках. Не хватало ещё порвать её.

– Так лучше? – спросил я низким шёпотом, чуть ослабив натиск. Помог ей немного распрямиться и стал ласкать бу-синку её клитора.

На вопрос мой она не ответила, только кивнула. Плечи её были всё такими же напряжёнными, пальцы впивались в плитку. Ну нет... так дело не пойдёт. Развернув, я приподнял её над полом. Поняв, чего я хочу, она обвила руками мою шею и обхватила ногами поясницу. Я впечатал её в стену и тут же взял снова.

– М-м-м... – услышал я тихий стон над ухом.

Матерь честная! Какой же у неё голос! Чувственный, чуть хриплый, но при этом безумно нежный. Что я там говорил? Пару раз трахну? Куда там! Эта кисонька у меня без выходных трудиться будет. Желание ошарашило нервы с новой силой, и я, придерживая её под ягодицами, принялся двигаться быстро, но без прежнего напора. Она тяжело дышала у меня над ухом, её мокрое тело льнуло ко мне, пальцы поглаживали волосы у линии роста. До чего же хорошо... Я сглотнул, ударился в неё ещё пару раз и, запрокинув голову, зарычал сквозь стиснутые зубы. Член пульсировал, по телу разливалось блаженное расслабление.

Отпустив, я аккуратно поставил Стэллу на пол, и она тут же привалилась спиной к стене. Подняла на меня потемневшие глаза. оперевшись ладонью о кафель возле её головы,

я посмотрел ей в лицо. Сверху хлестали струи воды, и это только обостряло кайф.

– Ты не кончила, – заметил я. – И вчера тоже.

– А должна была? – сухо ответила она, отводя взгляд.

Должна или нет – не знаю, но у меня бабы кончают. И меня раздражало, что она... Да какая мне, к чёрту, разница, получила девка из питомника оргазм или нет?! Выключив воду, я вышел из кабинки. Взял большое полотенце и, накинув на голову, принялся вытирать волосы. Стэлла появилась секунд через десять. Заметив её, я обернулся. Она застыла у дверцы, взялась за неё, отпустила и схватилась снова. Сделала шаг на кафельный пол, тяжело выдохнула и пошла было к двери, но тут её повело.

– Стэлла, – мигом оказавшись рядом, я обхватил её за плечи. Она тут же привалилась ко мне, и я почувствовал её мокрые волосы, её прохладную щеку, тяжёлое, прерывистое дыхание. Перекинул полотенце через шею и поднял её на руки. Что за чертовщина такая?! Голова её тяжело опустилась мне на плечо, тело было словно ватное.

– Что с тобой? – придерживая её, спросил я и вынес из ванной.

Она как будто опомнилась. Приподняла голову и попыталась убрать мои руки.

– Отпусти меня, – сдавленно попросила она. – Я сама могу идти.

Естественно, я не отпустил. Донёс её до постели и, отки-

нув одеяло, положил на простынь. Укутал и взгляделся в лицо. Щёки бледные, губы чуть ли ни синие, даже глаза поблёкли. Хотя всё равно болото самое настоящее.

Она повернулась на бок, надрывисто вздохнула и закрыла глаза. Взяв полотенце, я наскоро вытерся, швырнул его в кресло и, натянув штаны прямо на голое тело, присел рядом. Убрал мокрые волосы от её уха.

– Ну-ка посмотри на меня, – сказал я так, чтобы у неё даже мысли не возникло спорить. Она действительно приподняла веки. – Скажи мне, что с тобой? – повторил я. – Иначе мы будем разговаривать по-другому.

Она выдохнула как-то устало. Облизнула губы и отвела взгляд. Мне показалось, или в глазах её на миг появилась растерянность?

– Ничего, – тихо ответила она.

– У тебя последняя попытка, – предупредил я.

Я не шутил. Не знаю, что бы я сделал, если бы она продолжила упираться, но что-нибудь сделал бы обязательно. Потому что меня достали её выходки, её упрямство, её дерзость, её нежелание подчиняться. Так и так сломаю, но сломать можно разными способами. Можно аккуратно, так, что обойдётся без особых последствий, а можно раз и навсегда.

Однако упрямиться девчонка не стала:

– Мне просто нехорошо, Алекс, – сказала она. – Твой друг устроил мне несколько тяжёлых дней. И... я есть хочу. Сильно. После того, что у нас на кухне случилось, я почти ничего

не ела. Просто голова... Наверное, давление низкое.

Я сидел и молча смотрел на неё, с трудом сдерживаясь от желания хорошенько зарядить по чему-нибудь кулаком. В моём доме люди не падают в голодные обмороки! Даже если это шлюха из питомника! У меня, блядь, достаточно денег, чтобы обеспечить нормальные условия и собственной охране, и прислуге. И вот это вот...

Встав, я молча пошёл к двери. Злой, как чёрт, спустился на первый этаж и, вызвав повара, рывкнул так, что тот растерялся:

– Сделай что-нибудь... Крем-суп из брокколи. Только быстро! Чтобы через десять минут всё было готово!

– Хорошо, Александр Викторович, – мгновенно ответил он и поинтересовался: – Ещё что-нибудь?

Я задумался. Чем накормить девчонку, у которой от голода голова кружится? В общем-то, чем угодно, но...

– Если остался пирог с мясом, который был в обед, погрей кусок. И суп налей в чашку. Повар кивнул и принялся за дело. Я выдвинул стул. Уселся и, широко расставив ноги, усталился на стоящую на столе кружку. Нужно было, конечно, накормить её обедом, но после утренней выходки с булкой... Чёрт, хотелось проучить её! Кто же знал, что дойдёт до такого. Что там Вандор говорил про Юру? Надо бы звякнуть ему и спросить. Хотя нет, лучше сразу позвонить Юрке. Врач он толковый и память, что надо. Значит, девчонке-таки досталось после того, как меня ножом пырнула. Как раз

это-то не удивительно. Проклятье... Надо бы поосторожнее с ней несколько дней. Пусть придёт в себя. Шлюха – не шлюха, а повело её хорошо. Не хватало мне ещё, чтобы где-нибудь свалилась.

Вернувшись, я поставил поднос с едой на тумбочку. Стэлла не шевелилась, только смотрела на меня как-то странно. Что там, она даже голову не приподняла.

– Вставай, – мазнув по ней взглядом, сказал я, но она продолжала лежать, как лежала. – Стэлла, – проговорил я с нажимом и предупреждением.

Она кое-как приподнялась на руках. Одеяло съехало, и взгляду моему открылись её выпирающие лопатки. А ведь и правда совсем худая. На фотографии из питомника мяса на ней побольше будет. Сейчас вон все рёбра наружу торчат. Я вспомнил, как держал её на руках – лёгкая, будто и не весит ничего.

– Вот так. – Я помог ей сесть и подложил под спину подушку. Она снова посмотрела на меня. Совсем бледная, чтоб её. Синяки стали заметнее, и я дотронулся до её подбородка. Мягко провёл подушечкой большого пальца, а после взял чашку с супом и отдал ей.

– Спасибо, – почти неслышно откликнулась она и обхватила её ладонями.

Сделала глоток и облизнула губы. Выдохнула.

– Пирог ешь, – поставил я ей на колени поднос с тарел-

кой. Она сделала ещё один маленький глоток супа и отломил кусочек от пирога. Ела она не спеша, несмотря на голод, и отчего-то мне казалось, без желания. Словно бы даже вкуса еды не чувствовала. Была в ней какая-то отрешённость, причём не только сейчас, а вообще. Странная она... А в глазах есть что-то. Действительно есть. Особенно теперь, когда из них исчезли презрение и вызов.

– Если ты пообещаешь мне не делать глупостей, я разрешу тебе ходить по дому, – подумав, сказал я. Держать её постоянно в комнате смысла нет и так под боком будет. Пусть хоть чем-то развлекается: книжки читает, до холодильника прогуливается. В гостиной плазма висит размером с билборд. Она перестала жевать и посмотрела на меня, словно ожидая продолжения. Продолжение действительно было:

– Но учти, малышка, выкинешь ещё что-то... – Я красноречиво замолчал, а потом всё же добавил: – Я могу быть очень жёстким, Стэлла, поверь. И смерть – не худшее из того, что с тобой может случиться.

Она сделала ещё крохотный глоток супа и поставила чашку на поднос. Выражение её лица никак не изменилось, взгляд тоже.

– Я тебя поняла, – тихо сказала она и, убрав поднос с коленок, вернула на тумбочку.

Очередной протест? Вот мерзавка! Поняла она, как же!

– Доешь, – кивнул я на пирог. На тарелке осталось больше половины.

Она качнула головой и откинулась на подушку. Повернулась на бок.

– Стэлла, – в моём голосе слышалась явная угроза. Кровь начинала закипать, и я понимал – пришибу нахрен! – Я же тебе сказал...

– Я не могу, Алекс, – тихо отозвалась она. – Позже.

Её слова меня отрезвили. Протянув руку, я дотронулся до её лба. Кожа была влажной и прохладной. Судя по всему, у неё действительно не было сил. Да ещё и я её укатал. Ну ничего, за несколько дней приведу в порядок. Хороший завтрак, потом фруктовый коктейль с витаминами... Завтра обязательно позвоню Юре и выясню, что там с ней.

Времени было ещё не так много, но я решил, что неплохо бы с полчаса поваляться. Потом закончу с делами на сегодня и на боковую. Лучше бы было сделать это сразу, но после тренировки в зале я чувствовал желание отдохнуть. Да и девчонку оставлять почему-то не хотелось. Лежит, свернулась клубком... Обойдя постель, я прилёг с другой стороны и тут же почувствовал, что простынь влажная. И какого хрена?! Стэлла, душ... Я ведь даже не промокнул её кожу полотенцем, сразу в одеяло укутал. Должно быть, ей тоже не слишком сухо.

Пришлось подняться. Недолго думая, я набрал Мирославе и, едва та ответила, приказал:

– Быстро перестели постель у меня в спальне.

Перевёл взгляд на Стэлли и тут же встретился с её – на-

стороженным, пристальным.

– Сейчас Мира сменит постельное бельё, – пояснил я. – Или тебе нравится лежать на мокром?

– Не очень, – ответила она честно. – Но бывало и хуже.

Я хмыкнул. Принёс из ванной свой халат и, подойдя к ней, выпутал её из кокона. Она не сопротивлялась, только сжалась и как-то поникла.

– Стэлла, – позвал я.

– Я устала, – отозвалась она совершенно безжизненным, надтреснутым голосом с истеричными нотками. – У меня всё болит, Алекс. Пожалуйста...

Она что, думает, я трахать её сейчас буду? Никогда некрофилией не страдал и не собираюсь, вроде как. Я молча укутал её халатом. Подвёл к креслу и усадил. Халат был настолько велик ей, что рукава болтались, а полы волочились по ковру. При желании её дважды в него обернуть можно бы было. Надо купить ей хоть какие-то вещи. Не бегать же ей голой. Будет своими ногами и хорошенькой задницей сверкать. Ну нахрен!

– Это что за истерика? – поинтересовался я сухо. – Думаешь, меня твои желания интересуют?

– Извини, – ответила она, чем немало меня удивила. Но, кажется, мы наконец поняли друг друга.

Я похлопал её по коленке. Выглядела она паршиво. Пусть сегодня выспится, а завтра продолжим. Хотеть её я, увы, меньше не стал, так что прости, детка, придётся тебе поле-

жать на спинке с раздвинутыми ногами.

Постучав, в комнату вошла Мира. В руках она держала комплект свежего постельного белья. Увидев нас, кивнула мне и принялась за дело. Двигалась она быстро, руки её порхали с проворством, свойственным далеко не каждому. Толковая горничная и в постели ничего. Пару раз я задирал подол её форменного платья и остался доволен. По крайней мере, до неё быстро дошло – хочет работать, значит, нужно работать. А каким местом – зависит только от моего желания.

Я заметил, как она посмотрела на сидящую в кресле Стэллу. Та тоже не сводила с Миры взгляда. Мирослава – бабка с характером, но здесь на неё бы я не поставил. У кошечки коготки-то поострее будут, а зубки – тем более, причём в прямом смысле.

– Ты закончила, Мирослава? – спросил я, заметив, что постель в порядке, а она всё ещё копается.

– Да, Александр Викторович.

– Тогда свободна, – ответил я и кивком указал ей на дверь. Уж что-что, а эту ночь я намерен провести со своей маленькой кошечкой, даже если её орешком заняться сегодня не придётся. И, пожалуй, обойдёмся без связанных рук. Если попробует что-нибудь учудить... Я предупреждал.

Глава 6

Стэлла

Я не знала, что ещё придёт ему в голову. Хотя... Никто из них не отличался особой оригинальностью. В большей или меньшей степени каждому, кто оказывался рядом, от меня нужно было лишь одно – удовлетворение. Желания различались, а итог оставался один. Но с этим мужчиной я не была уверена ни в чём. Почему? Не знаю... Странно, но он не вызывал у меня отвращения, лишь пугал до дрожи. Он был слишком опасен, и я понимала это не только умом – всё моё подсознание орало об исходящей от него опасности. Он нёс в себе что-то разрушительное. Эта прядка светлых волос на лбу, ямочка на щеке, презрительная усмешка на изогнутых губах... А в глазах – сталь. И я осознавала: вот оно – настоящее. Не понравится – он никого не пожалеет. И если решит, вряд ли изменит своё мнение.

– Как насчёт кровати? – Я посмотрела на него и увидела уже знакомую ухмылочку. Ему самому-то не надоело? Потёрла запястье и, придерживая полы халата, сползла с кресла. Не знаю, что случилось в душе. Дело было точно не в сексе, хотя это окончательно вымотало меня. Должно быть, виноваты духота и влажный воздух. Как же не хотелось показывать ему свою слабость, но держаться не было сил.

Присев на край постели, я развязала пояс. Судя по тому,

что комната эта принадлежит Алексу, он намерен держать меня под боком. А в постель с мужчиной нужно ложиться голый – иначе смысла не имеет. Тем более, если этот самый мужчина успел озвучить свои вполне определённые планы. Юркнув под одеяло, я легла на спину. Хоть слабость до конца не прошла, мне было значительно лучше, и я надеялась, что выдержу и эту ночь, и все последующие. Привыкну.

Буквально через несколько секунд я ощутила, что Алекс лёг рядом, и стала ждать. Как-никак, но он проявил хоть какую-то заботу обо мне... Я оценила. Действительно оценила. Но хотелось мне лишь одного – чтобы меня оставили в покое. Чтобы дали зализать раны, не трогали, не прикасались. Хотелось не чувствовать себя сломанной игрушкой, коей я и была.

– Смотрю, ты подготовилась, – услышала его голос, и тут же на живот мне легла ладонь. Опустив руку, он погладил кончиками пальцев лобок и нашёл клитор. Слегка надавил и стал поглаживать. Я приподняла веки и уставилась в потолок. Увидела наше с ним отражение... Зеркала. У этого извращенца зеркала над постелью! Удивительно, как только я раньше-то не заметила?! Видимо, в первую ночь была настолько дезориентирована, что вообще ничего не соображала. Я смотрела на его затылок, на крепкую спину с перекачивающимися мышцами и думала, что если каждый раз мне придётся ещё и наблюдать за всем происходящим, то... Впрочем, какая разница? Я уже давно большая девочка. Кон-

чики его пальцев скользнули меж складок плоти и вернулись к клитору, на лице отразилось недовольство.

– Ты совсем сухая, – заметил он.

Я не ответила. А что мне было ему на это отвечать? Что меня не возбуждают ласки? Что меня вообще ничего не возбуждает? Что я ненормальная, искалеченная? К чему ему это знать? Рано или поздно сам поймёт, а когда поймёт... Не знаю, что сделает. Может быть, избавится, а может, ему и вовсе без разницы, чувствую я что-то или нет. Хотя, как мне показалось, его задело, что я не кончила. Позволяя ему гладить себя, я развела ноги шире.

– А ты, как я смотрю, вошла во вкус, – сипло проговорил он и навалился на меня. Губы его прошлись по моей скуле и коснулись губ. Я приоткрыла рот, впуская его язык. Он ворвался в меня – как всегда напористый, сминаящий мою волю. Взял за подбородок и принялся жадно целовать. Больно прикусил нижнюю губу и тут же лизнул. Обхватил мой затылок и сунул язык так глубоко, что я тихо застонала сквозь поцелуй от неожиданности.

– Ты создана для того, чтобы тебя трахать, – бархатным голосом произнёс он и коротко коснулся моих губ своими.

Да, он был прав. Именно для этого я и создана. Ни для чего больше. Хотя мне бы хотелось... Когда-то я мечтала кого-то любить. Мечтала, чтобы кто-то любил меня. Потом – просто быть нужной. А после... после я перестала мечтать, потому что поняла – не сбудется. Никогда не сбудется. Сло-

манных кукол не любят, сломанные куклы никому не нужны.

Опустившись ниже, он поцеловал меня в шею, в ключицы. Я была благодарна ему за эти скупые ласки, хотя в теле моём они не находили отклика. И всё же омерзения тоже не вызывали. Это было странно и удивительно. Я прислушивалась к себе, к своему телу, пыталась как-то объяснить себе это, но не могла. Со мной что-то происходит... Что-то ненормальное, то, чего раньше никогда не было.

Почувствовав, как язык его касается моей груди, я застыла. Уставилась на наше отражение над кроватью. Мощное тело Алекса почти полностью скрывало меня, и я могла видеть лишь своё лицо. Бледное лицо с тёмными провалами глаз в обрамлении уродских откромсанных прядей. Что во мне такого, что все они хотят меня? Особенно сейчас? Он же – самый натуральный самец. Свиснет, девки сами побегут, но почему-то ему хочется именно меня...

Алекс втянул в рот сосок и, выпустив, подул. Я почувствовала, как руки покрылись мурашками. Было даже приятно. Совсем немного, но всё-таки приятно. Он опять припал к соску ртом. Тронул кончиком языка. Ладонь его скользила по моему бедру – вначале по внешней стороне, потом по внутренней. Согнув мою ногу в колене, он отвёл её в сторону и потрогал пальцами плоть. Мрачно и как-то внимательно посмотрел мне в лицо. Я отвела взгляд.

– Думаю, мы это поправим, – услышала я.

Дотянувшись до тумбочки, Алекс выдвинул первый ящик

и достал оттуда какую-то баночку. Свинтил крышку. До меня дошло, что это смазка. Наблюдала за тем, как он откладывает крышку в сторону, как зачерпывает смазку пальцами... Всё-то у него просчитано.

– Как посмотрю, я такая у тебя не первая, – не удержалась я от сарказма.

– Обычно я использую это для других дырочек, – тут же скривил он уголок рта, демонстрируя мне свою ямочку. – Но для моего маленького волчонка... – Пальцы его снова оказались на моей плоти. – Сейчас мы тебя обработаем хорошенько. Давай, раздвинь ножки пошире.

Я подчинилась, согнула в колене вторую ногу и отвела в сторону. Он удовлетворённо хмыкнул и, присев между, проник в меня двумя пальцами, поглаживая при этом коленку. Я сглотнула и облизала губы. Не могла понять его. Происходящее ему явно нравилось – нравилось играть со мной, но в то же время это напоминало какую-то изошрённую заботу. Ведь мог бы сделать всё на сухую, но нет. И снова где-то в глубине души я испытала благодарность. Потому что... Что такое боль во всех её проявлениях я знала очень хорошо, а вот что такое забота – нет. Даже такая извращённая.

Как следует смазав меня, Алекс лёг сверху, обхватил ладонью моё лицо и всмотрелся в глаза, а потом, не говоря ни слова, смял губы. Я выдохнула ему в рот. Зубы наши ударились, язык его скользнул внутрь. Я почувствовала, как головка его члена трётся о меня, а следом – движение навстречу.

Он вошёл резко и глубоко, но мягко, и...

– М-м-м... – тихо застонала я. Больно не было, но всё равно он так сильно растягивал меня, что я не сдержалась.

– Мне нравится твой голос, – тут же сказал он с придыханием и прикусил мой подбородок. Лизнул и сделал то же самое с губой. – Давай, пошевелись немножко. Ты и так вкусная, но всё же...

– Тебе надо, ты и шевелись, – отозвалась я, раздвигая ноги как можно шире. Пыталась привыкнуть к нему, прислушаться к себе. Сейчас, когда он не двигался так быстро, я хотя бы могла дышать. Сознание не парализовывало, а тело... Я чувствовала едва осязаемое тепло внизу живота, и это пугало меня. И ещё... Почему-то хотелось коснуться его плеч. Не погладить, нет, просто коснуться, опустить ладони, почувствовать, как играют под пальцами мышцы. Провести по оставленному мною шраму. Рана затянулась, но вряд ли зажила настолько, чтобы он не чувствовал отголосков. Времени прошло не так много. Но если вспомнить, как легко он поднял меня на руки... Похоже, на нём всё в лёт заживает.

Алекс стал двигаться быстрее и резче, на лбу его выступили крохотные капельки пота, прядка волос прилипла к коже. Ладонь накрыла мою грудь, и я заметила, как дёрнулся кадык на его горле.

– Детка, по-моему, ты плохо понимаешь, что тебе говорят, – прохрипел он, тыкаясь в моё ухо. – Я хочу, чтобы ты подвигала своими потрясающими бёдрами. И если ты не сде-

лаешь этого, я займусь твоей маленькой киской как следует. Разве ты этого хочешь?

Я не хотела. Не хотела и потому подалась ему навстречу. Вскрикнула, почувствовав, как член вошёл на всю глубину. Дыхание перехватило, сердце подпрыгнуло к горлу. Снова приподняла бёдра...

– Вот так, – довольно сказал он. – И почему ты такая непонятливая? Если будешь хорошей девочкой, мы с тобой поладим. Поверь, я могу сделать тебе приятно, а могу – не очень.

Я, безусловно, верила и потому всё-таки положила ладони на его плечи. Погладила и снова приподняла бёдра, подстраиваясь под его ритм. Время от времени он награждал меня короткими поцелуями, и я пыталась отвечать ему. Касалась его языка своим, подхватывала губы. Мне хотелось, чтобы всё побыстрее закончилось, однако он не торопился. Замедлялся и вновь ускорял движения, а потом почти останавливался и выходил из меня. Наконец я почувствовала, как тело его напряглось, а член запульсировал. Зарычав, он накрыл меня собой. Я чувствовала тяжесть его тела, влагу кожи, запах, и думала о том, что у кого-то бывает по-настоящему. Ведь может быть так по-настоящему? Чтобы двое – мужчина и женщина, чтобы без грязи. Мне хотелось плакать. Так сильно, что я с трудом смогла проглотить вставший в горле ком. Уж лучше, когда боль, когда унижение, когда отвращение. Это хотя бы не даёт возможности забыть. Потому что у того, что случилось сейчас, слишком горький вкус. Очеред-

ное напоминание о том, кто я. Пустышка, не способная любить, чувствовать, откликаться. Выпотрошенная оболочка. И нет во мне ничего, сколько не ищи – всё переломано, забрано, высушено.

Перекатившись на другую сторону постели, Алекс с удовлетворением откинулся на подушку. Я повернулась боком, спиной к нему. Обняла себя руками. Хотелось остаться в одиночестве и разреветься. Сил держать всё в себе не было.

– Обещаю, что на сегодня всё, – ладонь легла мне на живот, а губы коснулись затылка. – Отдыхай.

Он поднялся. Я слышала, как шуршит ткань, а после дверь закрылась с негромким стуком. Всхлипнула, прижав ладонь ко рту, и сжала зубы. Плечи мои задрожали. Будь он проклят! Будь всё проклято!

Через некоторое время я снова почувствовала голод. Но шевелиться не хотелось. И есть – тоже. Вот такой парадокс. Тело требовало еды, но при этом есть мне не хотелось, и я просто лежала, глядя на оставшийся на тарелке кусок пирога. Если вовсе перестать есть, вначале кончатся силы, потом, наверное, начнётся что-то вроде забытья, а потом... Глупые мысли. Я слишком сильно увязла в этой жизни, чтобы добровольно от неё отказаться. Надо встать и засунуть в себя чёртов пирог.

Пока я мысленно пинала себя, в комнату вернулся Алекс. – Будешь чай? – спросил он и показал мне чашку, что дер-

жал в руках. – С сахаром.

Я кивнула и приподнялась. Вот оно снова... Кто он такой?! Что он за человек?! С каждой минутой он пугал меня всё сильнее и сильнее. Эта странная забота обо мне, а в глазах сталь... Чего он добивается? Хочет, чтобы я поверила, а потом с размаху наотмашь? Если это месть, то хорошо продуманная. Слишком хорошо для такого незначительного существа, как я.

Алекс отдал мне чай, и я тут же сделала глоток. Дотянулась до тумбочки и взяла пирог с тарелки. Я и в самом деле чувствовала голод. И даже вкус еды чувствовала, тогда как пару часов назад просто толкала в себя куски, чтобы не сдохнуть. Пока я занималась пирогом, он сходил в ванную, а, вернувшись, принялся снимать штаны. Я смотрела на его сужающуюся к талии спину, на задницу и крепкие бёдра. Потихоньку выдохнула. Будь я нормальной, могла бы в такого влюбиться. Любая нормальная бы могла.

Допив чай, я поставила чашку на тумбочку. Сползла с постели. Алекс как раз обернулся, и я спросила:

– У тебя есть зубная щётка? Я умыться хочу.

– Я положил новую на полку. Можешь взять.

Кивнув, я пошла в ванную. Закрыла дверь и потёрла лицо руками. Первая ночь с ним наедине... Он обещал больше не трогать меня сегодня, но что значит обещание, данное такой, как я? Пустой звук. Посмотрела на своё отражение в зеркале, провела по уродливо обрезанным прядям и, заме-

тив какой-то блеск, посмотрела левее. В верхнем углу пере-ливалась окружённая вензелями прописная буква «А» раз-мером не меньше ладони. Бриллианты... Это ведь самые на-стоящие бриллианты! Я даже на пару секунд застыла. Дотя-нулась и потрогала эмблему пальцами. Где-то я уже его ви-дела. Кажется, что-то связанное с ювелирными украшения-ми. Красивыми и настолько дорогими, что мне бы даже при-коснуться к ним никто не позволил. Так выходит...

Проснулась я от того, что кто-то водил пальцами по мо-ему плечу. Открыла глаза и встретила взглядом сереб-ристо-серых глаз.

– Доброе утро, волчонок, – сказал Алекс, убирая руку.

– М-м-м... – простонала я, не вполне понимая, что хочу ответить. Каждая клеточка тела ныла, а остатки сна всё ещё затуманивали разум. Свернувшись, я ткнулась носом в уго-лок одеяла, но проклятый сукин сын выдернул его у меня.

– Пора подниматься.

Вздохнув, я заставила себя снова открыть глаза.

– Это так обязательно? – сонно спросила я.

– У меня много работы, – ответил он жёстко и встал.

Я снова вздохнула. У него, может, и много, но у меня-то её нет. Нет и никогда не было, по крайней мере, в нормаль-ном понимании этого. И что ему от меня на этот раз нужно? Так до конца и не проснувшись, я заставила себя подняться. Взяла рубашку, что вчера достала из шкафа, и накинула на

плечи. Ночью он в самом деле не трогал меня. Только обнял и прижал к себе. Я чувствовала его запах, исходящее от него тепло, и никак не могла уснуть. Всё ждала, что пройдёт минута, две, пять, и он начнёт. Начнёт точно так, как начинали они все, но он сдержал слово. Услышав его размеренное дыхание, я наконец вздохнула с облегчением и закрыла глаза. Хотела отодвинуться, но он держал меня крепко, и я понимала – бесполезно. Не дай Бог разбужу...

Подойдя ко мне, Алекс склонился к моей шее и, шумно втянув воздух, спросил:

– Чем от тебя пахнет?

Я подошла к тумбочке и вытащила крохотный флакончик духов. Протянула ему на раскрытой ладони. Единственное, что у меня было своё. Свой запах. Флакончик был в кармане, когда меня схватили и отвезли в питомник, а после... Мне нужно было сохранить его. Потому что больше у меня не было ничего. Вообще ничего, только запах.

Взяв, Алекс откупорил его и снова вдохнул.

– Мне нравится, как это пахнет на тебе, – серьёзно проговорил он.

Это комплимент такой?

– Спасибо, – отозвалась я. – Мне тоже нравится.

Он пристально посмотрел на меня и, забрав пузырёк, понюхал ещё раз. Потом закинул его обратно в тумбочку и пошёл в ванную. Я присела на уголок постели. Отлично! Мой личный палач одобрил духи, которыми я пользуюсь. И как

это понимать?! А ещё он всю ночь прижимал меня к себе и не тронул, как и обещал. Даже утром. Хотя я отчётливо чувствовала его стоящий член, упирающийся мне в ягодицы.

Вскоре мы спустились вниз. Сойдя с последней ступеньки, я пересекла холл и вошла в небольшую кухню. У стены стоял широкий прямоугольный стол, на стенах – шкафчики из красного дерева. Осмотревшись, я нахмурилась. На миг внутри появилось странное ощущение, но отступило оно так же быстро. Алекс включил кофемашину, и пока та гудела, подошёл к холодильнику.

– Иди сюда, – позвал он меня. Я приблизилась, и он, открыв дверцы, проговорил: – Захочешь есть – можешь брать всё, что найдёшь.

Я осмотрела полки. Холодильник был двустворчатый и такой высокий, что я сомневалась – смогу ли достать до верхней. Разве что табуретку подставить...

– Алекс, – выдохнула я и, когда он глянул на меня, спросила: – Кто я для тебя? Или что? Я не понимаю тебя... Не понимаю, чего мне ждать.

– Ты – моя собственность, – ответил он серьёзно. Приподнял мою голову за подбородок, дотронулся большим пальцем до нижней губы и чуть оттянул вниз. – Мой подарок с острыми зубками. Только не забывай, что кусать руку своего хозяина – совсем не в твоих интересах.

Отпустив мою голову, он обвёл контур рта, провёл меж

губ по зубам. Я стояла, не шевелясь, и молча ждала, что будет дальше. Неспешно он потрогал губы изнутри и заставил открыть рот. Палец его скользнул внутрь, коснулся языка.

– Пососи его, – глухо сказал он.

Я обхватила палец губами. Обвела языком и стала легонько ласкать. Алекс усмехнулся. Погладил себя по ширинке.

– Мне нравится, когда ты послушная, – проговорил он с лёгкой хрипотцой. Провёл по моему бедру и, вытащив палец из моего рта, вернулся к холодильнику. Я судорожно выдохнула, а он сунул мне в руки большой кусок бри.

– И что мне с этим делать? – спросила я, не понимая, чего он хочет.

– Вообще-то, обычно его едят, но ты можешь придумать что-нибудь оригинальное, – подмигнул он. – В том, что с фантазией у тебя всё в порядке, я даже не сомневаюсь.

Фыркнув, я отошла к столу. Положила сыр и принюхалась к запаху кофе. Почти тут же передо мной появилась чашка с густой молочной пенкой.

– Это мне? – немного растеряно спросила я.

– Утро без кофе – день псу под хвост, – ответил Алекс, задрал на мне рубашку и положил ладони на ягодицы. Единственное, что у меня осталось из одежды – шёлковые трусики, и я была рада, что хотя бы не стою с голым задом. Взяв чашку, я сделала глоток, стараясь не обращать внимания на наглые тёплые ладони. Похоже, готов он практически всегда.

– Ты понимаешь, что я опять тебя хочу?! – прорычал он

так, будто я в чём-то была виновата. Я посмотрела на него через плечо. Алекс отступил на шаг назад и проговорил: – Ты меня с ума сводишь. Так и хочется нагнуть тебя.

Обхватив чашку ладонями, я вдохнула. Внутри меня зародился интерес. Он мотнул головой и махнул ладонью, словно бы желал от меня отделаться. Почему-то от этого мне стало даже смешно. Слизнув с губы пенку, я взяла нож и отрезала кусок сыра. Кофе с бри... Глаза Алекса потемнели. Опустив взгляд к его паху, я заметила бугор. Понятно...

Он снова оказался рядом, отодвинул всё в сторону, забрал у меня кофе и отставил подальше. Я едва успела засунуть в рот кусок сыра прежде, чем он, подхватив меня, посадил на стол. Развёл мои бёдра и тут же стянул трусики. Кинул на кусок сыра и дёрнул полы рубашки. Пуговицы брызнули в разные стороны, он же, не останавливаясь, с жадностью принялся гладить мои бёдра. Я смотрела на него, желая понять, о чём он думает, чего он действительно хочет и для чего ему я?! Потому что последнее мне было совсем не понятно. Если просто поиграть, то к чему вот это всё?! К чему?!

– Ложись на спину, – толкнул он меня в плечо и спустил штаны. Я покорно опустилась на прохладное красное дерево. Ноги мои были широко раздвинуты, плоти щекотно касался воздух.

– Александр Викторович, – услышала я мужской голос и сжалась.

Хотела подняться, но Алекс надавил мне на грудь, заста-

вив остаться лежать на столе. Вошедший в кухню охранник подошёл немного ближе и, увидев нас, замешкался.

– Я тебя слушаю, – рыкнул Алекс, посмотрев на него.

– Приехал Вербитский с бумагами. Не смог Вам дозво-
ниться.

– Проведи его в кабинет, пусть подождёт.

Я посмотрела в потолок, закрыла глаза и снова открыла. Глянула на охранника и заметила, как красноречиво натянулись его штаны. Попыталась сдвинуть ноги, но меж моих бёдер стоял Алекс...

– Как понимаю, бумаги требуют срочной подписи, – снова заговорил вошедший.

– Пусть подождёт, – грубо отрезал Алекс и добавил, махнув на дверь: – Свободен.

Когда мы снова остались одни, он продолжил гладить мои бёдра, поднялся к животу и груди. Ему нравилась моя грудь, и я это понимала.

– Тебя вообще ничего не смущает? – спросила я, всё ещё чувствуя желание прикрыться.

– Это мой дом. – Он наклонился ко мне, вдохнул. – Я могу делать тут всё, что захочу и там, где захочу. А обслуживающий персонал нужен именно для того, чтобы обслуживать.

Он потёрся носом о мою шею, поцеловал венку, провёл по ней кончиком языка.

– Считаю, что ты тоже мой обслуживающий персонал. – Я почувствовала его наглую ухмылку. – Так что обслуживай

хорошенько.

Глава 7

Алекс

Динара появилась на пороге моего дома внезапно. Без приглашения или предупреждения – просто поставила перед фактом. Из-за навалившихся дел у меня совсем из головы вылетело, что мы должны встретиться. Партия алмазов, поставленная в начале недели, оказалась с дефектами, поэтому несколько дней я разбирался с этим дерьмом. Найду концы – головы полетят только так. Терпеть не могу, когда люди, которым я плачу достойные, надо сказать, деньги за их работу, работу эту не выполняют или, того хуже, пытаются объебать меня. Не выйдет. Если кто и останется в дураках, то точно не я.

– Я решила, что у тебя проблемы с памятью, – непринуждённо махнула Дина рукой, когда я вышел ей на встречу. – А если так... В общем, если ты такой занятой, мне не трудно взять дело в свои руки.

– Смотрю, тебе припекло. – Я привалился плечом к стене и, сложив руки на груди, стал наблюдать, как она поправляет длинные, чёрные, будто вороново крыло, волосы.

На ней было тонкое, доходящее до колен платье с глубоким вырезом на спине и босоножки с ремешками на высокой танкетке. Каждый раз, когда она входила, у меня возникало ощущение, что всё вокруг приходит в движение. По-

трясающая женщина с потрясающей энергетикой!

– Скажу честно, ты меня заинтриговал. – Закончив с волосами, она провела блеском по губам и наконец посмотрела на меня. Приподняла тонкую бровь.

– Вот как? А я думал, заинтриговать тебя куда труднее.

Ни на миг не растерявшись, Дина, повиливая бёдрами, подошла ко мне, положила ладони на грудь и проворковала:

– Но для начала я бы выпила бокал хорошего Мерло.

Я накрыл её ладонь своей и сплёл наши пальцы. Посмотрел в карие глаза. Не болото, конечно, но тоже ничего так. Динара не отводила взгляда, и я видел лукавые огонёчки – предвестник настоящего урагана. Люблю, когда она в таком настроении. Чувствую, позабудемся мы сегодня отлично.

Стэллу я нашёл в гостиной. Подобрал ноги, она сидела на диване с чашкой в руках и задумчиво смотрела в пустоту. Меня раздражала эта её манера – сядет, уставится в одну точку, и как хочешь, так и понимай. Словно бы отключилась от действительности. Выглядела она куда лучше, чем неделю назад: кожа приобрела здоровый цвет, синяки под глазами стали не такими заметными. К тому же, приглашённый мною стилист хорошенько потрудился над её головкой. Пожалуй, даже слишком, ибо теперь заводила она меня с полувзгляда. Короткая стрижка шла ей чертовски: лицо стало ещё более выразительным, шея так и манила прикоснуться губами, а уж эти ушки... Мне нравилось ласкать языком нежное местеч-

ко за её аккуратной ушной раковинкой, покусывать мочку и вдыхать исходящий от неё запах. Он дурманил меня, словно хороший выдержанный коньяк. Чуть терпкий, проникал в самую глубину и заставлял чувствовать ещё острее.

– Иди в спальню и прими душ, – сказал я, встав напротив неё.

Она тут же подняла на меня взгляд. В глазах её не было вопроса – по всей видимости, она поняла, чего я хочу. Несколько дней назад я заехал в отличный бутик и попросил подобрать для девчонки одежду, так что рубашки мои она больше не трогала. Сейчас на ней были ажурные легинсы и бирюзовая туника с круглым воротничком, подхваченная под грудью тонкой резинкой. Просто и весьма стильно. Я оценил.

Поджав губы, она поставила чашку на низкий стеклянный столик рядом с диваном и, скользнув в сторону, встала. До меня даже не дотронулась. Однако я быстро исправил это. Поймал за ворот и, подтянув к себе, погладил по попке.

– Потом не одевайся. Ложись и жди меня.

Она резко вскинула голову и глянула на меня через плечо. И это я тоже не выносил в ней – её колючий взгляд. Так и хотелось скрутить её, заставить подчиниться. Она подчинялась, но проходило несколько часов, и всё возвращалось на круги своя.

– Хорошо, – только и сказала она. – Что-то ещё?

– Что-то ещё будет потом, – проговорил я, глядя ей в гла-

за, и провёл большим пальцем по её нижней губе. – Иди. Можешь пока потрогать себя. Будешь мокренькая – тебе же лучше.

Она фыркнула и быстро пошла к лестнице. Туника едва прикрывала её округлые ягодицы, ажур легинсов подчёркивал красоту стройных ног. Да, Динара однозначно оценит моего волчонка. И её хорошенькие маленькие грудки, и бритый лобок, и гибкое тело. Но для начала – бутылка Мерло и горький шоколад. Всё, как она просила.

Предвкушая вечер, я вернулся в кухню. Дина сидела, закинув ногу на ногу, и поигрывала колечком на пальце.

– Теперь я к твоим услугам, – произнёс я, взял бутылку, штопор и, присев на край стола, принялся открывать её.

– Нечасто такое от тебя можно услышать, – покачивая ногой, отозвалась она.

– Так цени.

И всё-таки ты засранец, – заявила Динара, когда мы шли по холлу второго этажа. От вина на щеках её появился румянец, а глаза блестели пуще прежнего. – Что там у тебя, Алекс?

– Я же сказал, сейчас увидишь, – бросил, подходя к двери.

– Говорю же – самый настоящий засранец. – Она приподнялась на носочки и смачно чмокнула меня в губы. Я тут же обхватил её за талию и посмотрел в лицо. – От любопытства кошка сдохла, слышала такое?

– Я не кошка, – тут же отозвалась она и, взявшись за ручку, толкнула дверь.

Войдя следом, я сразу же наткнулся взглядом на девчонку. Она сидела на постели и, прикрывшись одеялом, неотрывно смотрела на нас. В глазах непонимание, каждая мышца напряжена, пальцы сжаты до белизны костяшек.

– Это что за цветочек? – спросила Динара, повернувшись ко мне.

Я приподнял уголок рта в кривой усмешке. Положил ладонь на её плечико и проговорил:

– Подарок Вандора.

– Ого, – она снова посмотрела на Стэллу и плотоядно улыбнулась.

– Я знал, что ты оценишь.

Всё это время девчонка не сводила с нас глаз. Настороженная, подбравшаяся, она так и держала одеяло у груди. Казалось, даже ещё плотнее прижала, словно бы я собирался с ходу сдёрнуть его. В общем-то, можно было именно так и сделать, но вместо этого я пропустил Дину вперёд и, подойдя к ней со спины, расстегнул молнию платья. Она приподняла роскошные смоляные волосы, чуть нагнула голову, и я поцеловал выпирающий позвонок на её шейке. Вкусно пахнет, но запах девчонки мне как-то больше по вкусу. Этот же тяжёлый, слишком много жасмина. Не то.

Спустив с плеч Динары платье, я положил ладони ей на талию и прижал спиной к себе. Она тут же откинула голо-

ву мне на плечо и выдохнула, почувствовав, как руки мои скользят вверх, к груди. Мне нравилось её тело – стройное и в то же время округлое в правильных местах, холёное. Она вообще была холёная – дорогая женщина, способная позволить себе всё, что только ей заблагорассудится. Ладони мои наткнулись на чашечки кружевного бюстгалтера, и я положил их прямо поверх ткани. Поцеловал Дину в шейку и ухмыльнулся, поймав на себе взгляд Стэллы. Вся та же настроенность, но вместе с тем что-то ещё. Осуждение и... тревога. Точно. Поняла, чем мы займёмся, крошка. Удовольствия много не бывает. Сдвинув одну чашечку, я обнажил грудь Динары. Лизнул её щёку и погладил пальцами крупный сосок. Дина низко застонала и, обхватив меня за шею, прижалась к губам. Языки наши сплелись, я почувствовал мягкость женских губ, поцелуй отозвался внутри острым возбуждением. Динара быстро расстегнула пуговицы на моей рубашке и, отбросив её, нашла сосок. Прижала зубами, тихо зарычала и ухватила меня за ягодицы.

– Пойдём в постель, – сгребая её волосы, просипел я. – Моя сладкая малышка заждалась.

– Сейчас мы это исправим, – засмеялась она грудным смехом и после добавила шёпотом: – Между прочим, я тоже заждалась.

Её жаркое дыхание опалило мой подбородок, тело тесно соприкоснулось с моим, и я почувствовал мягкую грудь. Опустил руку и, дотронувшись до складочек её лона, доволь-

но хмыкнул. Уже мокрая. Глубоко проник в неё пальцами и поймал довольный стон. Расставив ноги, она облизала пухлые губы и взялась за мои джинсы. Быстро справилась с ширинкой, обхватила член и, причмокнув, дотронулась до головки подушечкой большого пальца.

– Пойдём в постель, – повторил я и, убрав руку от её волос, погладил по пояснице. Подтолкнул вперёд.

Динара послушалась. Поваливая бёдрами, сделала несколько шагов. Я наблюдал за тем, как она рассматривает Стэллу, та же не сводила глаз с самой Дины. Волчонок явно собиралась показать зубки, и я это понимал. Однако за прошедшую неделю я уже успел изучить некоторые её повадки и спускать всё на тормозах не собирался. Приблизившись к Стэлле, я взял её за подбородок и заставил посмотреть себе в лицо.

– Помни всё, что я тебе говорил, – сказал я спокойно, но очень жёстко. – Твои желания меня не интересуют. Выкинешь какой-нибудь из своих номеров – пушу по кругу и не один раз.

Она сглотнула, отдернула голову и упёрлась ладонью в матрас с противоположной от меня стороны. Я выдернул из её пальцев одеяло, откинул и обхватил её грудь. С шумом втянул носом воздух у её виска, впитывая терпкий запах. Да, вот это то, что нужно! И маленький сосок, и запах...

– Ты хорошо меня поняла? – спросил я и прижал зубами кожу на её скуле.

– Да, – ответила она сдавленно. – Очень хорошо.

Приподняв, я толкнул её к Динарке. Передо мной нарисовались её оттопыренные ягодицы. Стоя на коленях, она упиралась руками в постель, и выглядело это ещё как возбуждающе! Похоже, Дина тоже оценила, ибо тут же присела рядом с ней и, так же как я до этого, взяв за подбородок, посмотрела в лицо. Провела пальцем по нижней губе и после взглянула на меня.

– По-моему, наша девочка не довольна.

– Наша девочка будет умницей, – тут же хмыкнул я и хлопнул Стэллу по попке. Наклонился и прикусил нежную кожу, прошёлся языком и стал посасывать. Почувствовал, как она дёрнулась и, приподняв голову, увидел, что Динара, обвив её личико ладонями, прильнула к губам. Запустила ей в рот язычок. Чёрт! И без того стоящий член напрягся так, что я сделал глубокий вдох. Динара втокнула язык ещё глубже, прикрыла глаза и, поглаживая щёки девчонки большими пальцами, принялась ласкать. Стэлла не отвечала, и я, недолго думая, сдвинул её между ног.

– Давай, работай, – процедил я, сжимая её плоть сильнее.

Она снова дёрнулась, и я заметил, как шевельнулись её губы. Вот так, крошка. Не стоит изображать недотрогу – мне это не по нутру. Динара выдохнула и углубила поцелуй, языки их сплелись. Стиснув ягодицы девчонки, я неотрывно смотрел, как Дина, потянув Стэллу на себя, принялась гладить её. Забралась на постель с ногами и, отстранившись,

посмотрела на неё, сняла бюстгальтер, а потом поцеловала в шейку. Её тонкие пальцы запорхали по маленькой груди с тёмными вишенками, вторая рука опустилась Стэлле на затылок.

Откинувшись на подушку, я обхватил член пальцами и, не сводя взгляда с девушек, стал поглаживать. Хотелось прямо сейчас взять вначале одну, затем вторую, но мне нравилось наблюдать за тем, как Динка развлекается с моей кошечкой.

– Ты слышала, что сказал тебе Алекс? – спросила она спустя минуту. – Поработай.

Спина Стэллы стала ещё напряженнее, губы сжались. Она приподняла руку, опустила, а после всё же коснулась тела Динары. Провела по её коже от живота к груди и, склонившись, взяла в рот сосок. Дина громко выдохнула. Тряхнула гривой волос, откидывая их назад, и выгнула спину.

– Да, вот так, – прошептала она, подставляя грудь. – Полижи его как следует.

Запустив пальцы в короткие волосы девчонки, она прижала её к себе. Перехватила мой взгляд, скользнула по телу, задержалась на поглаживающей член руке и, дразня, глухо застонала. Облизнула губы, поднесла палец ко рту и принялась посасывать его. Знал, что она специально провоцирует меня, но хотел посмотреть, что же будет дальше. Словно поняв это, Динара отстранила Стэлла и, толкнув, заставила лечь на спину. Очертила пальцем овал её лица, проскользила от губ до лобка и, склонив к ней голову, проделала тот же

путь ртом. Остановилась на пупке. Язык её обрисовал ямку и скользнул внутрь. Ладони легли на бёдра. Стэлла закрыла глаза. Лежала, не шевелясь и почти не дыша. Я дотронулся до её лица, сжал.

– Глаза открой, – приказал я. Потом прижался к её губам и принялся терзать. Желание достигло той грани, когда я мог кончить, сделав всего несколько движений, и сейчас мне хотелось лишь одного – целовать её с тем голодом, что я чувствовал. Зубы наши лязгнули, я впихнул ей в рот язык и проник так глубоко, как только смог. Стиснул грудь и принялся мять.

– Да ты у нас совсем сухая, – услышал я негромкий голос сбоку от себя, и, прикусив губу девчонки, глянул на Дину.

– У нас с этим проблемы, – бросил я. – Если нужно – смазка в тумбочке.

– Думаю, у меня есть кое-что получше, – ответила она и, быстро встав, взяла свою сумочку. Вытащила крохотный тюбик и, вернувшись, выдавила несколько капель себе на пальцы.

– Это что за хрень? – приподнял я бровь, глядя на то, как она наносит гель на клитор Стэллы. Хорошенько смазав, она капнула ещё немного и смазала её половые губки.

– Тебе придётся по вкусу, – глянула она на меня с лукавым блеском в глазах и, погладив девчонку между ног, скользнула внутрь её тела.

– Какая узенькая, – выдохнула она. Согнула её ногу и от-

вела в сторону. – Мне нравится.

– Мне тоже, – ответил я с кривой ухмылкой и посмотрел Стэлле в лицо. Глаза её стали тёмными, коричневые крапинки смешались со сгустившейся болотной зеленью. Она устояла в одну точку на потолке в то время, как её грудь от дыхания приподнималась и опадала. Должно быть, хотела абстрагироваться, но хрен я ей разрешу. Задрал голову, я посмотрел в зеркало и увидел, как Динарка поглаживает её между ног. Неспешно, получая от этого явное удовольствие, ласкала её пальцами, не забывая при этом трогать себя. Ох ты ж, блядь! Постанывая, она гладила свою тяжёлую грудь, перемещалась к мягкому животу и вновь поднималась к груди. Продолжая играть со Стэлла, она скользнула меж собственных бёдер, указательный палец коснулся клитора. Надавив, она громко застонала и проникла внутрь. Движения рук стали ритмичными и синхронными. У меня кровь бахнула в голову. Я снова положил ладонь на член. Заметив это, Динка перекинула ноги через бёдра Стэллы и потёрлась о неё.

– Дай-ка я, – с придыханием проговорила она, и я подвинулся.

Склонившись к девчонке, она принялась целовать её – всё так же страстно, лаская её язычок своим. Стэлла ответила. Погладила Динару по бёдрам, убрала руки и отвернулась.

– Я не могу, – выдавила она очень тихо, не глядя ни на кого из нас.

– Тогда я сделаю так, что в следующий раз сможешь, – весьма красноречиво глянув на неё, отрезал я. Она выдохнула, потянулась к Динаре и прогнула спину, когда та поцелуями спустилась к её соску. Лизнула самый кончик, обхватила грудь и накрыла ртом. Я видел, что Динке нравится развлекаться с моей кошечкой, но терпеть не было сил, и когда она, оставив влажную дорожку на животе Стэллы, пристроилась меж её разведённых ног, я переместился к краю постели. Встал на колени позади Динки и провёл раскрытыми ладонями от её ягодиц к спине. Обхватил груди, потёрся о промежность и вошёл в неё одним толчком.

– О, Алекс! – вскрикнула она, и пальцы её впились в Стэллыны бёдра. Я с размаху вогнал ей снова.

– Продолжай там, – приказал я, не переставая насаживать её на себя.

Динара подавалась мне навстречу, углубляя проникновение, и сладко стонала каждый раз, когда я входил до самого конца. Стерва, но какая! Она текла, как последняя сука, и мне это нравилось. Комнату наполнял запах секса, влажный звук нашего слияния доводил до экстаза. Склонив голову, она раздвинула пальцами плоть Стэллы и тронула складочки языком. Попробовала её на вкус. Чёрные волосы рассыпались по плечам Динары, по точёным ногам девчонки, и зрелище это завело меня так, что я едва не кончил в ту же секунду. Ну нет. Никогда скорострелом не был и начинать не собираюсь.

– Какая вкусная девочка, – выдохнула Динара, облизывая губы. Опять сунула в неё пальцы и стала двигать ими в такт моим движениям. – Ну вот, мокренькая ты мне нравишься куда больше, – простонала она, подставляя мне себя, и вогнала в неё пальцы так глубоко, что Стэлла, вскрикнув, попыталась отползти назад. – Нет... – Качнула Динка головой, глядя на неё. Крепко взяла её за бёдра. – Я с тобой ещё не закончила.

Она снова нагнулась. Я видел, как чуть опускается и поднимается её голова меж бёдер Стэллы, видел, как Стэлла сжимает зубы, стараясь не смотреть на нас. Но не смотреть не получалось, потому что она знала – глаза закрывать нельзя, а стоило ей отвести взгляд, перед ней возникало зеркало. И как же мне нравились её согнутые в коленях, разведённые ноги! Я вошёл в Дину ещё пару раз и она, оставив Стэллу, повернулась ко мне. Член мой выскользнул из неё, но тут же она накрыла мой рот губами, и я ощутил терпкий привкус. Жадно поцеловал её, слизывая влагу с пухлых губ, рыкнул и накрутил волосы на ладонь. Спустился к шее, обхватил грудь и, приподняв, подул на сосок. Прихватил зубами и оттянул.

– Ещё! – вскрикнула Динара и, взявшись за мой член, начала быстро двигать рукой. Я сунул в неё пальцы и несколько раз глубоко вогнал. Почувствовал, как она напряглась и усилил нажим. Ещё секунда, и она, громко закричав, кончила. Пальцы мои были в её влаге, я чувствовал, как она ритмично сжимает их внутренними мышцами.

– Быстро на колени, – прорычал я, глядя на лежащую с раздвинутыми ногами Стэллу. Она нерешительно встала, подползла ко мне, и я тут же развернул её к себе задом. Значит, волшебный гель подействовал? Вот это мы сейчас проверим. Приставив головку члена к её дырочке, я провёл вверх-вниз. Выдохнул, чувствуя, как меня скрутило от желания быть внутри. Ухватил за бёдра и вошёл. И правда мокрая. А ведь хороша... Сидевшая рядом Динка Обхватила её груди и принялась ласкать, тогда как я, запрокинув голову, наслаждался её маленьким телом. Да, эта мне больше по вкусу. Только ещё шевелилась бы получше. Люблю, когда бабы трудятся сами.

Оставив девочку, Дина скользнула ко мне, и я ощутил прикосновение вначале к спине, потом к ягодицам и бёдрам. Кончики её пальцев коснулись мошонки, тогда как я продолжал со своей кошечкой.

– Ты прекрасна, Динара, – просипел я.

– Я знаю, – отозвалась она без доли смущения и заскользила губами по моей спине. Вогнав Стэлле по самые яйца, я почувствовал, как меня пробивает дрожь. Крепко прижал её к себе и выплеснулся в неё.

– М-м-м... – вырвалось у меня от ощущения её – тугой и влажной. Как же хорошо-то, мать его! И ведь может быть ещё лучше.

Сгрёб короткие прядки волос и, потянув, заставил Стэллу выпрямиться. Её спина соприкоснулась с моей грудью, и

я принялся ласкать клитор. Хотелось, чёрт подери, ощутить её пульсацию, сменяющуюся расслабленностью, но тело девчонки почти не откликалось. При этом она не сопротивлялась ни мне, ни инстинктам собственного тела: живот её не напрягался, бёдра сдвинуть она не пыталась, зажаться тоже. Она просто оставалась безучастной, словно бы ей было всё равно.

– Ну давай, – шепнул ей на ушко, провёл носом по волосам и прикусил раковинку. Накрыл грудь и стал потихоньку массировать. Динара встала перед нами на колени и тоже занялась ею – дотронулась до живота, проскользила ладонями к бёдрам. Подползла ближе и принялась, поглаживая, целовать. Мне нравилось, как она делает это: член, только-только начавший опадать, снова напрягся, и я, потерев мокрые складочки, вогнал в Стэллу пальцы. Она пискнула, натянулась, я же стал двигать ими, давая Динке возможность насладиться зрелищем. Судя по тому, как руки её легли на грудь, она оценила. Я шлёпнул Стэллу по бедру, заставляя шире раздвинуть ноги, и продолжил начатое. Член уже стоял колом. Оттолкнув девчонку, я кивнул Динаре на пах, и она тут же подползла ко мне. Откинувшись на локтях, я согнул ноги и смотрел, как она обхватывает член губами.

– А ты займись ей, – кивнул я отпрянувшей к спинке постели Стэлле. – Да как следует. Она резанула меня взглядом. Мотнула головой.

– Решила проверить, сдержу ли я слово? – вкрадчиво

спросил я. – Ты исчерпала свой лимит в первые два дня, Стэлл. Так что, поверь, сдержу.

На миг она вскинула голову, стиснула зубы. В глазах вызов, ноздри трепещут. Но стоило ей натолкнуться на мой взгляд, желания перечить в ней поубавилось, и она сделала нерешительное движение. Замешкалась, подалась назад, но здравый смысл всё-таки взял своё. Через несколько секунд я уже наблюдал за тем, как она гладит Динару, как ладони её ласкают её тело. Чувствовал, как скользит по члену Динкина рука, её рабочий ротик, и ощущал – проблемы последних дней отходят на второй план. Хороший секс всегда творит чудеса! Хороший секс и хорошая тренировка в зале – две вещи, способные кого угодно привести в порядок.

– Перестань халтурить и поработай, – кивнул я Стэлле. Она сжала губы, и я заметил, как натянулись мышцы на её руках. Несколько секунд она не двигалась, потом тронула бёдра Дины. Погладила её ягодицы, выдохнула и коснулась пальцами промежности. Я удовлетворённо хмыкнул. Пальцы её скользнули внутрь, и Дина, выпустив член, застонала. Снова нагнулась, взяла в рот и подалась бёдрами к Стэлле. Я взял её волосы и подтолкнул вперёд. Мне всегда нравилось, как она сосёт, но у моей маленькой шлюхи выходит это, пожалуй, всё-таки лучше.

– Поменяйтесь, – приказал я.

Против Дина не была и, напоследок сладко лизнув головку розовым языком, уступила место малышке. Не глядя мне

в глаза, та склонилась и, взяв член, принялась отсасывать, да так, что у меня сразу дыхание нахер перехватило. Мать его. Я обхватил её голову руками и подался бёдрами вперёд, вгоняя ей ещё глубже.

– Бери его, – выдохнул я. – Хорошо бери, как ты умеешь.

Она брала. Не издала ни звука даже тогда, когда я, ухватив её за короткие прядки, принялся насаживать на себя. Придерживая под животом, Дина занималась ею сзади. Постановившаяся, играясь своими пальчиками, и это ещё сильнее заводило меня. Я видел наше отражение над постелью – голову Стэллы меж своих ног, влажный блеск на Дининых пальцах. Облизав их, она принялась двигать рукой ещё быстрее. Ко второму пальцу прибавился третий. Но ей было явно недостаточно. Я знал её темперамент – ещё какая горячая! Приблизив свои бёдра к бёдрам Стэллы, она стала тереться об неё, теперь уже лаская себя. Меня накрыло так сильно, что в глазах потемнело.

– Да-а-а, – зарычал я, прижимая голову девчонки к паху, и кончил ей в рот. Член пульсировал, дикое напряжение сменилось волной невероятного облегчения.

С шумом выпустив из лёгких воздух, я разжал кулак, позволяя Стэлле отстраниться. Она вытерла рот и, громко всхлипнув, чуть ли не кубарем скатилась с постели.

– Я вас ненавижу! – со слезами на глазах процедила она, пятясь к стене. – Ненавижу!

С губ её сорвался новый всхлип.

Не успел я толком ничего сообразить, она схватила со стула одежду, в которой была внизу и, как была голая, метнулась прочь из спальни.

– По-моему, я ей не очень понравилась, – заметила Дина, проводив её взглядом.

– Это только её проблемы.

Глава 8

Стэлла

Выбежав из комнаты, я, не разбирая дороги, метнулась прочь. Чувствовала, как по лицу градом катятся слёзы, и ничего не могла с этим сделать. Колотило меня так, что руки тряслись. Единственное, чего хотелось в данный момент – забраться под горячую воду и драть себя до тех пор, пока не слезет кожа. Только я знала – это не поможет, потому что сука память раз за разом будет возвращать меня в эту отвратительную грязь. Потому что сама я напрочь пропиталась грязью и, как это ни ужасно, намного раньше сегодняшнего дня. Меня словно заклеямили, как какую-то скотину, поставили метку, позволяющую всем им... Я вжалась в стену и, не переставая всхлипывать, натянула на голое тело тунику. Трусиков не было, и легинсы пришлось надеть без них. Господи, как же мерзко! Между ног было влажно после Алекса. Ощувив это, я зарыдала в голос. Ненавижу...

– Ненавижу, – всхлипнула я и прижала ладонь к лицу. Глянула в сторону спальни Алекса, всё ещё опасаясь, что он захочет вернуть меня и продолжить, но было тихо. Должно быть, развлеклись с бесправной тварью, а теперь смеются. Или продолжают, но уже вдвоём.

Слёзы всё текли, и я чувствовала их солёно-горький вкус на губах. К горлу подкатывала смешанная с отчаяньем тош-

нота. Меня столько раз опускали, унижали, но это... Мне нужно было сохранить хотя бы какую-то крохотную часть себя для себя же самой, а сегодня у меня попытались отнять и её. Я потёрла запястье, прижала руку к груди и потихоньку заскулила. Сколько можно?! Сколько?! Что он теперь со мной сделает?! Как же я их ненавижу!

С новым всхлипом я сбежала по ступенькам на первый этаж. Мысли завертелись, дышать внезапно стало трудно. Меня как будто отбросило куда-то в темноту. Ошарашенная, я жадно схватила ртом воздух и оглянулась назад. Двадцать четыре ступеньки...

Взгляд мой метнулся вверх, к убегающему вглубь холла ковру, по надраенным до блеска периллам. Тряхнув головой, рванула в правое крыло дома. Пробежала по коридору и, завернув за угол, оказалась в другом – совсем небольшом, заканчивающимся чем-то вроде панорамного окна. Крохотная гостиная с небольшим кожаным диваном, двумя креслами и угловым камином с фотографиями над ним. Забившись в угол между креслом и стеной, я обхватила руками колени и уткнулась в них лбом.

Плечи дрожали так, будто меня бил сильный озноб, пальцы не слушались. Чтобы хоть как-то заглушить рыдания, я до боли прикусила собственное запястье. Только это не помогло. Легинсы между ног стали влажными, внизу живота тянуло, и это не давало даже на секунду забыть мне о том, что случилось. Я ненавидела себя за то, что сломалась. Без-

вольная тварь, не способная постоять за себя. Я должна была исполосовать эту девицу ногтями, едва она прикоснулась ко мне. Сделать хоть что-то, но я... Сталь серых глаз парализовала меня. Я понимала – ослушаюсь, и мне придётся плохо. Понимала... А теперь ненавидела себя едва ли не сильнее, чем их.

Вытерев с лица слёзы, я запрокинула голову и оперлась затылком о стену. Прежде я здесь не бывала, но почему-то это место казалось мне знакомым. Запах... Едва ощутимый запах прогретого солнцем дома и золы. Господи... в голове снова помутнело, дыхание сбилось, и я вдохнула настолько глубоко, насколько только могла.

Не знаю, сколько я так просидела, должно быть, минут тридцать, не меньше. Мне нужно бежать. Бежать отсюда, из этого проклятого дома, от этого безжалостного человека. Иначе я просто сойду с ума. Не выдержу. Что придёт ему в голову в следующий раз? Моё тело... Это моё тело, чтоб вас всех! Моё! Я должна... должна убежать, спрятаться.

В горле встал ком, слёзы потекли с новой силой, но я жёстко смахнула их.

– Да хватит! – всхлипнула, чувствуя, как меня начинает накрывать новой волной отчаянья.

Придерживаясь за стену, поднялась и опять бросилась по коридору, но теперь к двери чёрного хода. Если она окажется запертой, придётся бежать через главный. Но я сделаю это. Сделаю! И если попытка будет стоить мне жизни... Напле-

вать! Дверь и правда оказалась заперта. Лихорадочно подёр- гав ручку, я попятилась назад и метнулась к парадной. Но- ги утопали в ковре, глуша звук шагов. Желание вырваться, обрести свободу, было столь сильным, что я не видела ни- чего вокруг. Казалось, стоит мне остановиться хоть на се- кунду, и сердце моё перестанет биться, а разум окончаель- но поглотит темнота. И это было самым страшным. За годы, проведённые на улице, я не раз видела лишившихся рассу- дка людей, слоняющихся в сумерках с рассеянным взглядом. Не способные вспомнить, откуда взялись и куда должны ид- ти, они походили на оглушённых птиц с обтрёпанными кры- льями. Голодные, в грязной рваной одежде, никому не нуж- ные... Я тоже была ненужной, но у меня ещё оставался ра- зум. Разум и хоть какие-то силы грызться за свою проклятую жизнь.

Оказавшись снаружи, я остановилась. Не зная, что делать дальше, растерянно осмотрела пространство перед домом. Дорожка, шиповник, тисовые кусты, фонтан, монолитные каменные лавочки... Роскошная тюрьма для тени. Вдалеке виднелся кусок высокой каменной стены, поверху которой вилась переплетённая с каким-то ползучим растением колю- чая проволока. Даже пытаться не стоит – мало того, что на- верх мне не забраться, так ещё и колючками раздеру тело едва ли не до костей. Это уже не говоря о том, что поми- мо прочего ограда наверняка находится под сигнализацией. У таких, как Алекс, всегда есть сигнализация... Скользнув

вдоль стены дома, я обогнула его. Пространство показалось мне знакомым. Да, именно с этой стороны мы подъехали в первый день. Сбоку до меня донеслось шуршание, и я, напуганная этим, резко обернулась.

– О, Боже, – вырвалось у меня, стоило наткнуться взглядом на огромного чёрного добермана. Стоя в нескольких метрах, он смотрел на меня в упор и чуть заметно скалил зубы. Сильное мощное тело, тёмные бусинки глаз, на шее – ошейник с металлическими шипами. Судорожно сглотнув, я попятилась, и верхняя губа его дрогнула сильнее.

– Спокойно, – прошептала я, продолжая отходить назад. – Спокойно.

Стоило последнему слову слететь с моих губ, из-за угла дома показался ещё один, а за ним третий и четвёртый. И тут меня прошиб мерзкий, липкий ужас. Вдоль позвоночника потекла капелька пота, тело, несмотря на то что вечер был по-настоящему тёплым, покрылось мурашками, волосы на руках приподнялись. Я понимала – если они бросятся на меня... Истерика, только-только немного унявшаяся, накатила с новой силой, и я стиснула зубы, чтобы не дать рыданиям вырваться из глотки. Только слёзы... эти пустые, бессмысленные слёзы текли по щекам, падали на грудь, оставляли мокрые тёмные пятна.

Один из псов зарычал громче и, прижав уши, двинулся ко мне. Нервы у меня сдали. Не выдержав, я развернулась и побежала вперёд, чувствуя, как позади меня врезаются в

траву когтистые лапы. Слышала своё собственное сбившееся дыхание и рык мерзких тварей, слышала их глухой, раскатистый лай, но не чувствовала ничего, кроме адского страха и уверенности – я должна! Должна, чёрт подери!

Неподалёку маячила какая-то постройка. Добежав до неё, я, недолго думая, рванула на себя дверь. Ощутила тяжёлое дыхание возле руки и, едва успела отдёрнуть её – кожу обожгло, послышался лязг зубов, но схватить меня псине не удалось. Оказавшись внутри, я тут же закрылась и подперла дверь плечом. Твари скреблись, царапались своими когтями и продолжали рычать. А я снова не смогла сдержать рыдания. Нашарила замок и повернула, но ещё с минуту боялась отойти и держала дверь.

– Хватит уже, – процедила я, рыдая в голос. – Хватит! Оставьте вы все меня в покое!

Кому были адресованы эти слова, я и сама не знала. Они рвались из меня, толкались в горле – бессмысленные, глупые, отчаянные. Сжав руки в кулаки, ударила по двери и выдавила сквозь зубы:

– Хватит! Перестаньте...

Прижалась лбом и выдохнула. Шмыгнула носом, обернулась назад. Гараж... Та самая машина, на которой меня привезли, ещё одна, почти ничем от неё не отличающаяся, серебристый седан, кабриолет с откидным верхом...

Пройдя вперёд, я насчитала семь автомобилей. Каждый из них стоил, должно быть, целое состояние и мог бы обес-

печить жизнь семьи из нескольких человек на много лет вперёд. Мне нравились красивые машины, но сейчас хотелось взять гаечный ключ и пройтись по каждому кузову, оставляя глубокие отвратительные царапины. Такие же, коими сегодня «украсили» остатки моей истрёпанной души.

Мне хотелось кричать, хотелось схватить что-нибудь тяжёлое и перебить блестящие стёкла, посворачивать зеркала, хотелось хоть как-то избавиться от душивших меня слёз, от вонзившегося в сердце отчаянья, от ощущения грязи, от мыслей и воспоминаний.

Пальцы мои прошлись по до скрипа вычищенному окну кадиллака, по гладкой серебристо-синей дверце, и безвольно опустились. Одни разрушения несут за собой другие, а потом новые: всё больше и больше. Обхватив запястье правой руки, я потёрла его. Пальцы у меня замёрзли, а дрожь так и не прошла.

Заметив в углу стоящий на подножке мотоцикл, я подошла ближе. Провела ладонью по коже сиденья. Хороший байк, мощный. Нервы мои ошарашило шальной мыслью, но я быстро прогнала её прочь. Нет-нет... Это просто нереально. Ворота, служба безопасности... Хотя... Я задумалась. Поджала губы, нахмурилась и нашла нужное мне местечко возле руля. Если... Метнула взгляд на дверь – не ту, через которую вбежала, а дальнюю, ведущую в дом. Если я успею... Кажется, у меня есть ещё один шанс, и на этот раз я его не упущу. Сдохну, но не упущу! Если он поймаёт меня

– убьёт. Точно убьёт, а перед этим сделает всё, чтобы продлить мою агонию. Страшно представить, на что способен этот человек.

От понимания того, что может случиться дальше, у меня задрожали руки, но остановить меня это уже не могло. Хватит! С меня достаточно! Грязи, унижений, приказов, которым я вынуждена подчиняться просто потому, что у меня нет ни власти, ни денег. Меня ведь, в сущности, вообще нет. Тень без прошлого и будущего, без фамилии, без прав, без собственных желаний. Без возможности выбора. Хватит!

Дёрнув, я вытащила несколько проводков и взялась за дело. Сосредоточилась. Итак, приступим...

Услышав, как открылась дверь, я замерла. Быстро опустилась на колени и, прижавшись к мотоциклу всем телом, затаила дыхание.

– ...обязательно повторим, – донёсся до меня насмешливый голос Алекса. – Обещаю, что в следующий раз всё будет, как надо.

На несколько секунд воцарилась тишина. Тишина, разбавляемая звуками откровенных поцелуев. Меня передёрнуло. Значит, этот сукин сын хочет повторить?! Пожалуйста, только без меня. Лучше я схожну, чем позволю ещё хоть раз прикоснуться к себе какой-то течной суке! Пусть найдёт себе девочку, которой по вкусу лизать и трогать женское тело, а я... Лучше сразу пулю в затылок, чем выворачивать себя за-

платками наружу. На моей душе слишком много уродливых шрамов и грубых рубцов, чтобы это кому-то показывать, да и к чему? Разве им есть разница?

– Ты только не перегни палку, когда найдёшь её, – небрежно сказала Динара, поцокивая каблуками по полу.

Звук её шагов отдавался в голове пульсирующим эхом, страх боролся с отвращением. Обхватив руку, я принялась растирать запястье. Нужно собраться. Собраться и сделать всё правильно. Сжавшись, я прислушалась к стуку каблуков, оперлась на пальцы и выглянула из своего убежища. Динара стояла возле бледно-голубой двухместной BMW и, поигрывая ключами, смотрела на опирающегося о капот Алекса. Почему-то я так и подумала, что это её тачка. Даже почти решилась оставить на ней отметину, но... Вовремя пришла в себя. Запороть всё из-за бессмысленной мести, которая для этих сволочей и яйца выеденного не стоит? Нет, такого удовольствия я им не доставлю.

– Постараюсь, – отозвался Алекс, скрещивая ноги. – Но своё она получит. Не люблю, когда кто-то позволяет себе слишком многое.

– Конечно, – качнула она головой. – Позволять себе многое разрешено только вам, мужикам. А тут такая крошка...

– У этой крошки слишком дрянной характер.

Я стиснула зубы. И как этот человек умудрился заработать столько денег?! Хотя... судя по его повадкам, он куда умнее, чем может показаться на первый взгляд. Умный, расчётли-

вый, опасный. И не дай Бог кому перейти ему дорогу. А я именно это и собираюсь сделать. Фары BMW мигнули, и я снова услышала стук каблуков.

– Не скучай, красавчик, – шлёпнув Алекса по плечу, пропела сука и, приподнявшись на носочки, поцеловала его. Он тут же обхватил её за талию и погладил по заднице.

– Постараюсь.

– И найди свою малышку. Потеряется ещё...

– Это вряд ли, – он подошёл с ней к дверце машины. – А потеряется – найдётся.

– Не сомневаюсь, – проговорила Динара, садясь за руль.

А вот я сомневаюсь. Если я захочу потеряться, сделаю всё, чтобы не найтись. И я хочу. Очень хочу. Так хочу, что готова рискнуть ради этого жизнью. А потом... уеду в другой город. Маленький городок где-нибудь на берегу моря и спрячусь там.

Грустно усмехнулась и тихо выдохнула. Маленький городок на берегу моря... Нет, маленькие города не для таких, как я. Потому что в маленьких городах нельзя спрятаться. В маленьких городках трудно быть невидимкой, тенью, призраком без прошлого и будущего. Маленькие города знают обо всех слишком много. Поэтому они не для меня. Так же, как и очень многие вещи, о которых большинство даже не задумывается.

Раздвижные двери гаража поползли в разные стороны, и я подобралась. Несколько секунд на то, чтобы получить свобо-

ду... Голубой BMW потихоньку заурчал мотором и неспешно, словно бы, как и его владелица, покачивая бёдрами, тронулся с места. Я понимала – торопиться нельзя, но и промедление может обойтись мне слишком дорого. Машина выехала за пределы гаража, Алекс направился следом. Значит, провожать пойдёт? Вот чёрт! Лучше бы эта девица свалила побыстрее и... Сукин сын оказался на улице, но ворота так и оставались открытыми. Я выдохнула. Подождала ещё с минуту и только после запрыгнула на мотоцикл.

– Вот так, – прошептала я, соединяя проводки. Поджала губы, понимая, что контакты не срабатывают, и попробовала снова. – Ну давай...

Наконец байк поддался. Завёлся и, заревев, сорвался с места. Выехав на улицу, я почувствовала бьющие мне в лицо потоки встречного ветра, и прищурилась. Нагнулась, сливаясь с урчащим подо мной зверем воедино и, выжав скорость до упора, рванула к воротам. Те уже разъехались, выпуская гостью за пределы территории. Позади я слышала лай адских псов. Один оказался совсем близко и попробовал схватить меня за икру, но промахнулся и лязгнул зубами по металлу. Получи, тварь! Чтобы ты все клыки себе переломал!

– Остановите её! – услышала я окрик одного из сотрудников службы безопасности. Вслед за ним послышался мат и новые вскрики, но я видела только зазор между створками. Ворота начали задвигаться... Секунда, вторая... Я наклонилась ещё ниже. Возле щели, заграждая мне путь, появился

высокий мужчина в тёмной форме охраны, но он явно не понимал, что я поставила на карту. Мне на свою-то жизнь наплевать, неужели кого-то пожалею? Нет, только не после того, что твой мерзавец хозяин со мной сделал! Не остановлюсь...

До него это дошло, очевидно, в ту секунду, когда я оказалась на расстоянии какого-то метра. В последний момент он метнулся в сторону, и я, обезумев от впрыснувшегося в кровь адреналина, проскочила меж железных столбов в узкую щель. Рёв мотора глушил все окружающие звуки, а меня не отпускало напряжение. Я понимала – это только начало. Потому что Алекс не из тех, кто способен смириться с собственным поражением. И он действительно сделает всё, чтобы остановить меня. Остановить из принципа, ибо я – его собственность, а собственность должна принадлежать ему. Раз и навсегда – ему. Нет, мудака! Никому я больше не буду принадлежать! Как ты там говорил? Волчонок? Волчонок будет зализывать новые раны. И сколько ему потребуется на это времени – неизвестно. Потому что с каждым разом раны становятся всё глубже и глубже, пусть даже волчонок давно разучился чувствовать боль. Кровью ему истекать это не мешает. И выть бессонными ночами, пялясь на висящую в небе луну, тоже.

Не прошло и нескольких минут, как в боковое зеркало я увидела мелькающую вдалеке тёмную точку. Выжала газ до

предела, понимая, что это может значить. Если бросить байк сейчас и попробовать спрятаться... С одной стороны от дороги возвышались деревья, и я могла бы попытаться затеряться среди них, скрыться в прохладном лесном полумраке. Но я знала – он из-под земли меня достанет. Прочешет каждый метр, лишь бы найти меня, причем найти живой. Потому что убить меня он захочет сам и только тогда, когда решит, что пора.

Глянув в зеркало, я с ужасом поняла, что точка стала ближе. Она становилась ближе с каждой долбанной секундой, постепенно приобретала отчётливые очертания, и означало это одно: мой единственный шанс тает, как льдинка в стакане с мартини, только во много раз быстрее. Сердце подпрыгнуло к горлу, ветер хлестнул в лицо, задрал подол туники. Мне было одновременно жарко и холодно, кровь кипела адреналином, сердце бешено билось, а кишки выкручивало от страха. Байк ревел подо мной, как обезумевший, а я крепко держала руль, пытаюсь упорядочить мысли и понять, что я, мать его, могу?! Что?!

Когда машина окончательно обрела чёткую форму, мне стало ясно – ничего. На глаза навернулись злые, бесполезные слёзы, а внутри поднялась волна протеста. Не хочу! Не вернусь! Нет, нет и нет! Больше никто... никто больше меня не тронет! Хватит! Сколько было рук?! Сколько?! Моя бы воля, я бы всадила каждому из них нож в сердце. Каждому, начиная с того самого первого, что был много лет назад. И

того, кто решил...

– Не получишь, – процедила я, глотая слёзы в тот момент, когда машина поравнялась со мной. – Никто не получит. Ненавижу...

Внедорожник начал прижимать меня к обочине. Я должна была обогнуть его и вывернуть, должна! Шахматная партия на асфальте?! Да знали бы вы, ребятки, сколько я их переиграла?! Но вы не знаете. И не хотите знать, потому что вам всем похер. Потому что я для вас – тело.

Играли ребятки по жёсткому. Вслед за первой появилось ещё две машины, и вот тут-то началось. Как я ни пыталась вывернуть, они не отпускали меня. Я оказалась зажатой у края насыпи. Двое сзади, один сбоку. Тяжело дыша, я лихорадочно глянула на прижимающую меня машину и увидела за рулём Алекса. Не выпуская руль, он смотрел на меня. Смотрел так, что... Меня обдало липким ужасом, руки задрожали. Мотоцикл повело в сторону, и я вскрикнула. Одно мгновение, и всё смешалось, перевернулось, бедро ошпарило ужасной болью. Я чувствовала, что куда-то лечу, чувствовала впивающиеся в тело камни, чувствовала, как кожа покрывается ссадинами. И в этот момент мне как никогда сильно хотелось жить. Почему мне всегда хочется жить?! Почему я не могу просто...

Осознав, что всё закончилось, я выдохнула. Голова гудела, бедро словно бы ножом полоснули, тело нещадно болело. Казалось, вся я превратилось в одну сплошную ссадину. От-

крыла глаза и увидела синеву неба с катящимся к горизонту солнечным яблоком. Сделала глубокий вдох. Надо же... Я дышу и, кажется, у меня даже рёбра не сломаны. Только...

Бросив взгляд на дорогу, я увидела стоящего у обочины Алекса. Широко расставив ноги, он смотрел на меня сверху вниз своими потемневшими глазами с серебристыми искорками. Руки его были напряжены, а губы сжаты. Рядом маячило несколько охранников. Я сглотнула, попыталась отползти в сторону и тут увидела, как он спускается. Спускается ко мне. Да, рёбра не сломаны... Пока не сломаны. Шаг за шагом он приближался ко мне, а я не могла не то что бежать... я не могла даже просто подняться. Смотрела на него и понимала: мне конец.

Глава 9

Алекс

Сбежав по насыпи, я быстро пошёл к лежащей на траве девчонке. Да чтоб это всё! У меня кровь застыла, когда она, не удержав равновесия, слетела с дороги и кубарем покати-лась вниз! Думал, всё... Но девчонка оказалась живучей. Увидев, что она шевелится, я ощутил дикое облегчение, сме-шанное с яростью. Весьма странные, надо сказать, чувства! С одной стороны, хотелось доделать то, что она не доделала сама, с другой, я всё ещё не был уверен, что она не перело-мила себе хребет.

Заметив, что я начал спускаться, она принялась отползать назад. Понимает, что натворила, и чем ей это грозит! Волосы её были растрёпаны, в уголке рта запеклась кровь. Я стиснул зубы и сжал руки в кулаки. Нахрена мне были эти пробле-мы?! Можно подумать, жилось скучно!

В несколько размашистых шагов я оказался возле неё, и, стоило сделать это, она прикрыла голову руками. Отверну-лась и вся сжалась, буквально превратилась в комок. Я за-метил, как натянулось её тело, как трясутся её руки, и ощу-тил горечь, комком поднимающуюся из горла. Она что, ре-шила, что я её избивать начну?! Да чёрт подери! Похоже, она и мозги напрочь отбила! Это каким конченным мудаком нужно быть?! К тому же, она мне не противник, чтобы ку-

лачные бои устраивать. Опустить до того, чтобы избить такую кнопку...

– Перестань, – процедил я, отнимая её руку от лица. Дёрнул, заставляя девчонку вновь лечь на спину, и припечатал запястье к земле.

Она смотрела на меня с ужасом, нижняя губа её тряслась, в уголках глаз застыли слёзы. Я покачал головой. Пробежался взглядом по телу. Туника её была выпачкана грязью и измята, легинсы порваны в нескольких местах. Сквозь дыру на бедре виднелась кровоточащая ссадина. Похоже, приложилась она как следует. Поджав губы, я принялся аккуратно ощупывать ногу.

– М-м-м... – тихо застонала девчонка, когда пальцы мои коснулись бедра.

Я метнул взгляд на её лицо. Бледная, растрёпанная, глаза закрыты...

– Кости не сломаны, – коротко сказал я. – Так что не скули. Можно сказать, что тебе крупно повезло.

Она не ответила, только сглотнула. Видимо, сама она считала иначе. Дура! Там, на дороге, думал, догону – прикончу сразу же, а теперь... Злость не отступила, но внезапно накатила дикая усталость. Как будто из меня разом дух вышибли. Пока выбрался из машины, пока добрался до того места, откуда слетел байк... Внутренности вывернулись, а сердце едва не выпрыгнуло. И ещё эти её узкие ладони у лица...

– Дышать не тяжело? – спросил я, осматривая её рёбра.

Она отрицательно мотнула головой. Должно быть, и правда в рубашке родилась, раз после такого пируэта отделалась ссадинами и царапинами. А ведь на ней даже шлема не было...

– Тогда вставай, – взял её за руку и потянул за собой, заставляя подняться на ноги.

Застонав, она покачнулась. Я почувствовал, как её ведёт в сторону и обхватил за талию. Она не сопротивлялась. Сбивчиво дыша, уткнулась мне в грудь лбом. Руки её плетью повисли вдоль тела, дыхание было тяжёлым и жарким. Что-то заставило меня положить ладонь ей на затылок, провести пальцами по волосам и осторожно прижать к себе. Совсем отчаянная. Дурная. Ихватило же ума... Что, спрашивается, мне с ней делать?!

Подхватив девочку под спиной и коленками, я пошёл обратно к насыпи. Вырваться она не пыталась, однако я сильно сомневался в том, что за эти несколько минут здравого смысла у неё прибавилось. Судя по всему, инстинкт самосохранения у неё просто-напросто отсутствовал, причём начисто! На что она рассчитывала – не понятно. Что я не догоню? Или что не найду?! Даже если бы не удалось первое, что само по себе невозможно, со вторым бы мои люди справились быстро. А уж потом... Потом бы церемонится я с ней не стал.

Как она ни старалась, опустить голову мне на грудь ей всё же пришлось. Из горла её вырвался тихий выдох. Босые ноги болтались, когда я нёс её к дороге, рваная ткань на коленках

пропиталась кровью.

– Займитесь мотоциклом, – бросил своим людям, а сам направился к внедорожнику. – Меня какое-то время не будет. Если кого-то нелёгкая принесёт – разворачивайте к чертям собачьим. Пускать можете только Вандора, но не думаю, что он появится в ближайшие сутки. Всё ясно?

– Да, Александр Викторович, – отозвался старший из парней, и я, открыв дверцу со стороны переднего пассажирского сиденья, помог Стэлле усесться.

Посмотрев на меня с ожиданием, опаской и страхом, она обхватила запястье левой руки. Нервничает? Пусть нервничает. Ей не помешает. И ведь прекрасно всё понимает... По глазам вижу – понимает и что ей грозит, и что я так всё не оставлю. Бойтся, а во взгляде всё равно вызов. Несмотря на страх, несмотря на это проклятое понимание! Как будто вопрос «и что ты сделаешь?». Девочка, ты, очевидно, плохо представляешь, что я с тобой могу сделать. Могу, но...

Обойдя автомобиль, я уселся за руль и хлопнул дверью. Завёл и рванул с места так, что шины взвизгнули по асфальту. Я смотрел на дорогу, думая о том, что такими темпами не далеко свихнуться похлеще Вандора. Эта сука пошла мне наперекор, хотя я не раз предупреждал её, угнала мой байк, устроила хрен знает что, а я... Ощувив движение, я мельком глянул на неё. Она повернулась ко мне, губы её приоткрылись, и я, предупреждая любые возможные слова, процедил:

– Молчи. Чтобы я ни слова от тебя не слышал. Держи свой

рот закрытым до тех пор, пока я не разрешу тебе его открыть.

Она продолжала смотреть на меня, и я буквально нутром чувствовал её взгляд. Будто она мне под кожу просачивалась и выжигала внутренности. Снова глянул на неё: ну точно, тлеющие в болоте угли. Я прищурился. Решила со мной потягаться, девочка? Не выйдет. Неужели до тебя ещё не дошло?

– Куда мы едем? – тихо спросила она, отвернувшись. Посмотрела на свои колени. Пальцы её дрогнули, и только теперь я обратил внимание, что на ладонях у неё тоже ссадины.

Свернув на не асфальтированную дорогу, я повёл внедорожник в глубину леса. Звуки стихли, стекло с моей стороны было опущено, и до нас отчётливо доносилось птичье пение. Неровная дорога, теряющаяся меж вековых стволов...

– Убивать тебя буду, – проговорил я серьёзно, не глядя на неё.

Она сжала ладони в кулаки и подобралась.

– Алекс... – слетело было с её губ на надтреснутом выдохе, но я мигом заставил её замолчать.

– Заткнись, – рыкнул я. – Заткнись и сиди молча. Я тебя предупреждал.

Пока машина катилась по узкой дороге, я думал о том, что же, всё-таки, творю?! По всему выходило, что творю я херню. Ну что же... Могу себе позволить, если уж на то пошло. В конце концов, разве кто-то мне может указывать? Девчонка сидела, обхватив своё дохлое тельце руками, и пялилась

в окно. Ещё и ноги плотно сдвинула, как будто я к ней собираюсь лезть. Если бы захотел, милая, тебя бы это не спасло. Вспомнив, как она, слившись с байком, гнала по дороге, я действительно ощутил лёгкое возбуждение. А красиво ведь было, черт подери! Туника плотно облепляла её грудь и живот, короткие волосы трепало ветром. Уж не знаю, где она научилась так гонять, но я оценил. Все мои бывшие и забраться-то на байк боялись, а эта крошка...

Выехав на небольшую полянку, я остановил внедорожник у бревенчатого охотничьего домика.

– Вылезай, – бросил, открывая дверцу со своей стороны. Помогать ей я не собирался и вытаскивать – тоже.

Впрочем, делать этого не пришлось. Стоило мне оказаться снаружи, дверца с противоположной стороны открылась, и Стэлла медленно выбралась из салона. Захлопнула автомобиль и уставилась на меня поверх крыши. На фоне здоровенной машины она и вовсе казалась совсем мелкой.

– Иди к дому, – кивком указал я ей на ступеньки, и она молча, чуть прихрамывая, пошла к крыльцу.

Я шумно выдохнул через нос. Похоже, терпения, чтобы в самом деле не убить её, мне понадобится много. И как в ней может смешиваться столько всего?! Беззащитность и дерзость, вызов и покорность. Я понимал, что в ней скрыто гораздо больше, чем можно увидеть на первый взгляд, но, признаться честно, копать глубже нынешнего не намеревался.

ся. К чему? К чему мне оно нужно?! Всё, что мне нужно от неё получить, я получу и так, а ковыряться во внутреннем устройстве шлюхи из питомника... Увольте! Даже если стоит у меня на эту шлюху в любое время суток, а в голове от неё полный кавардак. Неплохо бы почаще видеться с Диной. В последнее время я так погрузился в работу, что встречались мы от силы пару раз в месяц. Должно быть, отсюда и всякая херь в мозгах. Вот только... Моей крошке присутствие в постели Динары по вкусу явно не пришлось. Надо бы объяснить ей получше, что мнением её никто не интересуется и интересоваться не собирается. Хрен с ней, с Динкой, дело не в ней. В самой Стэлле. Что там ей нравится, а что нет – её проблемы и держать их ей лучше при себе.

Поднявшись по лестнице следом за девчонкой, я отворил дверь и прошёл в тёмный коридор. Стэлла без приглашения вошла следом и остановилась. С удовольствием вдохнув аромат нагретого солнцем дерева, я кивнул в сторону комнаты.

– Иди туда.

– Можно я вначале схожу в душ? – спросила она совсем тихо. Взгляд её метался по стенам, по украшавшим их безделушкам, что я привёз в разное время из стран, где бывал. – Хотя бы на несколько минут, Алекс. – Посмотрела на меня.

Я тоже смотрел ей в глаза и осознавал, что вязну. Вязну в этом чёртовом болоте! И зрачки её угольно-чёрные, и испещрённая коричневыми крапинками радужка... А во взгляде какая-то безысходность. Прежде я не замечал подобного.

– Прямо по коридору и направо, – сухо проговорил я. – У тебя десять минут.

– Спасибо, – ответила она почти беззвучно и, не оборачиваясь, пошла вперёд.

Проводив её взглядом, я выматерился сквозь зубы. Вернуть её, что ли, Вандору?! С одной таскается, так пусть вторая будет... Не хватало мне только в её глаза вглядываться и думать, какая херотень в них таится.

– Ложись на постель, – бросил я, когда Стэлла вышла из ванной.

Посмотрел на часы – почти девять минут. Надо же, какая чёткость. Хорошо. Злить меня сейчас ещё больше не стоит. На девчонке снова была моя рубашка. Одна из тех, что я специально держал в ванной на случай, если времени в обрез. Несколько раз бывало, что выдёргивали меня в самый неподходящий момент, и на счету была каждая секунда. Проведя пальцем по лезвию старого охотничьего ножа, я повернулся к Стэлле. Она уже забралась на постель и сидела, поджав под себя ноги. Колени её были содраны, на голени – длинная царапина. Заметив в моих руках нож, она уставилась вначале на него, потом подняла взгляд к моему лицу.

– Я, кажется, сказал, чтобы ты ложилась, – размеренно проговорил я, неотрывно глядя на неё.

Она судорожно выдохнула, облизнула пересохшие губы и поджала ноги ещё ближе к себе.

– Что ты хочешь сделать? – спросила она, и я услышал, как дрогнул её голос.

Я снова кивнул на постель. Отвечать ей я не собирался так же, как и повторять в третий раз. Взял верёвку и пошёл к кровати. Стэлла попыталась отползти, но я схватил её за руку.

– Лучше будь послушной, – сжимая её запястье, отрезал я.

Положил нож на постель и взял её вторую кисть. Она больше не сопротивлялась, только сидела, застыв, и почти не дышала. Пальцы у неё были ледяными, глаза потемнели. Подтянув её к спинке кровати, я обмотал верёвку вокруг запястий. Не слишком сильно, но достаточно для того, чтобы у неё не было возможности вырваться. Перекинул через прорезь в изголовье и затянул узел. Пальцы её беспомощно сжались, грудь приподнялась и опустилась. Она лежала, откинув голову на подушку, и смотрела в потолок, на массивную балку, словно могла разглядеть там что-то стоящее. Боится. Ведь действительно боится. Взяв нож, я демонстративно потрогал лезвие. Взгляд её тут же переметнулся, и это вызвало у меня мысленную усмешку. Да, девочка, ты сколько угодно можешь пялиться в потолок, но мы-то с тобой знаем, что волнует тебя совсем другое.

– Приступим? – Я присел рядом с ней и провёл кончиком ножа по рубашке у неё под грудью.

Губы её плотно сжались, руки дёрнулись.

– Алекс, – выдавила она, когда я плашмя прижал лезвие

к её щеке. – Я не думала, но...

– Замолчи, – перебил её. И, взяв край рубашки, одним резким движением распорол от низа до самого воротника.

Стэлла потихоньку заскулила, я почувствовал её дрожь. Перевернул лезвие остриём вверх и коснулся её ключиц. Обрисовал и, чуть надавливая, повёл ниже. Она застыла, и только грудь её вздымалась в такт дыханию.

Я смотрел на скользящий по оливковой коже кончик лезвия, видел, как на мгновение вслед за ним кожа бледнеет, а потом приобретает свой прежний цвет, и понимал: это действительно ненормально. Так хотеть какую-то жалкую шлюху – ненормально. Ненормально трогать её и понимать – мне нужно, чтобы её тело откликалось, чтобы она, чёрт возьми, тоже хотела меня. Мне нравилось, когда женщина, которую я трахаю, получала удовольствие, а эта... Но эта и не была женщиной – она была моей собственностью. Только... для меня это ничего не меняло. И если по первой я не задумывался о том, доставляет ли ей секс наслаждение, теперь это стало для меня важным.

Лезвие прошлось по её животу и тронуло лобок.

– Пожалуйста, Алекс, – всхлипнула Стэлла, и я заметил слёзы в уголках её глаз.

– Тихо, – шепнул, кончиками пальцев коснулся кровоподтёка на её бедре. – Лежи спокойно, и всё будет хорошо.

Но слова мои на неё не подействовали, и слезинка потекла по виску. Дрожь усилилась.

– Чего ты от меня хочешь? – всхлипнула она. – Хочешь убить – убей! Я...

– Если бы я хотел тебя убить, сделал бы это сразу, – ответил я спокойно и, протянув руку, стёр с её лица влажный след. Погладил скулу. – Сейчас я хочу совсем другого.

Она потихоньку шмыгнула носом. Похоже, смысл моих слов дошёл до неё быстро, и это успокоило её. Облизнув губы, она спросила:

– И чего же ты хочешь?

Я тронул её плоть самым кончиком ножа и, отложив его в сторону, прижался к животу губами. Поцеловал, прихватил кожу, поднялся до пупка.

– Хочу, чтобы ты стала влажной, – откровенно признался я.

Несколько секунд она молчала, а после негромко и как-то равнодушно сказала:

– Игрушка тебе досталась сломанная, Алекс.

Я приподнял голову, опёрся ладонями по обе стороны от её обнажённого тела. Мы смотрели друг другу в глаза, и я опять видел в её вызов. Хорошо, малышка. Твой вызов я принимаю и, можешь не сомневаться, добьюсь своего. Если раньше тобой никто как следует не занимался, это ещё ничего не значит.

– Починим. – Я всё так же неотрывно смотрел на неё. – Я умею чинить сломанные игрушки.

– Не все игрушки можно починить.

– Для начала стоит попробовать, – ответил я, касаясь пальцами внутренней стороны её бедра. – Только попробовать как следует.

Глава 10

Она невесело хмыкнула и, положив голову на подушку, отвернулась. Закрыла глаза. Её маленькие локотки беспомощно торчали в разные стороны, перехваченные верёвкой кисти по-прежнему были привязаны к изголовью постели. Это заводило меня. Она вообще заводила меня – я реагировал на неё так остро, что это меня раздражало, но остановиться не мог. Посмотрел на её бедро и, сдержав желание дотронуться до ссадины, поднялся. Взял заранее принесённую из кухни аптечку и снова сел возле девчонки. Проскользив кончиками пальцев по её бедру от колена выше, я коснулся живота и стал мягко ласкать. Наклонился и поцеловал тёплую кожу под рёбрами. Почувствовал, как напрягся и опал её втянутый животик. Нужно было обработать ссадины, но соблазн оказался слишком велик. Точно помешательство какое-то...

– Зря стараешься, – выдохнула Стэлла, когда я обхватил губами сосок и накрыл вторую грудь ладонью. – Если хочешь, бери, как есть. А если надоела...

– Тебе не кажется, что для сломанной игрушки ты слишком своевольная? – приподняв голову, осведомился я. Погладил сосок большим пальцем и потихоньку надавил. Отпустил и обвёл круг пошире – по ореолу.

– Уж какая есть, – отозвалась она и посмотрела мне в глаза.

за. – Развяжи меня.

– И не мечтай. – Я коснулся её щеки. Аккуратно провёл по разбитой губе и переместил палец на подбородок. Черты её лица были пропорциональными, мягкими и в то же время чёткими, несмазанными. Красивый изгиб бровей, ровный носик, глаза... Проклятущее болото её глаз! Пока меня вновь не стало затягивать, я взял аптечку и, найдя необходимое, как следует осмотрел ссадину на бедре. Не смертельно, но неприятно.

– В доктора решил поиграть? – Стоило мне дотронуться до ушиба, прошипела девчонка и попыталась отдёргнуть ногу. – Не думаю, что из тебя выйдет что-то толковое. – Я ухватил её чуть выше колена и, вернув на место, опять прошёлся ватой.

– Возможно, – надавил сильнее, и девчонка снова зашипела. – Роль сотрудника похоронного бюро обычно даётся мне лучше, но кому-то сегодня очень сильно повезло.

В ответ до меня донеслось фырканье. Громкое и очень презрительное. Вот же чертовка! Хвоста с кисточкой на её прелестной попке я, вроде бы, не видел, рогов тоже, но стоит, наверное, присмотреться повнимательнее. Закончив промывать ссадину, я нанёс заживляющую мазь и на всякий случай наложил слабую повязку. Хуже точно не будет. Промыл ещё пару царапин и занялся коленками. Вспоминать о том, как она летела с насыпи, не хотелось, но мысли так и лезли в голову. Несомненно, байк был для неё слишком тяжёлым, и

даже при этом справлялась она с ним мастерски. Забывшись, я подул на её коленку. Слететь с дороги на такой скорости...

– Может быть, ещё поцелуешь? – донеслось до меня, и я отогнал недавние воспоминания подальше.

Вот чёрт! Не помню, когда в последний раз испытывал что-то подобное! Узнав, что Вандор попал в перестрелку? Да... В тот момент было нечто похожее, только с другим оттенком.

– Хорошая идея, – глянул ей в глаза и, ведя влажной прохладной ваткой от колена к груди, пересел ближе. – Только для этого есть местечко послаще. – Поцеловал её в губы. Вначале едва ощутимо, а после настойчивее. Раздвинул её губы, втокнул язык и, дразня, коснулся её юркого язычка. Помогать мне она не собиралась, и я понимал это. Очередной вызов.

Не переставая ласкать её рот, коснулся руки и погладил по внутренней стороне от плеча до локтя. Почувствовав под пальцами выпирающую косточку, обрисовал её и двинулся в обратную сторону. Не знаю, что чувствовала она, сам я буквально сходил с ума от прикосновений к ней. Мне хотелось взять её сию же секунду и не думать больше ни о чём. В башке у меня взрывались снаряды, желание выкручивало нервы, в паху всё напряглось до такой степени, что хотелось стиснуть зубы и зарычать. И что с ней не так?! Что не так со мной?! Прикусив её губу, я прижался к локотку губами. Очертил языком и мягко погладил предплечье. Руки

её дёрнулись, будто она была птицей со связанными крыльями, до меня донёсся короткий усталый выдох. Ну нет, девочка, так дело не пойдёт. Прихватив нежную кожу на внутренней стороне предплечья, я стал потихоньку покусывать и тут же зализывать невидимые ранки. Чёрт! Главное, не кончить прежде, чем окажусь внутри неё, потому что её тело...

– Есть что-то, что тебе нравится? – просипел я, накрыв ладонью полушарие её груди. Со ссадинами мы обязательно закончим. Ладони, мордашка...

– Есть, – подумав несколько секунд, ответила она. – Мне нравится, когда меня не трогают.

– Боюсь, что как раз с этим у нас будут проблемы, – проговорил я на полном серьёзе и двинулся к точёным бёдрам.

В то время, как губы мои касались ложбинки меж грудей, рёбер и живота, ладони скользили по бокам, переходили на спину. Тело её было упругим, сильным, но в то же время очень хрупким, и это сочетание заводило меня с невероятной силой. Оставалось признать одно: ни о какой паре раз речи уже не идёт и о десятке – тоже. Понятия не имею, когда она начнёт мне надоедать... А что, если этого, блядь, вообще не случится?! Что тогда? Буду таскать её за собой?

Я и не заметил, как пальцы мои стали очерчивать узор татуировки на правом бедре. Как-то само собой вышло. Я взгляделся в рисунок, уже осознанно провёл по выбитым тушью листочкам и цветам. Татуировка начиналась едва ли не на ягодице и, оплетая ногу, устремлялась вниз, к коленке.

По очереди я очертил языком каждый цветок и, согнув ногу Стэллы, остановился на коленной чашечке.

– Очень красиво, – прижав цветок зубами, сказал я.

Мне нравилось покусывать её кожу, нравился почти неощутимый запах её тела. Сейчас она пахла моим мылом: горький запах грейпфрута, смешанный с нотками розмарина и бергамота. Ей шло. Ей вообще шло всё, что не шло другим женщинам: короткая стрижка, мощный мотоцикл, вызов в глазах, терпкие духи, мужские рубашки...

Не переставая очерчивать выюн языком, обхватил ладонью её икру и помассировал пальцами. Она напряглась, и я почувствовал, как натянулись под кожей её мышцы. Дикая кошка...

– Тебе не нравится, когда трогают твои ножки? – посмотрев ей в лицо, приподнял я бровь. – Или наоборот нравится?

– Мне вообще не нравится, когда меня трогают, – процедила она, глядя на меня с непонятно откуда взявшимся раздражением.

Я снова взялся за её икру. Надавил двумя пальцами под коленкой и стал спускаться всё ниже и ниже, к щиколотке. Стэлла сжала губы. Добравшись до сухожилия возле пяточки, я принялся поглаживать ямочки возле него. Стопа у неё была маленькая, узкая, изящная, с красивыми пальчиками. Уж не знаю, то ли это я такой осёл, что меня заклинило на этой пигалице, то ли что, но мне было удивительно, как это никто не оценил её по достоинству. Прежде идея держать

дома девочку из питомника казалась мне весьма сомнительной, однако, чего только стоят эти ножки!

– Без глупостей, – предупредил я и опустил её ногу себе на колени, так, что стопа упиралась мне в пах.

Вне сомнений, девчонка прочувствовала, насколько сильно я хочу её. Глаза мигом потемнели, крылья носа раздулись.

– Скажи, тебе вообще всё равно как, с кем и когда? – выдавила она. – Лишь бы было, куда слить?

– Ты считаешь, что если бы мне было всё равно, я бы вошёл тут с тобой? – парировал я и, взяв в ладони вторую стопу, погладил косточки. Спустился к пятке и, обрисовав её пальцами, поднёс к лицу. Потёрся щетиной и лизнул.

– Что ты делаешь? – Она попыталась отдёрнуть ногу. Голос её звучал как-то напряжённо и обеспокоенно.

– У моей игрушки очень много интересных деталек, – хмыкнул я, продвигаясь по стопе к пальчикам. Погладил Стэллу по второй ноге от лодыжки до колена, легонько шлёпнул по бедру, заставляя раздвинуть бёдра, и коснулся плоти.

Она всё ещё была сухой, но я чувствовал, что тело её начинает откликаться. Слабо и медленно, но начинает и, судя по тому, как нервно дрогнул её живот, чувствовала это и она сама. Мы посмотрели друг другу в глаза. По её взгляду сложно было понять, о чём она думает. Как будто мысли её скрывала какая-то мгла – густая, непроглядная. Я почувствовал, как она шевельнула пальчиками меж моих бёдер, почувствовал, как ножка её медленно заскользила туда-сюда. Шумно

и резко втянул носом воздух и увидел насмешку в зелёных глазах. Уголок её губ дёрнулся. Вот же сучка! Решила показать, что я хочу её куда сильнее, чем она меня? Так я не идиот, чтобы спорить с очевидным. Ну погоди у меня...

Недолго думая, я укусил её за подушечку возле мизинца. Не сильно, но так, чтобы почувствовала. Взял маленький пальчик в рот и принялся посасывать. О собственном члене на какое-то время пришлось забыть. Пульс у меня зашкаливал, вены вздулись, но отступить я уже не мог. Хоть ширина нахрен лопнет, – своего добыюсь.

Надавливая, я провёл по стопе большими пальцами: по гладкой пяточке, по вызывающе эротичной ямочке, добрался до подушечки и помассировал. Оставив мизинчик, схватил безымянный и лизнул его. Потом средний и указательный, а, добравшись до большого, начал с косточки на боковой стороне стопы. Да чтоб её! Эти маленькие ножки возбуждали меня ничуть не меньше, чем её потрясающая грудь и попа! Аккуратные, как и всё её тело, с этими сухожилиями, ровными пальчиками и прорисованными косточками. Прикусив пальчик сбоку, я потёр подушечку и подул на неё. Стэлла снова попыталась отдёргнуть ногу, но я крепче ухватил пятку и продолжил. Покусывал и мягко ласкал, а потом снова покусывал до тех пор, пока не услышал тихий выдох.

– Нравится? – не переставая гладить ножку, спросил я. Опустил к себе на колени и взял другую. Стэлла облизнула губы и хотела было увернуться.

– Нравится, я спрашиваю? – повторил настойчивее.

– Прекрати. – Я заметил, как натянулась верёвка. – Развяжи меня. Мне больно!

– А вот врать нехорошо. – Пальцы мои вновь принялись изучать узкую стопу. Вот они – натянутые сухожилия, округлые косточки, мягкая подушечка и вкусные пальчики. Такие вкусные, что я бы мог долго облизывать их, несмотря на то, что член разрывался от жажды обладать этой девчонкой. Вот так, детка... Мизинчик, безымянный... А вот и большой. Лунка ровного ноготка, сгиб... Я вобрал палец в рот и обвёл языком. Зубами, опять языком...

– Алекс... – Голос Стэллы дрогнул. Бёдра и живот были напряжены, во взгляде затаилась тревога. – Не надо, Алекс.

Язычок её прошёлся по приоткрытым губам, из груди вырвался выдох. Оставив стопу в покое, я тронул плоть и тут же посмотрел Стэлле в лицо. Провёл с большим нажимом, обрисовал влажную дырочку и проник пальцами.

– М-м-м... – застонала она и всхлипнула, подалась назад. Я же принялся поглаживать её изнутри.

В горле пересохло, терпеть давящую ткань больше не было сил, и я расстегнул ширинку, а следом, продолжая ласкать девчонку, ремень. Справившись, опустил ладонь ей на колено.

– А ты говорила, что починить нельзя... – Собственный голос показался мне настолько глухим, что я не узнал его. А всё она виновата. И пальчики её, и эта вязкая влага, и лишь

слегка намокшие половые губки, и чувствительная горошинка клитора под моим большим пальцем.

Она задышала чаще, потихоньку застонав, прогнулась в спине. Я почувствовал, как ножка её заскользила по моему бедру и остановилась на напряжённой ширинке.

– Даже не думай, что ты... – Она выдохнула и принялась поглаживать меня.

На этот раз уже я не сумел сдержать гортанный стон. Довела же, чертовка, до того, что у меня в голове не мозги, а сплошная каша. Взгляд наткнулся на нож. Вытащив пальцы, я втянул её аромат и облизнул их. Даже на вкус терпкая.

Стоило почувствовать её вкус, и меня потрянуло. Может быть, когда-нибудь я свихнусь настолько, что попробую её языком прямо там, пока же меня куда больше интересовало кое-что другое. Взяв нож, я приложил лезвие к низу её живота. Ощутил, как Стэлла напряглась, но, прежде чем она успела сказать что-либо, я перехватил нож и, развернув, вогнал в неё рукоять. Она попыталась сдвинуть ножки, но я, напротив, отвёл её коленку в сторону, заставляя развести их. Девчонка откинула голову, выгибая шею, грудь её приподнялась. Толстая рукоять вошла плавно, на всю длину, и мне стоило больших усилий не кончить в тот же момент. Я видел, как меж рельефного узора блестит влага. Трахал её ножом, касался пальцами, но этого мне было катастрофически мало. Обхватил её ягодицу и стал жадно мять. Собственное вождение перешло все границы, а вид входящей в тугое

лоно рукоятки...

Отбросив нож на пол, я принялся растёгивать рубашку. Лезвие с металлическим звоном ударилось обо что-то, брякнуло, и стало тихо. Скинув рубашку, я наскоро, как шальной, избавился от джинсов и навис над Стэллой. Она даже ног не сдвинула. Так и лежала с разведёнными, и я бы мог подумать, что ждала меня, если бы не её взгляд. Темнота... Я тронул её разбитую коленку.

– Болит? – вырвалось у меня как-то само собой.

– Жить буду, – ответила она с придыханием.

В этот самый момент нервы мои ошпарило пуще прежнего. Перед мысленным взором кадрами воспоминаний опять промелькнул мчащийся по дороге байк, флажок бирюзовой туники, звук ревущего мотора... А после она, катящаяся вниз по твёрдым камням. Разорванные легинсы, страх в глазах и... Глянул на её губы. Да, ссадинка в уголке рта. Дотронувшись, я проговорил:

– Обещаю, что буду осторожнее.

– Просто сделай уже это. – Она подалась вперёд и прихватила мой палец зубками. Лизнула кончик и снова опустила голову на подушку. Теперь темнота в её глазах стала такой, словно... Словно она решила подчинить себе мой разум. Почти как там, в машине, и всё же иначе. Огонь, острый перец, нагретый солнцем гранит, камыши... Болотная зелень с коричневыми крапинками и нотками желания.

Я подался вперёд, ощутил, как член мягко и плавно растя-

нул тугую плоть, услышал мелодичный стон с чуть заметной хрипотцой и стиснул зубы. Меня скрутило так, как, должно быть, не скручивало никогда до этого. Знал – стоит пару раз двинуться – будет достаточно, чтобы дело дошло до финиша. Ну нет, уж от этого момента я получу сполна!

Девчонка подо мной вновь тихонько застонала, и я поцеловал её в шейку. В нежную, изящную шейку с бьющейся пульсом венкой, а потом в уголок рта со свежей ссадинкой.

Она сама приоткрыла губы, и я тут же воспользовался этим. Не знаю, чего она решила добиться. Попросить таким образом прощения за свою выходку? Попробовать избежать наказания? Да я понятия не имел, как её наказывать! Если до её незабываемого полёта с байка я ещё мог подумывать о чём-то, теперь стало ясно – отдать своим людям я её не смогу, вложить плетью... Тоже нет. Стоит только представить, как кожа её покрывается кровавыми бороздами...

– И что мне с тобой делать? – рыкнул я возле самых её губ. Обхватил лицо.

– Мне казалось, что конкретно сейчас ты собирался меня трахнуть, – отозвалась она жарким шёпотом. – Так сделай уже это, Алекс.

– Что, во вкус вошла? – ухмыльнулся я, но она продолжала смотреть мне в глаза точно так же, как смотрела до этого. Только темнота сгустилась, превратилась в непроглядную мглу самой бесконечной ночи.

– Хочу стереть то, что было в доме, – наконец проговорила

она всё тем же шёпотом. – И раз ты сделал это со мной... Забыть тоже поможешь ты.

Я пристальнее взгляделся в её лицо. А ведь не шутит... Не знаю уж, что там с ней, но к чёрту! Всё к чёрту!

Накрыв её рот своим, я принялся двигаться в ней. Чувствовал, как она почти неощутимо подаётся мне навстречу, и ловил кайф от каждого её движения. Гладил её по ноге, по выбитому тушью выюну, и сам переставал что-либо сообщать. Байк, домик, девчонка... Болото её глаз, запах кожи. Чёрные ресницы, маленькие пальчики и тихие стоны мне в губы. И я, осёл, теряющий грань между пониманием, что есть нормальные бабы, с которыми проводят время, которых ласкают и которым доставляют ответное удовольствие, а есть те, которых просто трахают. Потому что с ней просто мне уже не хотелось. Как? Я и сам не знал. Но её запах, её терпкий вкус...

Глава 11

Стэлла

Проснулась я от каких-то странных, напоминающих вой дикого зверя звуков. Ещё не успев открыть глаза, ощутила нечто схожее с неконтролируемым страхом. Паника... Меня буквально выворачивало от паники. Вокруг было темно, и я даже не поняла, как смогла найти выход из комнаты. Шарила руками по мебели, по стенам, чувствуя лишь одно желание – бежать без оглядки. Куда, я и сама не понимала, но мне нужно было бежать.

За окном снова раздался вой, яркая вспышка на мигхватила из темноты очертания комнаты. Беги! Беги, детка... В голове как будто зашумело, паника перехватила горло, отдаваясь безумной пульсацией крови в висках.

Беги, прячься, Стэлла! Голос доносился из самой глубины моего подсознания: далёкий, отчаянный. Я обернулась на окно. Что-то тёмное мелькнуло за стеклом, и в новой вспышке молнии я увидела силуэт человека. Невольно у меня вырвался хриплый стон, тело стало липким от выступившего пота. Пальцы нашарили что-то мягкое. Рубашка... мужская рубашка. В голове поплыло.

Беги, детка... Оказавшись в коридоре, я накинула рубашку на плечи и обернулась. Тень мелькнула в самом конце, у двери ванной, глухой гром прокатился по погружённому в

ночь дому. Голову едва не разорвало от женского вскрика, и я, зажав уши ладонями, затрясла ею. Нет! Я не хочу этого слышать... Бежать... она просила меня бежать. Тень...

Больше ничего не соображая, я метнулась к двери. Отодвинула тяжёлый засов, перекинула крючок. Мрак проникал в горло, сдавливал меня, оплетал паутиной руки и ноги, и всё, чего я хотела – оказаться подальше отсюда. Распахнула дверь и выскочила прямо под проливной дождь. Струи тут же с силой захлестали по телу, моментально намокшая рубашка облепила меня, как вторая кожа. Что-то тяжёлое ударилось об пол, а следом раздался хлопок. Глаза жгло, грудь сдавило, от страха я едва могла дышать, но остановиться даже не подумала. Добежала до края поляны и юркнула меж деревьев. Свернуть с дороги... Главное, не бежать по дороге. Где-то тут должна быть тропинка...

Смахнув с лица смешанные со слезами струи воды, я оглянулась назад и углубилась в чащу. Палочки и колючки впились в стопы, но я знала – остановлюсь, и... Дороги я не разбираю, ноги утопали в прибитой дождём траве и размокшей земле. Ветка ударила по лицу, потом вторая, третья... Что-то царапнуло меня по бедру, шорох листьев напоминал тяжёлое дыхание. Или...

– О, Боже... – всхлипнула я, поняв, что за спиной у меня действительно кто-то дышит. Да... и треск веточек под ногами. Вдруг до меня дошло, что я в самом деле бегу уже не меж деревьев, а по тропинке – узкой и совсем заросшей.

Обернулась и не услышала ни звука – только удары капель о листья.

От холода тело покрылось мурашками, адски болело бедро, но права остановиться у меня не было. Ещё немного. Тропинка... она должна вывести меня... Внезапно щиколотку пронзила острая боль. Со вскриком я упала прямо на мокрую землю, едва успев подставить ладони, чтобы не уткнуться в грязь лицом. Корень... Это всего лишь корень.

Приподнявшись на руках, я встала. Поджала ногу и снова обернулась назад. Тень... Тень нагоняла меня. Я знала, что она тут, близко, ещё совсем немного, и он будет рядом. Спрятаться... Я должна спрятаться... Не обращая внимания на подвёрнутую ногу, я рванула вперёд. Лёгкие жгло огнём, дождевая вода струилась по губам, и я чувствовала её сладкий привкус.

Неожиданно тень оказалась прямо передо мной: огромная, заполняющая собой всё пространство. Не успев ни свернуть в сторону, ни притормозить, я с размаху налетела на неё и тут же оказалась заключённой в тиски сильных рук.

– Нет! – истошно закричала я, пытаюсь вырваться. – Нет, пожалуйста... Пожалуйста, отпустите меня! – из глаз моих брызнули слёзы. Я зарыдала, ни на миг не прекращая попытки высвободиться. Он пришёл за мной специально, чтобы... чтобы... Он хотел поймать меня. Но я должна была бежать, должна была спрятаться. Ведь она просила меня... – Пусти-те! – зарычала я, отбиваясь, что есть мочи. – Что вам от меня

надо?! Я никому не скажу...

– Стэлла! – мужчина встряхнул меня с такой силой, что меня мотануло, и закружилась голова. – Ты что несёшь?! Какого дьявола вообще происходит?!

– Я никому не скажу... – рыдая, выдавила я, не улавливая смысла собственных слов. – Просто...

– Так, всё, – теперь голос его мне показался знакомым. Мужчина прижал меня к своему огромному телу и обнял за плечи. Я почувствовала, что вся дрожу, и заплакала с новой силой, но уже не из-за страха.

– Алекс... – прошептала я, чувствуя, как на место страху приходит облегчение. Настолько сильное, что я стиснула зубы и, уткнувшись ему в грудь, глухо заревела. – Алекс, это ты...

– А кто тут ещё может быть? – резко ответил он и стал растирать мою спину. – А теперь объясни мне, какого хрена ты творишь.

Сглотнув, я хотела было сказать, что... Что увидела тень, а потом... Оглянувшись на тропинку, вдруг поняла, как глупо это прозвучит. Потому что ни тени, ни треска веток под чужими ногами, ни шума дыхания на самом деле не было. Не было, чёрт подери! Всё это было только в моей голове. И тот голос...

Обхватив себя руками, я потёрла плечи и честно призналась:

– Я не знаю. Не знаю...

– Ладно, – на пару секунд он замолчал, а после проговорил: – Пойдём в дом.

Не дав мне двинуться в обратную сторону, Алекс повёл меня вперёд. Я снова оглянулась. И зачем нам в лес, если домик в другой стороне? Заметив, что я прихрамываю, он резковато, с каким-то раздражением, спросил:

– Что с ногой?

– Подвернула, кажется.

– Как же ты меня достала! – прозвучало в ответ.

Я почувствовала, как он обхватывает меня под спиной, под коленками, и уже в следующую секунду оказалась у него на руках. Замерзшая, прижалась всем телом. После пережитого ужаса перспектива оказаться наедине с этим мужчиной была уже не такой пугающей. Да и, кажется, убивать меня он в самом деле не собирается. Даже теперь.

– Опять мыть тебя.

– Я сама помоюсь, – отозвалась я сипло и привалилась к его плечу. Дождь продолжал бить меня по голым ногам, Алекс тоже был насквозь мокрым, но от тела его исходило блаженное тепло. Я закрыла глаза и прижалась к нему ещё сильнее, пытаюсь укрыться, спрятаться от этих беспощадных струй, от темноты, от ночи и от того, что так напугало меня. Я ведь не сошла с ума... не сошла...

– У всех девки, как девки, а мне досталась...

Приподняв веки, я глянула на него сквозь темень, но тут же забыла, что хотела на это сказать – в каких-то метрах от

нас стоял домик. Только вышли к нему мы с другой стороны.

– Я ведь... – растерянно шепнула было я, но тут же замолчала.

Алекс толкнул дверь, внёс меня внутрь, и я почувствовала запах дерева. Опустив меня на пол, он задвинул засов и пошёл в кухню. Я последовала за ним. Лишь раз обернулась на дверь и вдруг поняла, что не видела задвижки, когда убегала. Вообще ничего не видела, но...

Лодыжка болела, и я опустила на ближайший стул. Рубашка липла к телу, с волос капало, но встать и пойти в душ у меня не было сил. Их не было даже на то, чтобы просто переодеться: стопы пощипывало от мелких ранок, дрожь то отступала, то накатывала с прежней силой, да так, что я начинала стучать зубами. Алекс делал что-то у шкафчиков, но сконцентрироваться, чтобы понять, что именно, я не могла. Беги, детка... Потерев лицо, я вздохнула.

– Пей, – услышала рядом. Что-то с негромким стуком опустилось на стол, и я, отняв руки, увидела стакан с тёмной жидкостью.

Взяла и принялась. Пахло травами. Настойка или что-то типа того. Не раздумывая, опрокинула в себя и, поморщившись, протянула стакан Алексу.

– Можно ещё?

Он глянул мне в лицо и, не ответив, вернулся к столешнице. И что это значит? Что нельзя? Ладонь с зажатым стаканом безвольно опустилась на колени, и я ощутила холод

мокрой ткани. Я не сошла с ума. Нет, не сошла! Тогда...

Взяв бутылку, Алекс подошёл вновь и кивком дал понять, чтобы я подняла руку. Глядя на то, как настойка тонкой струйкой течёт из горлышка, я пыталась вспомнить, с чего всё началось. Меня разбудил вой ветра. Ветер... Но ведь и раньше случались ветреные ночи. Порой мне даже приходилось проводить их едва ли не под открытым небом. И ливни тоже были, и грозы... На этот раз я пила медленно, делала глоток за глотком. Всё это было, не было другого. Не было тянущего чувства внизу живота, дрожи в коленях и влаги меж ног. Проклятый сукин сын с его играми! Ни о каком оргазме речи, конечно же, идти не могло, но он заставил меня чувствовать. А мне-то казалось, что я напрочь лишена этого. Но нет...

– Может быть, ты хотя бы попытаешься объяснить? – сухо проговорил Алекс, присев на край стола в полуметре от меня.

Сделав очередной глоток, я отрицательно качнула головой.

– Мне нечего тебе объяснять.

– Тогда скажи, какого хрена вышла на улицу? Если решила сбежать, то...

– Не хотела я бежать! – рыкнула я и, пытаясь успокоиться, судорожно вдохнула. – Вернее... – Заговорила уже спокойнее, но так и умолкла. Как сказать ему?! И стоит ли вообще говорить?! Но если не рассказать... Тогда я точно свих-

нусь. От мыслей, от попыток вспомнить голос, так настырно звучавший в моём подсознании ещё совсем недавно. – Я не знаю, Алекс. Я как будто была не тут... То есть тут, но...

– По-моему, пить тебе больше не стоит, – заметил он. Я подняла на него взгляд, и к нему вернулась прежняя серьёзность. – Хорошо... – Встав со стола, он взял рулон кухонных полотенец. – Промокни лицо.

Пока я, погружённая в свои невесёлые размышления, цедила настойку, Алекс сходил в комнату и принёс большое махровое полотенце. Я кое-как расстегнула пуговицы рубашки и укуталась в сухое. Стало куда лучше. Он поставил чайник и опустил на стол банку с печеньем. Равнодушно глянув на неё, я допила настойку и тихо заговорила.

– Какая-то женщина кричала, что мне нужно бежать... Я слышала её голос. Тебе может показаться, что я рехнулась, но это не так. – Я поймала на себе внимательный, задумчивый взгляд Алекса. Сжала края полотенце, губы мои дрогнули. – Сейчас я понимаю, что этот голос... Он был где-то внутри меня. Но когда я проснулась...

Признаться честно, я думала, что он ответит одной из своих ухмылочек или скажет что-нибудь ироничное, но Алекс промолчал. Стоял и смотрел на меня ещё более задумчиво, чем прежде. Чайник, щёлкнув, выключился, однако Алекс никак не отреагировал. Вроде бы, всё так же смотрел на меня, и в то же время мне было ясно – погружён он в собственные мысли. Я плотнее укуталась в полотенце и глянула

на стол. Коробка с печеньем... Пару секунд поколебавшись, сняла крышку и вытащила одно. Сахарное, с корицей, оно буквально таяло на языке, и я почувствовала себя чуточку лучше. Примитивно всё-таки устроен человек...

Наконец Алекс достал чашки и налил кипяток. Подтолкнул ко мне коробку с чайными пакетиками.

– Тебе нужно в душ, – констатировал он, отхлёбывая едва заварившийся чай.

Я оценивающе осмотрела его. Оказывается, он уже успел переодеться. Должно быть, когда ходил за полотенцем. Домашние штаны, свободная рубашка... И всё же волосы его были влажными, да и вряд ли он согрелся так быстро.

– Тебе тоже, – взяв новое печенье, равнодушно сказала я и заметила затаившуюся в уголке его рта усмешку. Поджала губы. Кто о чём, а вшивый о бане.

Догадаться, чего от меня хотел Алекс, было не трудно. Я же надеялась только на то, что всё кончится быстро, потому что сил на его изощрения у меня не осталось. На смену пульсации в висках пришла головная боль, дрожь сменилась ознобом, а внутри образовалась пустота. По дороге в ванную я снова и снова задавалась вопросом, что же всё-таки произошло, однако ответа на него так и не было.

Размотав полотенце, я повесила его на крючок и подошла к зеркалу. Губа разбита, на щеке царапина, на скуле – не то ссадина, не то только-только начинающий проявляться си-

няк – сразу и не понять. На руки даже смотреть было страшно.

– Ты извращенец, – заключила я, вытащив из волос палочку.

– Ещё какой, – стягивая не до конца расстёгнутую рубашку через голову, согласился он.

В который раз недоумеваю, на кой я ему сдалась, я задержала на Алексе взгляд. Красивый, богатый мужик с рабочим членом и огромными возможностями. И я... Мало того, что вид, словно после бомбёжки, так ещё и с головой проблемы начались. Но нет... Ему, блядь, в душ! Заставив себя отвернуться, я зашла в кабинку. Появившийся вскоре Алекс осмотрел меня с головы до ног. Поджал губы, покачал головой и включил воду. И что вот это всё значит? Недоволен или наконец дошло, что эстетическим удовольствием тут и не пахнет? Так какого хрена от меня нужно?! Вон та... Длинноволосая, холёная, с кожей, словно бархат, и сиськами...

– Обопрись о меня, если тяжело стоять, – склонившись, тихо сказал Алекс мне на ухо и, развернув, заставил опереться о свою грудь.

Мысли так и оборвались, не дойдя до логического завершения. Я ощутила, как ладони его скользят по моему животу, на миг останавливаются и скользят вновь.

Попыталась отстраниться, но он прижал меня ближе. Удерживая, взял с полочки гель и выдавил себе на ладонь. Растёр, взбивая пену, и принялся намыливать мои плечи.

Я чувствовала, как пальцы его разминают мои скованные мышцы, как ладони ложатся на лопатки и опять поднимаются вверх. В горле образовался ком, и я уставилась в стену. Только не чувствовать. Только не чувствовать! Обхватив под грудью, он привлёк меня к себе. Прикусил кожу на затылке. Член его упирался мне в поясницу: твёрдый, большой. Я подумала, что сейчас он толкнёт меня к стене, как частенько делал это, но вместо этого он только потёрся о меня, шумно выдохнул и, наклонившись, хрипло сказал мне на ухо:

– Знала бы ты, как я хочу тебя трахнуть.

– Так что тебя останавливает? – осведомилась я, чуть повернув к нему голову.

Он с шумом вобрал в лёгкие воздух. Лизнул меня за ухом и, накрыв грудь ладонью, стал потихоньку водить, растирая гель.

– Ты себя видела?

– Видела. – Я отвернулась. И какого дьявола?! Хочет трахнуть – пусть трахнет и всё. А он хочет. А если ему синяки мешают... Тогда какого чёрта он меня трогает?! Какого чёрта вообще происходит?! Повернувшись к боковой стене, я уставилась на наше с ним отражение. Как погляжу, любит он зеркала...

– Боюсь, если сейчас я сделаю с тобой всё, что хочу, тебе будет очень больно, – снова заговорил он. – Потому что я хочу взять тебя вначале вот сюда, – пальцы его проскользили по складкам моего лона, потом поставить тебя на коленки и

хорошенько трахнуть в рот, – вторая ладонь обрисовала губы. Мне нравится, как ты берёшь в рот, Стэлла, – указательный палец, скользнув внутрь, прошёлся по моим зубам. – Да... – потихоньку зарычал он, покусывая мой затылок. – А напоследок мы бы попробовали тебя вот тут, – ладонь его переместилась на мои ягодицы. Раздвинув их, он обвёл анус, нажал, проталкивая палец внутрь. Неглубоко, всего на одну фалангу. – Ты представить себе не можешь, как я хочу вставить тебе сюда. Нагнуть тебя и... – Он скользнул глубже, погладил меня изнутри, но уже буквально через пару секунд убрал руку и, шлёпнув меня по заду, всё так же сипло проговорил: – Поверь, детка, я всё это с тобой сделаю. Но не сейчас.

Я смотрела на наше с ним отражение и чувствовала дрожь. Странную дрожь, вызванную не страхом, не хаотичными мыслями, не ужасом пережитой ночи, а его словами. Он продолжал намыливать меня – неспешно, будто наслаждался каждым моментом, его напряжённый член всё так же тёрся о меня, а я ловила себя на том, что никогда ещё ни один мужчина так сильно меня не хотел. Вот так, чтобы отказаться от возможности взять здесь и сейчас, а дожждаться... Чего? Чего он хочет получить от меня? Моё тело? Или нечто большее? Куда больше, чем я могу ему дать? Он хочет, чтобы я откликнулась, чтобы реагировала на его ласки, его прикосновения. Хочет вернуть моё тело к жизни, но если он делает это...

– Алекс, пожалуйста, не надо, – сглотнув горький вязкий ком, вставший в горле, попросила я, когда он принялся намыливать мои плечи. Осторожно, словно каждое его касание было больше, чем есть. От плеча к запястью кончиками пальцев и обратно по внутренней стороне, вырисовывая невидимые узоры.

– Что не надо? – продолжая, поинтересовался он.

– Вот этого не надо, – развернувшись, я посмотрела ему в лицо. – Не надо делать так, чтобы я чувствовала.

– А ты чувствуешь? – Самодовольный взгляд и ямочка на щеке. Обхватив за талию, он привлек меня к себе и опустил руку на лобок. Хорошенько намылил, а после, раздвинув половые губы, добавил: – Как-то не заметно.

Удерживая, он обхватил свой член и принялся размеренно водить по нему рукой. Глубоко задышал. Хватка его ослабла, и я сделала крохотный шаг назад.

– Отойди к стене, – приказал он. – Хочу смотреть на тебя.

По телу опять побежали мурашки. Вначале я было отступила, но замешкалась и, послушавшись, дотронулась до его живота. Может быть, ему и было не заметно, но внутри меня закручивалась невидимая спираль, и я хорошо понимала, что это такое. Как он это сделал?! Моё тело подводило, предавало меня. Вначале разум, не давший возможности спрятаться, а теперь тело. Кто он?! Что он делает со мной?! Как?! Ведь я... я пустая, мёртвая. Во мне же нет ничего. Выжженное поле. Если он продолжит, надавит сильнее...

– Стэлла, – предупреждаяще процедил Алекс, жёстко перехватив мою руку. – Не играй с огнём. Я могу и передумать.

– Давай я помогу, – сказала я, не отводя глаз, и положила вторую свою ладонь поверх его.

Взгляды наши скрестились. Он смотрел на меня, я – на него, и никто не хотел сдаваться первым. Наконец он кивнул и убрал свою руку. Блаженно прикрыл глаза, когда я обхватила его пальцами и принялась ласкать. От основания до головки, обратно, касаясь взбухшей венки. Он был таким огромным, что я едва обхватывала его. Чувствовала его силу, его желание, и никак не могла унять собственную дрожь. Едва ощутимую и почти незаметную, но уже сейчас пугающую меня до мозга костей. Проведя несколько раз по всей длине, я дотронулась большим пальцем до головки, стёрла выступившую капельку и опять принялась гладить пальцем. Второй рукой коснулась мошонки и стала ласкать там. Алекс запрокинул голову, стиснул зубы и гортанно застонал.

– Быстрее, детка, – выдавил он.

Я стала водить пальцем быстрее и немного жёстче. Понимая, что ему мало, вновь обхватила ладонью и подошла настолько, чтобы кончик упирался мне в живот. Он опять застонал, и я ощутила, как член его напрягся. Облизала губы.

– Развернись, – приказал Алекс, и я, выпустив его, повернулась к нему спиной. Услышала его выдох и почувствовала, как он кончил мне на ягодицы. Не знаю, что я должна была чувствовать... Нет, как раз-таки знаю – ничего. А вместо

этого я чувствовала, как стучит моё сердце. И спираль внизу живота я тоже чувствовала – тёплую, ненормальную.

– Спасибо, – к моему удивлению просипел Алекс мне на ухо, прижимая меня спиной к себе.

– Не за что, – отозвалась я, и поняла, что тоже слегка осипла.

Внезапно у меня мелькнула шальная мысль. А что, если... Что, если я смогу?! Смогу стать ему нужной? Что, если я смогу согреть серебро его глаз? Ведь я могла бы... могла бы попробовать. Сердце забилося ещё быстрее, горло сжалось. Я снова посмотрела на наше отражение и увидела всё, как есть: он – полный жизни и я. Пустая, исковерканная, ни на что не способная. Рано или поздно он поймёт, насколько сильно я изломана. Поймёт, и на этом всё закончится. Нет... Такая, как я, просто не может быть нужной. Никому. А ему – тем более.

– Как ты завела байк? – спросил Алекс, когда мы уже лежали в постели.

По привычке я хотела снять длинную футболку, которую надела в ванной, но он остановил меня. Сказал, что этой ночью так будет лучше. Для нас обоих. Сейчас ладонь его лежала на моём животе поверх ткани, и ощущения эти были для меня отчасти новыми. Меня столько раз трогали... и через одежду, и просто так, но мужская ладонь, небрежно лежащая на моём прикрытом теле... Это было странно.

– Ты же наверняка знаешь, что я росла на улице, – отозвалась я, разглядывая вырисовывающуюся в только-только занимающемся рассвете комнату.

Мебель в ней была деревянная, как и во всём доме, кое-где, меж бревенчатых стен проглядывал сухой мох, искусно вырезанная из чёрного дерева оконная рама была состарена, и что-то подсказывало мне, что состарена искусственно. Вдохнув запах свежего постельного белья, я повернулась лицом к Алексу.

– Не говори мне, что ты ничего обо мне не знаешь, Алекс. Не поверю.

– Кое-что, конечно, знаю, – ладонь его теперь лежала на моей пояснице, – но в питомнике, очевидно, упустили тот факт, что ты можешь «сделать ноги» здоровенному Харлею.

Я усмехнулась. В его вариации это звучало даже забавно. Знал бы он, что я могу «сделать ноги» почти всему, у чего есть колёса. Впрочем, тому, у чего их нет – тем более.

– Мне много чем приходилось заниматься, – призналась я уже невесело, и потихоньку вздохнула. – Но говорить об этом мне не очень хочется.

Алекс снова рассматривал меня, поглаживая пальцами поясницу, изучал лицо, и я терялась, не зная, чего он хочет увидеть. Тени прошлого, навсегда оставшиеся во мне призраками несбывшихся надежд? Обломки глупой веры? Лоскуты когда-то так бережно лелеемых мною мечтаний? Пыль, коей стала я сама? Я склонила голову, всем существом желая

спрятаться от него. Перед тем, как мы легли в постель, он снова обработал мои ссадины и царапины, но болеть от этого меньше они не стали. Мне хотелось спать, хотелось избежать разговора, однако Алекс, похоже, был настроен иначе.

– Ты долго жила на улице?

– Почти восемь лет, – с неохотой призналась я.

– А до этого? – спросил он негромко, и пальцы его опустились до самого копчика, а после устремились вверх вдоль позвоночника.

– А до... – Я задумалась. – Это не важно, Алекс.

Это в самом деле было не важно. Не важно. Прежде всего потому, что мне не хотелось ни думать об этом, ни вспоминать, ни, тем более, говорить. Не важно – самый короткий из всех возможных ответов даже не для него – для себя самой. Не важно. Прошлого не изменить – оно уже прошло. Прошло так, как прошло, так какой в этом смысл?

– В твоих бумагах сказано, что у тебя никого нет, – снова заговорил он. – Это действительно так? – На сей раз я просто кивнула. – А родители?

– Я их не помню, – поёжившись, честно ответила я. – Я вообще ничего о себе не знаю. Даже когда у меня день рождения. Осенью... Помню, что осенью и всё. Детство... оно как будто стёрлось.

– Детство? – переспросил Алекс. – Ты же сказала, что жила на улице восемь лет.

– Да, – подтвердила я. – А до этого... – губы мои невольно

тронула горькая усмешка. – Давай спать. Я очень устала.

– Спи, – он шлёпнул меня по пояснице и звучно зевнул.

Сквозь сон я почувствовала, как на моё бедро легла большая горячая ладонь. Ясно, чьей-то выдержки на долго не хватило. Глаза открывать не хотелось, тело, казалось, ныло ещё пуще вчерашнего. Каждая мышца болела, стоило мне пошевелиться, и кожа натянулась, а вместе с этим напомнили о себе ранки и ссадины. Я застонала.

– Лежи, – шепнул Алекс мне на ухо, – я сам всё сделаю.

Какое интересное, однако, предложение. Мне казалось, что даже думаю я с сарказмом. И что он там собрался делать? Задрав футболку, Алекс принялся гладить меня по животу, затем опустил руку ниже и начал ласкать клитор. Не помню, чтобы кто-то из них говорил мне, что сделает всё сам... Зато помню, как они, развалившись на постели, небрежно кивали, приказывая мне растормошить их. И я тормозила, потому что знала – в противном случае...

Со стороны тумбочки раздалась мелодия. Настырная, она прогоняла остатки дремоты.

– Вот чёрт! – недовольно выдохнул Алекс и, потеревшись носом о мой затылок, поцеловал меня в шею. – Прости, малышка, но это может быть важным. – Руки его исчезли, а следом за ними – тепло тела.

Уж не знаю, за что он там решил попросить прощения. Утренний стояк не у меня точно. Застонав, я с трудом пере-

вернулась на другой бок, Алекс как раз ткнул пальцем в сенсорную кнопку и, откинувшись на подушку, ответил:

– Не скажу, что ты вовремя, но слышать тебя я всё равно рад.

Подтянув одеяло, я зевнула и укрылась чуть ли не до самых глаз. Вставать не было никакого желания. Моя бы воля, я бы так неделю пролежала.

– Да нет, всё в порядке. – Алекс снова зевнул. Щетина его отросла сильнее, волосы были взлохмачены со сна. Почему-то мне захотелось улыбнуться, но сделать этого я не смогла, и улыбка осталась лишь в мыслях. От всего этого пахло горечью. Вчерашний день никуда не делся, и те, что были в моей жизни ещё раньше – тоже. Игрушка...

Я сразу поняла, что разговор идёт о Милане, и наострила уши. Очевидно, Вандор сказал что-то похабное или забавное, потому что в ответ Алекс усмехнулся.

– Ты смотри, – теперь уже он говорил сдержано, – рана серьёзная, будь осторожен.

Несколько минут они обсуждали какие-то дела. Я не прислушивалась, но невольно улавливала оттенки голоса. Алекс был собранным, серьёзным, и вовсе не походил на легкомысленного любителя плотских удовольствий. Признаться, я и не сомневалась, что так и есть – этот мужчина из тех, кто держит всё под контролем. Всё и всех. В том числе и меня. Моё тело, мои ощущения...

Закончив разговор, он бросил телефон на тумбочку и,

окинув меня взглядом, спросил:

– Кофе будешь? С утренним сексом всё равно не задалось...

Глава 12

Стэлла

В зеркало заднего вида я смотрела на оставшиеся позади ворота. Этот шанс я тоже не использовала. А третий... Со-мневаюсь, что после вчерашнего Алекс оставит мне хоть ма-лейшую возможность для побега. Хотя в данный момент у меня даже сил не было думать о чём-то подобном. Тело всё ещё ныло: свежий ароматный кофе помог прогнать сонли-вость, но оказаться в постели меньше мне от этого не хоте-лось. Ступни болели так, что сегодня я едва смогла дойти до кухни. Там же, чуть ли не повалившись на стул, протяжно застонала и потёрла ладонями лицо. Зря. Ссадина на скуле тут же напомнила о себе.

– Что я могу тебе сказать? – Алекс поставил передо мной чашку кофе.

– Лучше не говори ничего, – предупреждая любые на-смешки с его стороны, отозвалась я. Судя по его взгляду, вы-глядела я примерно так же, как себя чувствовала – отврати-тельно.

Взяв свою чашку, он присел на угол стола. Вытащил из оставшейся с ночи банки печенье и целиком сунул в рот. Я последовала его примеру. Говорят, сладкое настроение под-нимает...

Остановив машину неподалёку от въезда в гараж, Алекс

выбрался на улицу. Заметив подбежавшего к нему добермана, я аж передёрнулась. Мерзкие монстры! Виляя обрубок хвоста, пёс подставил ему голову, и Алекс почесал его за ухом, а после открыл дверцу с моей стороны.

– Я никуда не пойду, пока ты не уберешь этих тварей! – отрезала я. Псов было уже четверо. Похоже, все они ждали внимания хозяина. Отлично! Пусть хоть сожрут его, я не расстроюсь. – Они просто ужасные.

– Обычно днём они находятся в вольере. – Он шлёпнул себя по бедру, и псы в момент оказались рядом. Один из них подошёл вплотную ко мне, принялся, и я поспешила отдернуть ногу. – Но иногда я выпускаю их, чтобы они могли как следует погулять.

– И кого-нибудь сожрать между делом, – фыркнула я, наблюдая за тем, как он треплет по башке то одного, то другого. – Убери их подальше.

– Не бойся, – он протянул мне ладонь. – Хочешь погладить?

– Спасибо, как-нибудь обойдусь, – скривила я губы и натянула на бёдра полы длинной рубашки Алекса.

Моя одежда была безнадёжно испорчена, и мне снова пришлось воспользоваться его гардеробом. Судя по его довольной ухмылке, против он вовсе не был. Я же надеялась, что в дом мы попадём, минуя улицу, однако планы Алекса на этот счёт явно разнились с моими надеждами. Достав телефон, он набрал чей-то номер.

– Загони собак, – услышала я спустя несколько секунд. Не прерывая разговора, Алекс глянул на меня, задержался на моих коленках и подмигнул. – Да... У тебя есть минута.

Закончив непродолжительный диалог, он строго глянул на собак, и те сразу присмирели.

– Свои, – чётко и твёрдо сказал он и добавил, обращаясь уже ко мне: – Выйди из машины.

– Я же сказала...

– Выйди из машины, Стэлла! – перебил он меня и посмотрел так, что я сразу поняла – лучше не спорить.

Этот мужчина куда опаснее вьющихся вокруг него тварей. Нехотя я всё же спустила ноги на землю и встала рядом с ним.

– Свои, – повторил он. – Не трогать.

Стоящий ко мне ближе всех пёс обнюхал мои ступни, фыркнул, тряхнул головой и отошёл в сторону. Второй обошёл меня с боку и тоже обнюхал, ещё двое почти что ткнулись мне носами в бедро. По спине пробежал холодок. Не то чтобы я боялась собак, но предыдущая встреча конкретно с этими была, мягко говоря, неприятной.

– Свои, – повторил Алекс в третий раз.

Заметив приближающегося к нам охранника, я снова одёрнула рубашку. Не хватало только, чтобы после они меня всем своим табором обсуждали. А в том, что так оно и будет, я не сомневалась. Вчерашнее-то уже успели в деталях перетереть, теперь будет свежая тема для разговоров. Захотелось

немедленно оказаться в доме, но Алекс не торопился.

– Ночью как обычно? – спросил охранник, остановившись возле нас. Я заметила, как взгляд его быстро скользнул по моим ногам.

– Да, – коротко ответил Алекс и, больше не обращая на него внимания, спросил у меня: – Ты дойдёшь сама?

Я утвердительно кивнула. Не хватало только, чтобы он таскал меня на глазах у этого. Тем для разговоров у его людей теперь и без того предостаточно.

Первым, что сделал Алекс, когда мы оказались в спальне, отправил меня в ванную как следует промыть ранки на ногах. Я только усмехнулась. Боится, что подцеплю заражение и сдохну? Вряд ли. Со смертью у нас отношения как-то не складываются. Кажется, такая, как я, даже ей ни к чему...

В ванной я присела на широкий бортик и издали посмотрела в зеркало. Перевела взгляд на выложенный бриллиантами логотип в углу. Крупные и мелкие, они переливались, отражая свет маленьких лампочек, идущих по верхнему краю зеркального стекла. Посмотрела на свои исцарапанные руки, на сбитые пальцы ног. Должно быть, сейчас за меня и самого крохотного из этих камешков никто не даст. А Алекс... Зеркала в украшенных драгоценными камнями серебряных оправках, мебель из чёрного и красного дерева, роскошные ковры, подлинники картин и предметов искусства... Этот мужчина может получить всё, что только пожелает, испол-

нить любую свою прихоть. И мои попытки сбежать... Должно быть, я всё-таки дура. Самая настоящая идиотка. Найдёт. Найдёт, если только захочет. А пока что он хочет, потому как я тоже его прихоть, и мне стоит помнить об этом. Что бы ни случилось.

– Можно с тобой поговорить, Алекс? – нерешительно спросила я, покусывая губы.

Он приподнял голову, прижимая вату с перекисью к самой большой ране на моей стопе. Я понять не могла – то ли ему заняться было нечем, то ли просто нравилось издеваться надо мной. Я ведь могла и сама. Могла, чёрт его возьми! Но он положил мою стопу к себе на колени и медленно, словно наслаждался каждым моментом, принялся промокать ранки влажной ваткой. И выглядел при этом... сосредоточенным. Сосредоточенным, чтоб его! Ни ухмылочки, ни улыбочки. Это напрочь сбивало меня с толку, заставляло нервничать. Однако было кое-что важное, о чём я хотела поговорить с ним здесь и сейчас. Нужно было ещё раньше, но...

– Я тебя слушаю, – бросил он и снова занялся моими ногами.

Я выдохнула. Несмотря на пощипывание, прикосновения его начинали меня волновать, и я не понимала, что с этим делать. Как бы невзначай он поглаживал мои пальцы, дотрагивался до лодыжек, и это находило отклик в моём теле. Да что за чертовщина такая?!

– Эта женщина... которая была тут вчера... – не зная, с чего начать, неуверенно заговорила я. – Я действительно не могу так. Мне...

Его большой палец прошёлся по косточке возле моего на ноге. Я почувствовала, как он гладит меня – маленький кружок, а потом больше и больше по спирали. Пятка моя опустилась в его ладонь, и я поспешила отдёрнуть ногу.

– Алекс! – рыкнула, глядя на него с раздражением. Меня от одной мысли о вчерашнем наизнанку выворачивает, а он...

– Это что за тон? – голос его звучал спокойно. Так спокойно, что я невольно сжала зубы. Одно хорошо – он больше не касался моих ног, и я перестала чувствовать это ненормальное, пугающее меня щекотное тепло внизу живота.

– Я пытаюсь с тобой поговорить, а ты...

– А ты уверена, что я хочу с тобой разговаривать? – смеялся небрежным взглядом, а у меня к горлу внезапно комок подкатил. Мерзкий, горький, колючий. Досада, гнев... и что-то ещё. Собственность, игрушка. Разве могло что-то измениться? Ты забылась, Стэлла. Забыла, что ты – никто, что желания твои никого никогда не интересовали и не интересуют. Забыла...

Поджав ноги, я отползла к спинке постели и отвернулась. Наверное, мне стоило попросить прощения. Другая бы на моём месте так и сделала – хотя бы ради того, чтобы не обострять и без того натянутые отношения. Но то другая...

– Есть вещи, Алекс, – тихо заговорила я, – которые находятся за гранью. Для меня то, что случилось вчера – одна из таких вещей. Я не могу... И не хочу. Может быть, тебе безразличны мои желания, но... Делай со мной всё, что хочешь, только прошу: не надо больше заставлять меня быть с женщиной, – посмотрела ему в глаза. – Я действительно не могу. Меня выворачивает. Неужели ты сам не понял этого?

– Ты правильно сказала, – заговорил он по-прежнему ровным, спокойным тоном, – твои желания меня не волнуют. Спасибо, конечно, за разрешение, но делать с тобой всё, что захочу, я могу и без этого.

Я сглотнула. А чего я ожидала услышать? Дура... Алекс встал, я же натянула рубашку на колени и уставилась в стену. Хотелось плакать, но какой смысл от слёз? Нет в них смысла. Разве что лишний раз показать ему, что он сумел задеть меня? Да только ему плевать.

Услышав звонок мобильного телефона, я даже не повернулась. Так и сидела, глядя в одну точку, и пыталась перебороть себя. Что мне ещё предстоит выдержать? Сколько раз пережить унижения? Сколько раз переломать себя? А сколько раз меня ещё сломает он?

– Да... – услышала я голос Алекса. – Да, минуту... Минуту, я сказал.

Пройдя мимо постели, он вышел из спальни. Я снова сглотнула и, не выдержав, всхлипнула. Стёрла покотившуюся по лицу слезинку, а за ней ещё одну. Да будь ты проклят,

Алекс! Будь ты проклят!

Забравшись под одеяло, я свернулась клубком. Постаралась успокоить себя мыслями о том, что всё, что случилось вчера, далеко не самое страшное. Бывало ведь куда хуже. Бывало, чёрт подери, куда хуже! Но то ли это действительно оказалось пределом, то ли у меня просто кончились силы, попытки уверить себя в чём-либо не подействовали. Меня выворачивало. Приступы жалости к себе были мне несвойственны, а то, что происходило сейчас... Что-то живое во мне всё ещё билось, царапалось. Вот и сейчас...

Вернувшийся в спальню Алекс распахнул шкаф и, достав свежую рубашку, принялся переодеваться. Я смотрела на него сквозь зеркало, а сама в это время пребывала в какой-то мутной протрации. Ни желаний, ни слов. Со слезами из меня ушло всё, что я могла бы сказать ему. Осталась только пустота – та самая, что была моим привычным спутником уже много лет.

– Мне срочно нужно уехать по делам компании, – застывшая пуговицы, проговорил Алекс. – Не знаю, сколько это займёт времени. Думаю, больше недели.

– Хорошо, – выдавила я и закрыла глаза. Не хотела видеть его лицо, прядку падающих на лоб волос, его руки. И голос его слышать я тоже не хотела, но он заговорил вновь:

– Ты можешь, как и прежде, свободно перемещаться по дому, но о любой твоей выходке мне будут докладывать. Ес-

ли хочешь, можешь выходить к фонтану и гулять неподалёку от парадного входа.

– Хорошо, – повторила я.

– И ещё... – Алекс приблизился. Я почувствовала запах свежего белья и исходящую от него энергию. Ладонь его опустилась мне на плечо, одеяло поползло вниз. Я открыла глаза. – Я подумаю над тем, что ты мне сказала, – проговорил он, перевернув меня на спину. Обвёл пальцами контуры моего лица. – Обещаю, что подумаю.

Дни тянулись медленно и довольно однообразно, но меня это не беспокоило. С момента отъезда Алекса прошло уже почти две недели, синяки и ссадины сошли, так что я снова могла спокойно смотреться в зеркало и не содрогаться от собственного жалкого вида. Практически всю первую неделю я провела в постели. Лишь изредка вставала затем, чтобы поесть и немного подышать свежим воздухом. До сих пор мне казалось, что я уже достаточно пришла в себя, но это было не так, и поняла я это только теперь. Тишина и покой...

Катящееся к закату лето всё ещё баловало жаркими деньками, и мне нравилось гулять у фонтана. Глядя на него, я испытывала какие-то странные чувства. Будто... Это мерное журчание воды, блестящие на солнце капли, тёплая каменная скамья. Может быть, где-то в моём далёком прошлом было нечто подобное? Как знать...

Не знаю, какие именно приказы относительно меня Алекс

отдал своим шакалам, разговоров они со мной не заводили. Только частенько ошивались рядом, чем порядком меня раздражали. Ловя на себе пристальные взгляды, я так и чувствовала, как на меня навешивают бирки. Что, мальчики, обсудили вдоль и поперёк? Да, ваш хозяин трахает меня, дальше что? Он и вас трахает, только несколько иначе.

Но всё время в доме сидеть мне не хотелось и приходилось терпеть. И эти взгляды, и едва заметные в уголках губ ухмылки, и временами попадающего мне на глаза начальника службы безопасности. В его присутствии я вовсе чувствовала себя неудобно. Он, вроде бы, не делал ничего такого, а мне так и хотелось оскалиться. Чужие руки на теле, тяжёлое дыхание... Ненавижу! Всех их ненавижу – похотливых ублюдков, размахивающих своими членами, как знаменем неизменной силы. Отстрелить бы им всем яйца, посмотрела бы я на них...

Открыв холодильник, я внимательно оглядела полки и, приподнявшись на носочки, достала с предпоследней лоток с мясными тефтелями. Несмотря на отсутствие Алекса, жизнь в доме не остановилась, и повар регулярно интересовался, что приготовить. По крайней мере, горячее на обед было всегда, а уж на свежие завтраки и ужины я не претендовала. Выложив тефтели в тарелку и присыпав сыром, я поставила их греться. Приготовила кофе. По привычке с наслаждением вдохнула аромат. Жизнь на улице научила меня ценить

самые простые вещи: хороший кофе, свежее постельное бельё, вкусную еду и тёплую воду. Простые вещи, для кого-то являющиеся пределом мечтаний...

Микроволновка пискнула, и я забрала тарелку. Обернулась и увидела вошедшую в кухню Мирославу. Та ещё надменная сука, считающая, что, если Алекс между делом пару раз трахнул её, теперь она может смотреть на всех свысока. Удостоилась хозяйского члена? Молодец, что я ещё могу сказать? Вот только разговаривать мне с ней не хотелось вовсе.

Она смотрела на меня, я – на неё, и единственным желанием, что я испытывала, было желание послать её нахер. Губы её сжались, в глазах полыхнула злость. Я же спокойно подошла к столу и поставила тарелку, отодвинула стул и уселась. Подтянула к себе одну ногу и взяла тефтельку пальцами. Расплавленный пармезан потянулся тоненькими ниточками, кусок едва не плюхнулся обратно, но я вовремя подхватила его губами. Откусила и снова посмотрела на Миру. Не нравится? А ты думаешь, милочка, такие как ты, кому-то нравятся? Да тому же Алексу? Поверь, нет. Ни твой выглаженный передник, ни аккуратно собранные волосы никому задаром не сдались. Разве что какому-нибудь грёбаному педанту с похожим на варёную морковку достоинством. Хочешь Алекса – забирай. Вот только захочет ли тебя он – большой вопрос.

Мясной сок потёк по подбородку, и я, стерев капельку, облизнула пальцы. Мирослава резко отвернулась, подошла к

холодильнику, и тут я заметила Алекса. Он стоял поодаль, привалившись плечом к стене, и, не сводя с меня взгляда, с кем-то разговаривал по телефону. Поняв, что я заметила его, бросил в трубку ещё пару слов и вошёл в кухню. На Миру он даже не взглянул. Приблизился к столу и, остановившись в каких-то сантиметрах от меня, опёрся о него свободной рукой. Светлые джинсы, белая рубашка с парой расстёгнутых пуговиц и закатанными до локтей рукавами... Сок потёк по пальцам, и я быстро засунула остатки тефтели в рот. Смешанное со сталью серебро его глаз сверкнуло, темнота зрачков сгустилась.

– Тебя хочет твоя синеглазая подружка, – проговорил он, протягивая мобильный и, стоило мне взять его, добавил бархатным, с хриловатыми нотками голосом: – И я, кажется, тоже...

Последнее меня как раз не удивило. Но сейчас интересовало меня совсем другое. В надежде услышать голос Миланы, я прижала телефон к уху и спросила:

– Мила... Мила, это ты?

Посмотрев на стоящую передо мной тарелку, Алекс взял пальцами тефтелю и отправил в рот.

– Зайди в кабинет, как закончишь, – коротко сказал он мне и взял ещё одну. Передумал, положил обратно и забрал всю тарелку. Скотина! Мне оставалось только смотреть ему в спину. Но... в трубке раздавался мягкий Милин голос, и на данный момент это было самым важным. Таким важным,

что я даже злости почти не испытывала.

– Приготовь нам холодный чай с мятой, – обратив наконец внимание на Мирославу, бросил Алекс уже от дверей. – И горячие бутерброды с мясом и сыром.

– Как скажете, – натянуто улыбаясь, незамедлительно отозвалась Мира. Алекс кивнул. – Принеси всё в кабинет через десять минут. – Да... – сделав несколько шагов, он снова остановился и показал ей на тарелку. – Приготовь ещё одну порцию.

Глава 13

Стэлла

Не знаю, сколько проговорила с Миланой, но когда я зашла в кабинет Алекса, горничная как раз ставила на стол кофе. Склонившись чуть ниже нужного, она подвинула к Алексу чашку и, забрав пустую тарелку из-под тефтелей, поставила на её место другую.

Заметив меня, Алекс хлопнул себя по бедру.

– Подойди ко мне, – откинулся на спинку кресла.

Мирослава выпрямилась, и, не глядя на меня, спросила:

– Что-нибудь ещё нужно, Александр Викторович?

Тот медленно посмотрел на неё, оценивающе глянул на стол и, очевидно, удовлетворившись увиденным, лениво отозвался:

– Нет. Если что-то понадобится, я тебя вызову. Можешь идти.

Выпрямив спину, она одарила меня уничтожающим взглядом и направилась к двери. Я прошла мимо, не обращая на неё внимания и в то же время чувствуя какую-то внутреннюю насмешку. Я, конечно, в этом доме никто, но и ты, дорогая, мало чем от меня отличаешься. Только что чистенькая, да отглаженная. А в остальном...

– Спасибо, – оказавшись возле Алекса, я отдала ему мобильный.

Потянув за рубашку, он заставил меня опуститься к себе на колени и приобнял за талию. Услышав негромкий хлопок двери, я обернулась. Так и есть – горничная вышла, и мы с Алексом остались одни. Я ожидала, что он тут же начнёт раздевать меня, но вместо этого он взял из тарелки тефтелю и поднёс к моему рту.

– Кажется, я оставил тебя без обеда, – с усмешкой проговорил он.

Я открыла рот, и он тут же сунул мне тефтелю. Облизал пальцы и снова усмехнулся. Я почувствовала, как пах его стал напряжённым. Вот теперь-то... Однако Алекс снова удивил меня. Погладил по бедру и, отдав тарелку, столкнул с колен.

– Ешь. У тебя не больше десяти минут. Со мной поедешь.

– Куда? – вырвалось у меня.

– Куда нужно, – ответил он и кивком указал на стул по другую сторону стола. – Сядь туда. У меня дел по горло, а с тобой башка совсем не варит.

Куда мы едем, я не имела ни малейшего понятия. Посматривала на сидящего рядом Алекса, пытаюсь угадать, о чём он думает, но сделать это мне было не под силу. Вальяжно откинувшись на кожаную спинку сиденья, он опустил веки, в то время, как ладонь его лежала на моей коленке. Не зная, что придёт ему в голову в следующий момент, я никак не могла расслабиться. В памяти были ещё живы воспоминания

о поездке в тот день, когда он забрал меня. Не забыл этого, думаю, и водитель с двумя сотрудниками службы безопасности. Благо, третий, сидящий рядом со мной, тогда Алекса не сопровождал и не видел ничего из случившегося. Что собратья во всех подробностях рассказали ему о том, чему стали свидетелями, я не сомневалась, но он хотя бы не пялился на мои ноги.

– Пойдём, – сказал Алекс, когда машина остановилась, и двое из охранников вышли на улицу.

Выглянув в окно, я увидела огромное витражное стекло, украшенное логотипом с окружённой вензелями прописной буквой «А». Так вот куда он меня приволок. Решил показать, как оно бывает, когда у тебя есть бешеные бабки.

Вздохнув, я вышла из машины и снова посмотрела в сторону магазина. Уже по одной только витрине было понятно, что без толстого кошелька сюда соваться нечего. По бокам виднелись перехваченные широкими золотистыми лентами портьеры, а сквозь стекло открывался расплывчатый вид на ярко освещённый зал.

– И что ты встала? – Осведомился Алекс, шлёпнув меня по ягодицам. – Нравится?

– Да мне как-то... – равнодушно дёрнув плечом, я пошла к двери вслед за одним из охранников.

Признаться честно, мне действительно дела не было ни до его камней, ни до всей этой роскоши. Ко мне она не имела

никакого отношения. Что толку глазеть на роскошную тачку, если получить её ты всё равно не сможешь? К чему стоять у ограды дома и смотреть, как кто-то наслаждается жизнью? Сложно сказать, испытывала ли я зависть. Думаю, отчасти да. Но не к деньгам и вседозволенности, а к самой возможности свободной жизни, когда не нужно прятаться, не нужно ломать себя, бороться с голодом. Иметь фамилию, свой дом и свободу – вот всё, чего я хотела. Остальное... С остальным бы я справилась сама.

Стоило мне перешагнуть порог, на глаза попался ещё один логотип сети. На этот раз он украшал противоположную стену и занимал собой едва ли не всё пространство. Судя по размеру имитированных под огромные бриллианты стёкол, здесь обошлось без показухи, однако каждый «алмазик» был отделан столь изыскано, что и буква, и окружающие её вензеля, буквально искрились.

– Добрый день, Александр Викторович, – вышла нам навстречу миловидная блондинка в строгом синем платье-футляре. Улыбнулась и чуть ли не в реверансе присела.

Алекс кивнул и, не удостоив девушку даже словом, прошёл к витринам, где его ожидала ещё одна. Блондинка особой галантности от него, похоже, и не ждала, потому что всё с той же улыбкой последовала за ним. Я тоже подошла ближе и кинула взгляд на выставленные под стеклом украшения. Склонила голову, рассматривая инкрустированные камнями подвески, и перешла к следующей – с браслетами.

– Всё в порядке? – Услышала я голос Алекса, а следом мелодичный женский:

– Да. Партию обручальных колец доставили утром, серьги около часа назад. Сейчас как раз готовим для них витрину.

– Хорошо, – отозвался Алекс. – Я бы хотел посмотреть на всё.

– Конечно, Александр Викторович.

Обернувшись, я осмотрела вторую девушку – высокую шатенку с копной пышных каштановых волос. Так же, как и на первой, на ней было строгое платье-футляр, но бардового цвета. Блондинка же стояла ко мне спиной. Фигурка точёная, словно у куколки, ноги от ушей, светлые волосы собраны синей, на тон светлее платья, лентой. Интересно, а этих двух он тоже трахает?

Перехватив мой взгляд, Алекс обогнул сотрудницу и подошёл ко мне.

– Что ты тут нашла, Волчонок? – спросил он, поставив руки на край витрины по обе стороны от меня. Оказавшись в капкане, я ощутила тепло его тела и запах. Невольно напряглась и тут же взяла себя в руки. Это Алекс. Если он захочет прикоснуться ко мне – прикоснётся. Захочет взять – возьмет. И я должна относиться к этому спокойно, тем более... Тем более, что его прикосновения – далеко не самое ужасное, что было в моей жизни, и окажись на моём месте другая девочка из питомника, она бы сочла это за благо.

– Как тебе вот этот? – негромко проговорил Алекс у меня

над ухом и указал на браслет из белого золота с изумрудами, а потом на другой, из жёлтого с рубинами: – Или этот?

– Нормально, – ответила я, отчаянно желая оказаться подальше от него. Его запах, лёгкие прикосновения тела к моему, вкрадчивый бархатный голос... Всё это пугало меня. Но страх этот отличался от того, что я испытывала прежде находясь рядом с мужчиной. Не было ни отвращения, ни неприязни, вот только моё собственное тело... Уже знакомое чуть осязаемое тепло внизу живота, мурашки на руках... Я не понимала, что со мной, и как он это делает.

– Откройте витрину, – глянув на своих сотрудниц, бросил Алекс. – Маша, – обратился он к блондинке, – займись подготовкой нового товара. У меня нет времени торчать тут весь день. Чтобы через минуту всё было готово.

– Да, извините, – виновато ответила девушка и быстро пошла к спрятанной в углу зала двери, за которой, очевидно, находились подсобные помещения.

Вторая же подошла к нам со связкой миниатюрных ключиков. Хотела было вставить один из них в замок, но Алекс забрал все и сам открыл витрину.

– Свободна, – бросил он ей. – Вы готовились к выкладке? Вот и готовьтесь. А тут я сам разберусь.

– Да, извините, – поспешно отозвалась она, и, не дожидаясь, пока он скажет что-нибудь ещё, отошла в сторону.

Я не удержалась от кривой усмешки. Проводила девицу взглядом и, повернувшись к Алексу в пол-оборота, спроси-

ла:

– И как они?

– Кто? – Он взял браслет с рубинами, потом мою левую руку и застегнул замочек.

Стоило мне тряхнуть кистью, камни заиграли всеми оттенками красного. Красиво, конечно. Правда с моей едва приталенной рубашкой и легинсами как-то не очень. Для подобного места одета я вообще была не очень, пусть и в вещи от знаменитого дизайнера.

– Эти куколки. Ты их как? По одной или тоже обеих сразу?

Алекс смерил меня взглядом. Мне показалось, или в его глазах промелькнул не только интерес, но и удивление? Не ответив, он взял вторую мою руку и надел браслет с изумрудами. Немного подумал и добавил к нему ещё один, тоже из белого золота, но с чёрными камнями, а потом и третий – с сапфирами.

– Тебе не кажется, что это как-то безвкусно выглядит? – тряхнув рукой, осведомилась я. – Хотя... бриллианты в ванной, оправы с камнями...

– Безвкусно, это когда мужчина женщине вместо золота кухонную утварь дарит, – закрывая витрину, проговорил Алекс.

Надел колечко от ключей на мизинец и поиграл связкой, будто кастаньетой. Я цокнула языком, он же взял меня за руку, закатал один рукав и продемонстрировал мне мою же ладонь, лежащую в его. Оправленные белым золотом камни

заиграли: зелёные, синие.

– Мне нравятся твои руки, – услышала я, и отвела взгляд от собственного запястья. – И цвет кожи... Тебе идут драгоценные камни, Стэлла.

Замолчав, Алекс подвёл меня к следующей витрине и отпер её. Я снова посмотрела на свою руку и обернулась на продавщицу. Заметив мой взгляд, та поспешила заняться делом. Нервно поправила пышный хвост и с сосредоточенным видом стала натирать стекло. Завидно ей. Знала бы ты, девочка, чему завидуешь. И я даже не про отношение ко мне Алекса. Нет... Посмотрев на выставленные передо мной кольца, я взяла одно – с кружевом из белого металла и несколькими мелкими бриллиантами. Надела на средний палец левой руки и показала Алексу.

– И как тебе?

Он почесал подбородок. Снял кольцо, покрутил в руках и надел снова.

– Думаю, фак в твоём исполнении будет смотреться незабываемо.

Фыркнув, я привалилась к витрине. Алекс же приподнял мою ладонку и, одним движением оторвав от кольца ярлычок, бросил его поверх надраенного стекла. Сделал тоже самое с ярлыками на браслетах. Вскинув голову, я прищурилась.

– И что всё это значит?

– Надеюсь, ты не думала, что я вначале на тебя это надену,

а потом примусь снимать?

Я снова фыркнула. Взяла ещё одно колечко и надела его на мизинец.

– Раз бриллиантов много не бывает... – пожала я плечами на вопросительный взгляд Алекса.

Он качнул головой. Запер витрину и, взяв меня за руку, повёл к двери в подсобку. Я попыталась высвободиться, но он сжал крепче. Не больно, но так, что стало понятно – можно и не пытаться. Пришлось смириться. Открыв дверь, он рыкнул на вскинувшую голову блондинку:

– Иди в зал!

– Я почти за... – начала было она, но Алекс так глянул на неё, что она предпочла не спорить. Глаза у неё были большие, серые, ресницы длинные. Выглядел Алекс так, что на её месте перечить ему я бы тоже не стала. Вот и девица, не сказав больше ни слова, поспешила убраться от греха подальше. Стоило ей выйти, Алекс перехватил дверь и рывкнул:

– Если кто-то сюда сунется, голову оторву.

Захлопнув дверь, он обернулся ко мне.

Я прошла вглубь комнаты и, остановившись возле разложенных на чёрном бархате серёг, посмотрела на Алекса.

– По-моему, ты её напугал.

Он приблизился ко мне и без особого интереса окинул взглядом украшения. Положил ладони мне на плечи и стал мягко массировать.

– Не люблю пугливых.

Взяв одну пару, я положила её себе на ладонь и слегка выгнула пальцы, чтобы свет заиграл на камнях. Вздохнула и вернула серьги на место. Большие пальцы Алекса через ткань обрисовали мои лопатки, я ощутила, как он подошёл ближе, практически вплотную. Слегка потянув за волосы, он заставил меня склонить голову и прошёлся языком по шее – от самого ворота рубашки до уха. Шумно втянул воздух носом.

– Я соскучился по твоему запаху.

Поддев мочку носом, он выдохнул, и я услышала что-то схожее то ли со звериным рыком, то ли с урчанием. Горячие ладони соскользнули с моих плеч к пуговицам рубашки. Первая... вторая... Расстегнув до конца, он развернул меня к себе лицом. Приподнял голову за подбородок, посмотрел в глаза, а потом, отпустив, коснулся ключиц.

– Чего-то тут не хватает, – сдавленно проговорил он, не отводя взгляда.

Зрачки его расширились, радужка напоминала пронзённое разрядами серебристых молний грозное небо. По рукам вновь побежали мурашки. Столько раз на меня смотрели мужчины. Столько раз... По-всякому: с похотью, с высокомерием, с предвкушением, но чтобы так... Этот взгляд пугал меня, потому что я падала в это небо, меня затягивало бушующей в его глазах бурей, и сопротивляться становилось всё труднее и труднее. Он ломал любые мои попытки. Не убежать, не спрятаться. Разве что он сам разрешит, вот

только я не сомневалась – этого мне не дожидаться.

Убрав руку, он отошёл к витрине, находящейся в дальнем углу комнаты. Рубашка моя так и осталась распахнутой, груди касался охлаждённый кондиционером воздух. И что это значит? Что он опять придумал?

Сжав пальцами полы, заметила, как Алекс набирает на панели код. Не отличающаяся особым любопытством, всё же не сдержалась и подошла к нему. Под стеклом лежали роскошные гарнитуры... Настолько роскошные, что я даже не нашлась, что сказать. Никогда подобного не видела. Огранка камней, обработка драгоценного металла... Даже надетое на мне кольцо с бриллиантами на фоне этого великолепия выглядело просто.

Взяв комплект серёжек с жёлтыми бриллиантами, Алекс поднёс его к моему лицу и, нахмурившись, положил обратно. Прodelал то же самое с другим – из розового золота. Я стояла молча и смотрела на него. Что он вытворяет?! Я, конечно, понимаю, что для мужчины, в ванной у которого переливаются бриллианты, любая прихоть – всего лишь прихоть, но всё же.

– Что ты делаешь, Алекс? – тихо спросила я, когда он продел мне в мочку длинную серёжку с окружённым чёрными бриллиантами изумрудом.

Он приложил палец к моим губам.

– Тс-с-с. – Прodelал вторую и, взяв браслет от того же комплекта, добавил к тем, что надел в зале. Я чувствовала, как

меня пробирает внутренняя дрожь, и сама не могла понять причину этого. Он ведь решил поразвлечься, в очередной раз показать мне своё всевластие, да и только. Вот только пальцы его, словно невзначай, касались моей кожи, и это волновало меня. Его взгляд, его прикосновения... На грудь мою легло прохладное кольцо. Изумруды, чёрные бриллианты и всё то же белое золото... Я почувствовала прикосновение металла и контрастом – губы Алекса во впадинке между плечом и шеей.

– Вот так лучше, – удовлетворённо кивнул он, отстранившись, и уголок его рта дёрнулся.

Я провела ладонью по шее, по колье. Потрогала длинные, невероятно тонкой работы серьги и поджала губы. Не знала, что сказать ему, не знала, что делать. Меня пугало, что я начинаю думать о чём-то, пугала реакция собственного тела, пугала моя незащищённость перед ним. Похоже, он слегка заигрался, но у него это право, в отличие от меня, есть. Я же...

Вернувшись обратно к витрине с серьгами, я уставилась на уголок чёрной бархатной подстилки. Рядом, на точно такой же, лежали обручальные кольца. Посмотрев на них лишь мельком, я отвернулась и услышала за спиной шаги. Подойдя, Алекс положил ладони мне на талию и тут же переместил их на живот. Развернул меня и, подхватив, усадил прямо на витрину – между бархатных подстилок. От неожиданности я оперлась рукой и, наткнувшись на кольца, отдёрнула её.

Алекс тихонько засмеялся. Колени мои упирались ему в живот, и я буквально почувствовала этот его тихий гортанный смех.

– Ты с ума сошёл? – спросила я, когда он принялся стягивать с меня легинсы. Попыталась остановить, накрыв ладонью руку, но он только глянул на меня своим тёмным, со вспышками серебряных молний взглядом.

– Сошёл, – отозвался он, скатав легинсы до колен. – Ещё как сошёл...

Я надрывисто выдохнула. Ощутила прикосновение рук к голым бёдрам и, забывшись, вновь оперлась о витрину. Проклятые кольца... Наши взгляды встретились, и у меня едва не закружилась голова. Пряный, пьянящий взгляд проникал в самое моё нутро, возвращая к жизни ту меня, что когда-то умерла, ещё даже не начав жить. Вот только пробуждение это не сулило мне ничего хорошего.

– Алекс, не надо... – взмолилась я, когда он, стащил рубашку с моих плеч до локтей и принялся целовать шею. Я чувствовала его дыхание, мягкие покусывания, влажный язык, и меня захлёстывало паникой. Легинсы мои опустились едва ли не до щиколоток, пальцы его устремились вслед – по моим ногам, по икрам, и я зашептала ещё отчаяннее: – Я не хочу чувствовать... Алекс, пожалуйста...

– Почему? – посмотрев на меня, спросил он.

– Потому что... – дрожащим голосом выдавила я, – потому что ничего хорошего не будет. И когда ты наиграешься...

– А если я не наиграюсь? – разведя мои ноги, Алекс встал между ними и упёрся ладонями по обе стороны от бёдер. – Честно тебе скажу, Стэлла, меня ни одна женщина не заводила так, как ты. Что-то есть в тебе такое...

– И что же? – стараясь не отклоняться от него, поинтересовалась я.

– Да чёрт знает, – сквозь зубы процедил он так, будто бы выругался, и обхватил мою грудь. Губы его прошлись по моей скуле, по подбородку, и впечатались в рот. Одна ладонь переместилась на затылок.

Жадно целуя, Алекс сгрёб мои волосы, разжал кулак и пропустил пряди между пальцами. В груди его опять возникло нечто напоминающее урчание, язык ворвался в мой рот. Закрыв глаза, я чуть откинула голову назад и сильнее ощутила нажим пальцев. Алекс склонился ко мне и принялся целовать так голодно, что у меня перехватило дыхание. На нём всё ещё были джинсы, но это не мешало мне чувствовать его возбуждение и нетерпение. Не понимая, что делаю, я потянулась к нему и тронула щёку, провела по щетине.

– Колючий, – выдохнула я, когда он на пару секунд прервал поцелуй.

Он снова подхватил мою нижнюю губу. Втянул в рот и провёл языком. Сделал шаг назад и, глядя на меня, принялся растёгивать ремень на джинсах.

Я ощутила странное покалывание в пальцах и нервно жала первое, что попало под руку. Чёрный бархат... Несколько

ко колец со звоном упали на пол, и я устала на них, не зная, что делать дальше. Алекс пнул одно, что было к нему ближе всего, мыском ботинка и, оказавшись рядом, буквально впечатал меня в себя. Его руки были везде: на моей пояснице, на спине, на плечах. Он шарил по моей спине, задирая рубашку, потом принимался гладить ноги и снова возвращался к спине. Сгребал волосы, отпускал и гладил плечи. И всё это время не переставал жадно целовать меня.

– Как же тут неудобно, – просипел он сквозь поцелуи, подтягивая меня ближе к краю витрины.

Поначалу я не сообразила, что он имеет в виду. Кольца... и серьги? Да... это же какая-то там эксклюзивная коллекция. Должно быть, они целое состояние стоят...

– Чёрт! – ругнулся Алекс, и тут до меня дошло, о чём он. Витрина была выше обычного стола и доходила ему примерно до поясницы. Так что...

Не выдержав, я откинула голову и засмеялась. Но ситуация забавной Алексу, похоже, не казалось, ибо на лице его так и было написано раздражение. Я хмыкнула и приподняла бровь. Думать долго он не стал – сдёрнул меня со стекла, но не успели ноги мои коснуться пола, подхватил под ягодицами и приподнял. Мне стоило оставаться безучастной... Стоило, вот только в голове, как и тогда, в душе, замелькали безрассудные мысли. А что, если... Быть его игрушкой несомненно лучше, чем, каждый раз засыпая в новом пристанище, надеяться, что ночь пройдёт спокойно. Вопрос лишь в

том, в какие игры он будет со мной играть? Потому что... Потому что несмотря ни на что, к повторению того, что было перед его отъездом, я не готова.

Обняв за шею, я обвила Алекса ногами и тут же ощутила толчок. Тихо выдохнула и услышала собственный стон. Господи...

– Да ты у меня даже влажненькая, – усмехнулся он, лаская меня за ухом языком. – Мне нравится.

А мне... Мне это совсем не нравилось! Потому что я и в самом деле была немного влажной, и от этого даже самое первое его проникновение породило во мне странные ощущения. Лёгкая боль, сплетённая с ноющим желанием продолжить начатое. Облизнув губы, я оперлась одной ладонью о витрину, и тут же почувствовала, как бархат заскользил куда-то вниз. Звон...

– Чёртовы кольца! – процедил Алекс, ни на секунду не останавливаясь. Перехватил меня и вошёл ещё глубже. Я опять не сумела сдержать стон. Цепляясь за его плечо, отклонилась назад, и он, воспользовавшись этим, припал губами к моему соску. Тепло внизу живота стало сильнее. Оно как будто закручивалось в спираль – прежде совсем тоненькую, а сейчас более отчётливую, сжималось пружиной и посылало импульсы выше – к груди, бёдрам. Паника смешивалась со страхом и непривычным для меня удовольствием. Мне хотелось дотронуться до Алекса, дотронуться до себя, а его ритмичные толчки...

– Боюсь, я слишком сильно тебя хочу, – рыкнул он и, удерживая меня одной рукой, схватил за волосы. Заставил откинуть голову и занялся шеей. И снова звон...

– Кажется, это серёжки... – простонала я, чувствуя, как он ведёт языком по пульсирующей вене. Обвила его бёдра ещё крепче и подалась навстречу.

Боль отступила практически сразу, осталось лишь тепло. Щекотное тепло, название которого я, конечно же, прекрасно знала. Желание. Слабое, пугливое, непривычное и противоестественное желание. Я хотела Алекса... Чёрт подери, моё тело хотело этого сукина сына, и доводы разума не имели никакого смысла! За эти три недели он столько раз унизил меня, выпачкал в грязи, вывернул остатки моей души и выпотрошил жалкие руины моего мирка, а я...

Подцепив колье зубами, он сдвинул его в сторону и толкнулся в меня ещё пару раз.

– Хочу видеть тебя, – не переставая двигаться, сказал он так, что я поняла – не желание – приказ. Разжала пальцы и откинулась на холодное стекло.

Тело моё было разгорячённым, и контраст заставил меня выгнуться. Открыла глаза и поймала взгляд Алекса. Пламя... Костёр на фоне готового вот-вот разверзнуться ураганом неба. И снова мне захотелось спрятаться, но я не могла. Спрятаться? Я даже глаз отвести не могла – так и горела в этой серебристой мгле. А он крепко держал меня за бёдра и толчок за толчком доказывал, что я – его игрушка. И он

будет играть со мной до тех пор, пока ему это не надоест. Только вот что будет после?

– Волчонок... – зарычал он, упираясь влажным лбом мне в плечо.

Я чувствовала его пульсацию внутри себя, чувствовала бугрящиеся под пальцами мышцы и легко гладила его сильные плечи. Выдохнула. Как же мне было плохо. Плохо и чуточку хорошо. Могло бы быть и наоборот, если бы не полнейшее понимание, чем грозит всё это моему переломанному сознанию.

– Может быть, ты меня отпустишь? – спросила я. Голос мой звучал странно, и я потихоньку кашлянула, чтобы избавиться от ставшей куда более заметной хрипотцы.

– Не поверишь, но последнюю неделю я только и думал о том, как трахну тебя, – признался он, опуская меня на пол. Обнял и прижал к себе – практически голую, тогда как сам он только джинсы спустил.

Под ногой у меня что-то хрустнуло, и я тут же приподняла её. Колечко...

Глянув вниз, Алекс пнул его в сторону.

– Дел дохрена, а в башке...

– Мог бы вызвать шлюху, – бросила я, неуклюже натягивая легинсы. Одеваться под его взглядом было как-то... Так и казалось, что я делаю что-то не то.

Наконец Алекс осмотрел устроенный беспорядок. Кольца, рассыпанные по всей комнате, бархатная подстилка с остат-

ками ещё не последовавших за ними серёжек, готовая вот-вот соскользнуть вниз. Только его это, казалось, ничуть не заботит. Отвернувшись, он принялся застёгивать ремень. Я взялась за пуговицы рубашки, с удивлением отмечая, что все они остались на месте, а когда снова посмотрела на Алекса, он стоял уже лицом ко мне.

– А ты думаешь, я не вызвал? – уголок его рта дрогнул в невесёлой усмешке.

Я фыркнула. Разве стоило ожидать другого? Безусловно, случается, что некоторые игрушки нравятся больше других, однако, что мешает время от времени менять их на нечто новое?

– Видишь, нашёл же выход из ситуации, – застегнув предпоследнюю пуговичку, я пожала плечами, но Алекс снова ухмыльнулся.

– Тебя-то хотеть я меньше не стал.

– Вызвал бы ещё одну.

– Нахрена мне суррогат? – Он протянул руку и погладил меня по щеке. – Ненавижу фальшивки. Запомни, крошка, я беру только лучшее. Всегда.

– Всё нормально? – поинтересовалась шатенка, едва мы снова вышли в зал.

Только сейчас я заметила прикреплённый к её платью бейджик. София. Соня, значит. Блондинка стояла у пока ещё пустой витрины. И пыталась делать вид, что серьги в моих

ушах её вовсе не интересуют.

– Да, – сухо ответил Алекс. – Соберите всё с пола. Кольца рассыпались.

Сказал он это с таким сдержанным видом, что я едва не хмыкнула. Выглядел Алекс как всегда великолепно. И не скажешь, что пять минут назад стоял с расстёгнутой шириной. Что до меня... Расчёски с собой у меня не было, так что волосы я просто пригладила пальцами. Губы припухли, а на шее наверняка остался засос. В общем... Да, девчата, отрабатываю подарки, разве не понятно? Губы мои всё-таки искривила усмешка, когда Соня, одарив меня быстрым и немного растерянным взглядом, переспросила:

– Рассыпались?

– Разве я не понятно сказал? – Алекс посмотрел прямо ей в лицо, и она тут же ответила:

– Да, конечно.

– Вот и хорошо. – Он ещё раз осмотрел зал. – Добавьте освещения на эту витрину, – указал он на квадратный короб высотой метра два с выставленными в нём комплектами. Не столь роскошными, как на мне, но тоже изысканными и невероятно красивыми. Не найдя, к чему ещё придраться, Алекс направился к выходу, но в дверях остановился. – Да... Вот ещё что. Мне не нравятся витрины в подсобном помещении. Некоторые из них нужно заменить. В ближайшее время я отдам нужные распоряжения.

– Так они же вам нравились, – неуверенно пробормотала

Маша. – Вы же сами...

– Я сказал, что витрины нужно заменить, Мария, – прервал он её блеянье. – Дизайнер подготовит эскиз. Я оповещу вас, когда заказ будет выполнен.

Дойдя до машины, я остановилась возле дверцы и стала дожидаться Алекса. Думала, что он прикажет мне сесть между ним и охранником, однако вместо этого Алекс расположился на сиденье первым и только потом хлопнул ладонью рядом с собой. Стоило мне устроиться, сотрудник службы безопасности захлопнул дверь и, обойдя внедорожник, расположился с противоположной от Алекса стороны.

– Решил зажать меня в углу? – невесело спросила я, когда машина тронулась. На душе у меня было беспокойно. Теперь, когда рассудок абсолютно прояснился, страх усилился. Я стала слишком уязвимой. Слишком. И, что самое ужасное, это далеко не предел.

– Мне показалось, что так тебе будет комфортнее, – отрезал он.

Невидящим взглядом я уставилась в окно. Конечно же, он всё замечает. Всё замечает, чёрт его возьми, и всё понимает! С человеком, подобным ему, иначе и быть не может! А если не замечает... Не-е-ет. Скотина! Какая же он скотина! Мерзавец...

– И где я, по-твоему, буду носить всё это? – чтобы как-то разогнать собственные мрачные мысли, усмехнулась я, при-

подняв руку. – У тебя в спальне?

– Хм... – Мне нравится, – поймав мою кисть, он погладил большим пальцем косточку на запястье. – Я знал, что ты девочка с фантазией. Видишь... не ошибся. Как насчёт пояска с бирюзой? Хотя, нет... Агаты на тебе будут смотреться лучше.

– Как-то дешёво, тебе не кажется? – язвительно проговорила я. – Да и потом... Если уж речь зашла про поясок, то лучше уж с металлическими шипами. Как на ошейниках у твоих адских тварей. Думаю, ты получишь... очень острые ощущения.

Палец Алекса на миг замер, а после снова заскользил по моему запястью. Перевернув руку ладонью вверх, он погладил просвечивающиеся через кожу вены. Глаза его подозрительно поблёскивали, а в зрачках снова сгущалась темнота. Я цокнула языком.

– Металлические шипы и агаты, как тебе?

– Отвратительно! – Я выдернула руку. – Господи, Алекс... Ты просто отвратительный!

Глава 14

Алекс

Остановившись у крыльца, я смотрел, как Стэлла поднимается по ступенькам. Все украшения она сняла ещё в машине, оставила только кольцо на среднем пальце, и теперь, стояло солнечному лучу попасть на её руку, бриллианты начинали переливаться гранями. Короткая стрижка, слегка припаленная рубашка, легинсы... На миг мне стало смешно, и я, привалившись плечом к колонне, невесело усмехнулся, ибо при всём этом женственности в ней было куда больше, чем в ком бы то ни было. Пальцы её коснулись дверной ручки, но прежде, чем она вошла внутрь, я остановил её:

– Спускайся обратно.

– Зачем? – с недовольством обернулась она ко мне.

С языка едва не слетела угроза, но что-то остановило меня. То ли её явный протест, скрытый в простом вопросе, то ли недовольная мордочка. Помнится, когда-то я сказал Вандору, что у неё на этой самой мордочке написано – сучка. Что же, в точку попал.

– Прогуляемся, – хмыкнул я.

Стэлла поджала губы, поколебалась, видимо решая, стоит ли сдать сразу или сперва продемонстрировать мне характер, и всё же начала спускаться. Если изначально я мог разглядывать её подтянутые икры, прикрытую рубашкой попку

и расправленные плечи, теперь взгляду моему открылся вид спереди, и был он не менее впечатляющим.

– И куда же мы пойдём? – осведомилась она, остановившись на расстоянии метра.

Я поманил её пальцем, и она тут же поджала губы. Но спорить не стала и подошла. Что творю, я не имел ни малейшего понятия. Провёл пальцами по её скуле и, взяв за подбородок, приподнял голову. Снова это болото...

– Просто пройдемся, – отпустив, проговорил и указал на ведущую в дальний угол участка дорожку.

Девчонка недоверчиво сощурилась. Сделала несколько шагов. До слуха моего донеслось шуршание подошв её балеток о камешки. Солнце играло на её волосах цвета горького шоколада, касалось лучами лица, отражалось в коричневых крапинках глаз, делая их похожими на тёмный янтарь.

– Я тебя не понимаю, Алекс, – заговорила она негромко. Едва различимые хриплые нотки в мягком, мелодичном голосе...

Она думает, я сам что-то понимаю? Две недели ходил, злой как чёрт, и срывался на каждом, кто допускал хоть какую-то оплошность. Днём херачил, как проклятый: открытие нового магазина VIP класса в Санкт-Петербурге, долгий перелёт, запуск очередной алмазодобывающей шахты, смена оборудования на заводе, а ночью, ложась в постель, понимал – хочу чувствовать под боком тепло женского тела. Всю жизнь спокойно засыпал один, а тут как башню снесло – хо-

чу и точка. Вызвал дорогую шлюху, трахал так, что та глаза закатывала и горланила на все лады, а у самого в башке – «не то». Всё не то! И задница слишком мягкая, и грудь большая, и волосы длинные, светлые... Всё, как мне нравится и всё, чёрт подери, не то! Выгнал её, сунув в едва натянутые трусы причитающееся, а следующей ночью заказал другую – маленькую шатенку с зелёными глазами. И снова не то. Не та!

– Мне и не нужно, чтобы ты меня понимала. – Я шлёпнул Стэллу по задку, вынуждая пойти вперёд. Смотрел на её затылок, на хрупкую шею, на плечи и чуть заметно угадывающиеся очертания лопаток под рубашкой, а внутри разливалось удовлетворение. Наконец то что нужно, то, чего я хотел все эти две недели. Та, что я хотел. И, что самое главное, меня устраивало уже одно то, что я могу протянуть руку и дотронуться до неё. Вот это-то меня и настораживало. Одно дело просто хотеть какую-то низкосортную девку из питомника и совсем другое – кайфовать от того, что она идёт рядом.

– А что тебе вообще нужно, Алекс? – Замедлив шаг, она повернулась ко мне в пол-оборота. – Послушание, подчинение, бриллианты на зеркалах...

И вот по этому я соскучился? Серьёзно?! Слова её отозвались во мне вспышкой гнева, однако я быстро взял себя в руки и спокойно ответил:

– Думаешь, ты всё обо мне знаешь, девочка?

Взгляд её стал более пристальным. Солнце, скользнув по лицу лучом, скрылось за облаком, и янтарь, вспыхнув, потух.

Губы тронула чуть заметная усмешка.

– Нет, я так не думаю, – качнув головой, сказала она негромко и снова пошла вперёд.

Я бы мог много чего ей рассказать и даже хотел сделать это, однако вовремя остановил себя. Не хватало ещё оправданий. Перед кем, спрашивается?! Перед девицей, жизнь которой стоит ровно столько, сколько за неё готовы заплатить?! У каждой вещи в этом мире есть своё место, и у неё – тоже. Не стоит об этом забывать! Не стоит, блядь, забывать об этом!

Заметив показавшийся в конце дорожки вольер, Стэлла резанула меня взглядом, но ничего не сказала. Я тоже промолчал. Собаки, почувствовав наше приближение, заметались у сетки, поскуливая и размахивая из стороны в сторону купированными хвостами. Отличные псы! Сильные, с качественной родословной, верные и хорошо понимающие команды. Подойдя, я глянул на девчонку, и она перевела взгляд с собак на меня.

– Зачем ты меня сюда привёл? – напряжённо и сдержанно спросила она. Во взгляде её так и читалось недовольство. Я поймал себя на мысли, что мне нравится даже этот её взгляд. Сжатые губы, точёные скулы, тёмные ресницы... Хрупкая и маленькая, она тем не менее буквально источала непокорность. Характер. Вот что отличало её от подобных ей – своеобразие и твёрдый, негиббаемый характер. Такую прикончить проще, чем сломать. Согнуть – возможно, а вот сломать...

– Пойдём, – взяв за руку, повёл Стэллу к дверце. Шла она с явной неохотой, а когда я начал отпирать замок, вовсе отдёргнула ладонь.

– Это без меня, Алекс. – отошла на шаг. – Эти твари меня уже один раз чуть не сожрали, думаешь...

– Спасибо скажи, что не сожрали, – резко прервал я её тираду. Зелёные глаза с коричневыми крапинками гневно блеснули, ноздри раздулись, но прежде, чем она успела снова открыть рот, я добавил: – Псы обучены охранять территорию. Это их работа.

– Отличная работа, – огрызнулась она и, зло глянув на меня, перевела взгляд на собак, после чего произнесла задумчиво: – Говорят, животные на своих хозяев похожи...

Мне оставалось только хмыкнуть. Вот сучка. И досталась же мне из всех возможных именно эта! Смерив девчонку взглядом, я приоткрыл дверь и, скомандовав доbermanам:

– Место! – обратился к стоящей поодаль Стэлле: – Проходи.

– Я же сказала! – процедила она, едва ли не скалясь.

– Я тоже, – приоткрыл дверь шире и посмотрел так, что она стиснула зубы. Поняла – не подчинится, за шкуру возьму, затолкаю внутрь, да там и оставляю. Подошла ко мне, ещё раз зыркнула своими потемневшими глазищами и, остановившись, язвительно поинтересовалась:

– И что дальше, господин-повелитель?

Не сводя с неё глаз, я приподнял рубашку и продемон-

стрировал кобуру с пистолетом. Стэлла презрительно усмехнулась и без всяких вопросов зашла внутрь вольера. Доберманы принялись и бросились ко мне, но я, едва потрепав одного по макушке, положил руку Стэлле на плечо. Склонился к её маленькому ушку и тихо проговорил:

– Без моей команды убивать они не станут. Могут только остановить. – Потёрся о её волосы щекой. – Но если что-то пойдёт не так... Поверь, я пущу пулю прежде, чем любой из них успеет оставить на тебе царапину.

Порывисто обернувшись на меня, она прищурилась. Я видел сквозящее в её взгляде недоверие. Оно смешивалось с задумчивостью и терялось в глубине зрачков – так глубоко, что не достать. Фыркнув, она отвернулась. Похоже, мои слова не вызвали у неё ничего, кроме пренебрежения, и я вновь ощутил раздражение. Хотел развернуть девчонку к себе и вытрясти из неё, что её не устраивает, но в ладонь мне ткнулся мокрый холодный нос. Глянув вниз, я увидел одного из псов. Здоровенный, поджарый, он подошёл так близко, что бок его соприкоснулся с моей ногой, и подставил под ладонь голову. Паршивец...

Почесал добермана, потрепал по холке и потихоньку похлопал. Стэлла наблюдала за мной. Поймав её взгляд, я показал на ближайшего к ней:

– Погладь его. Не бойся, не тронет он тебя.

Она посмотрела на собаку. Та, словно бы поняв мои слова, завиляла хвостом. Я видел, что девчонка колеблется. Желает

ние коснуться добермана боролось в ней с опаской. Рука её дрогнула. Приподняв, она осторожно коснулась головы пса, и тот, почувствовав ласку, присел возле неё, да так, что едва не приземлился задом на её ногу.

Войдя во вкус, Стэлла осмелела и почесала его за ухом. Провела ниже, к спине и, снова посмотрев на меня, криво усмехнулась:

– Если твои псы похожи на тебя... – усмешка её наполнилась сарказмом. – Даже не знаю, Алекс...

– Хочешь проверить? – Я тоже усмехнулся.

Девчонка приподняла бровь и неопределённо пожала плечиком. Опустила взгляд на собаку и вновь почесала за ухом. Я думал, она что-нибудь скажет, и уже приготовился к пикировке, но Стэлла так и не ответила. Погладила второго добермана, вздохнула и только после проговорила без каких-либо эмоций:

– Нет, – ладонь её в последний раз прошла по шерсти пса. – Уверена, что ты найдёшь для этого более достойную претендентку.

Не сказав больше ни слова, девчонка вышла за пределы вольера. Моего разрешения она спросить даже не подумала. Отошла на несколько метров и остановилась, глядя куда-то вдаль. Я же, продолжая почёсывать одну из собак, смотрел на неё. Ошибаешься, девочка. Меня ты можешь за ухом чесать сколько угодно, ни к твоим, ни к чьим либо ногам я не присяду. Уж сколько вас таких было...

Лучи заходящего солнца выхватили её фигурку золотистым светом, опять заиграли на коротких волосах. Да, много всяких было... И моделей, и светских львиц... Я представил, как бы смотрелось на ней вечернее платье. Длинное вечернее платье, и она на фоне моего дома, выкрашенного закатом в пурпурно-розовые тона. Шум фонтана, каменные лавочки... Встретясь мы при других обстоятельствах, я бы мог серьёзно ею заинтересоваться даже несмотря на то, что она совершенно не в моём вкусе.

Повернувшись, Стэлла подняла голову и издали посмотрела прямо мне в глаза. Несколько секунд простояла так и медленно пошла прочь.

Чертыхнувшись, я небрежно потрепал пса по холке и вышел из вольера. Запер замок и быстро направился следом. Вот же сучка! И как только она это делает?!

– Может быть, обойдём дом? – спросила Стэлла, когда мы шли по боковой дорожке вдоль сада.

До этого момента ни она, ни я не проронили ни слова, и тем чувственнее показался мне её негромкий голос. Я посмотрел на неё и уже было хотел ответить, как она пояснила:

– Там беседка такая красивая...

Заговорил я не сразу. Ещё около минуты мы шли молча в то время, пока я раздумывал над услышанным. И правда красивая... Каменная, с маленьким вмонтированным прямо в стену питьевым фонтанчиком и удобными сиденьями. Вот

только...

– Мы, конечно, можем обойти дом, – заговорил я, взглянув на Стэллу. – Только беседки там давно нет.

– Нет? – Она замедлила шаг и подняла на меня оттенённый недоумением взгляд. – А куда она делась?

– Стэлла. – Я пристально посмотрел ей в глаза, – беседка действительно была. Но давно. Когда я только купил этот дом.

– Когда... – Она замолчала, так и не договорив. Потёрла ладонью лоб. Выглядела она слегка ошеломлённой и растерянной. – Была... – повторила она, не особо отдавая себе в этом отчёта.

Взяв за локоть, я повёл её дальше. Вскоре мы вышли на маленькую, окружённую деревьями лужайку, в центре которой так же, как перед домом, стоял фонтан, и я подвёл её к скамейке.

– Ты что-нибудь помнишь о своих родителях? – спросил я, но в ответ она лишь отрицательно покачала головой. – А как оказалась на улице?

– Нет, – глухо ответила Стэлла. – Меня как будто не было раньше. Я много раз пыталась вспомнить, но... – снова качнула головой.

– А имя? – Поддавшись порыву, я накрыл её лежащую на бедре ладонь своей и потихоньку сжал. – Откуда оно у тебя?

– Не знаю... Оно всегда было. Я просто... просто помню это. И ещё крик женский помню. – Нервно выдохнув, Стэлла

облизала губы. – Как там, в домике. Женщина... она хотела, чтобы я убежала. Убежала и спряталась. А потом хлопки... выстрелы.

– А что-нибудь ещё помнишь?

– Ещё... – тихо вздохнув, она поставила на край лавки одну ногу и обхватила коленку свободной рукой. – Нет. Больше ничего. Ничего... – повторила очень тихо.

Стэлла замолчала, а я ещё сильнее сжал её ставшие холодными пальцы. Спрятал их в своей руке. Она смотрела на фонтан, на образованный водой маленький купол, но взгляд её при этом был направлен в пустоту. Я же рассматривал её профиль, неспешно обдумывая услышанное. Мысли порождали определённые вопросы, ответы на которые я был намерен получить в ближайшее время. Но пока...

Заметив, как Стэлла поёжилась от порыва прохладного вечернего ветерка, я потянул её с лавочки:

– Пора возвращаться в дом, – проговорил, не выпуская её руки.

На меня она даже не посмотрела. Всё такая же задумчивая, пошла рядом и ни разу не обернулась на поляну, где когда-то стояла каменная беседка с устроенным внутри питьевым фонтанчиком. Жаль, что к тому моменту, когда я приобрёл дом, она пришла в столь плачевное состояние, что реставрация потребовала бы слишком много сил. Некогда изящные скульптуры оказались разбитыми, крыша провалилась...

Телефон зазвонил, когда мы уже поднимались по крыльцу. Посмотрев на дисплей, я нахмурился. Внутреннее чутьё моментально отозвалось напряжением, заведомо давая мне понять – ничего хорошего звонок не принесёт. Глянул на время. Вечер, а учитывая разницу часовых поясов...

– Да, – резко ответил я и, придерживая дверь, пропустил девчонку внутрь дома.

Чем дольше я слушал собеседника, тем яснее становилось: дело – дрянь. Обрушение в новой шахте... В новой, блядь, шахте! И ладно бы просто обрушение...

– Сколько? – едва сдерживая смешанную с осознанием произошедшего ярость, выдавил я. – Нет... Нет... Я сам с этим разберусь...

Не прерывая разговора, быстрым шагом направился к кабинету и тут заметил Стэllu. Она стояла у самой стены и не сводила с меня внимательного взгляда. Вглядывалась, словно пыталась понять, что случилось. Махнув в сторону кабинета, я беззвучно приказал:

– Иди туда.

Сам не знаю, какой чёрт дёрнул меня сделать это. Понимание того, что ждёт меня в ближайшие дни, перемешало все мысли. К тому же, хотелось ещё какое-то время подержать её рядом с собой. Может быть... Нет, в ближайшие сорок восемь часов мне точно будет, чем заняться. Не хватало ещё только, чтобы она под ногами болталась.

– Я сам займусь поисками тех, кто в этом виноват, – про-рычал я, сжимая свободную руку в кулак. – Сейчас нужно подготовить всё для выплат компенсаций семьям пострадавших и погибших... Нет... Нет, в два раза больше... Я ска-зал, в два! – рывкнул я. – Учти, это я проверю лично... К то-му же, все расходы по лечению компания возьмет на себя... Да, мать твою! И расходы на похороны тоже... Я хочу, чтобы этим занялись немедленно! Немедленно, я сказал!

Стэлла казалась бледнее обычного, только глаза стали со-всем тёмными. Перепугалась, что что-то случилось с её по-дружкой? Вряд ли... Слишком уж она внимательная и сооб-разительная, чтобы не понять, что ни к Вандору, ни к Мила-не это не относится.

Взглядом указав на лежащую на краю стола ручку, отвёл телефон от лица и негромко проговорил:

– Возьми лист бумаги и запиши кое-что.

Она заколебалась. Пальцы её коснулись левого запястья, губы дрогнули. Да чёрт возьми!

– Быстрее, – процедил я, и она тут же потянулась за руч-кой. Нашла чистый лист и подняла на меня взгляд.

Наблюдая за тем, как она медленно и неловко выводит на бумаге корявые буквы, я мрачнел всё сильнее. Сосредото-ченная, она не успевала за мной, и от этого нервничала, то-гда как сам я чувствовал раздражение. Раздражение и что-то ещё, о чём мне обязательно стоило подумать, только чуть позже. Гнев ли то был, досада, жалость или неприятие. Да,

и в этом мне тоже предстояло разобраться. Что же, времени в самолёте будет достаточно.

– Дай сюда, – удерживая трубку плечом, я забрал у Стэллы ручку и закончил сам.

Она сразу отошла от стола и повернулась ко мне спиной. Я же продолжал слушать краткий отчёт о событиях последних часов и не сводил с неё взгляда. Приподняв руку, она инстинктивно убрала за ухо прядку волос и обхватила запястье. Острые локти, узкие плечи...

– Да... – проговорил я, по-прежнему не сводя взгляда с её спины. – Нет... Сейчас это не самое главное... Да... Я сказал, что на данный момент имеет первостепенное значение, повторять дважды я не люблю, и тебе это хорошо известно... Так выполняй, мать твою! Да!

Стэлла повернулась ровно в тот момент, когда я нажал кнопку отбоя. Снова этот проникающий в самое нутро, внимательный взгляд. Поняла? Может быть, не всё, но что-то поняла однозначно.

– Ты снова уезжаешь? – спросила она, не двигаясь с места.

– Да. – Я пробежался взглядом по исписанному листу и, сложив, убрал его в карман.

– Какие-то проблемы?

– Обрушение на шахте, – признался откровенно. – Пострадали люди.

Во взгляде её появилось сожаление, а может быть, даже сопереживание. Одно было ясно – ей не всё равно. Губы её

приоткрылись, но слов так и не прозвучало – лишь короткий кивок. И снова тонкие пальцы на запястье. Откуда ты, девочка?! Откуда?! И какого чёрта наши с тобой дорожки пересеклись?! Вандор, сукин сын...

Наскоро собрав необходимое, я посмотрел на часы. Проклятое время бежало вперёд со скоростью звука. Оставалось надеяться, что к моменту прибытия в аэропорт самолёт уже будет готов к вылету. Глянув в сторону гаража, я увидел внедорожник и ожидающего меня водителя. Прикинул, какие звонки должен сделать в первую очередь. Организовать для детей погибших и пострадавших отдых в лагере, обеспечить семьи всем необходимым...

Хрен знает, что заставило обернуться. Кинул взгляд на особняк и заметил, как шевелится тюль на первом этаже. Девчонка... Она стояла, придерживая край шторы, и наблюдала за мной. Не знаю, как я различил её, скрытую полумраком комнаты. Но я видел: её пальцы, плечи, бледное лицо и тёмные глаза. И какого дьявола она смотрит?! Чего делается у неё в голове?! А у меня?!

Недолго думая, я почти бегом вернулся к дому. Взбежал по ступеням и, залетев в гостиную, приблизился к ней. Обернувшись, она подняла на меня взгляд, я же сгрёб её волосы и накрыл рот. Жадно. Потому что, кажется, не умел с ней иначе. Потянув назад, заставил её откинуть голову сильнее и впихнул язык. Хотел урвать хотя бы ещё мгновение перед

тем, как окунуться в предстоящее мне месиво из чужого отчаянья, слёз и горечи. Первым делом – разобраться и найти концы, а уж после... После каждый ответит за промашки, повлёкшие гибель людей, день за днём добросовестно выполняющих свою работу.

Прижав девчонку к себе, я терзал её губы, играл с её язычком и чувствовал: мало. Мне её мало! Хотелось втиснуть её в себя, запереть её запах в собственных лёгких, но вместо этого я небрежно толкнул её прочь. Оба мы, тяжело дыша, смотрели друг на друга. Губы её припухли, волосы были растрёпаны. Я только мотнул головой, не зная, что это означает, и, махнув рукой, так же быстро пересёк комнату в обратном направлении. Чувствовал – она смотрит. Чувствовал её взгляд, а внутри всё так и выкручивало желанием продолжить начатое. Продолжить начатое и... К чертям! Всё к чертям! И собственные мысли – тоже.

Стэлла

Внедорожник мигнул фарами и скрылся из вида. Вздыхнув, я отпустила шторы. Потёрла лицо руками и измученно застонала. Собаки, беседка, Алекс с его разговорами, авария на шахте... И теперь ещё этот странный, непонятный поцелуй. Так похожий и одновременно с тем так не похожий на все предыдущие. Я чувствовала, что слишком устала за день, чтобы во всём этом разобраться. Отняла руки от лица и заметила блестящее бриллиантами кольцо на пальце. Ещё

и это... Была бы я героиней известного старого фильма, обязательно сказала бы, что подумаю обо всём завтра. Но героиней я, увы, не была. Киношной – тем более. Да и, помнится, не так хорошо у неё и сложилось...

Уже собираясь отойти от окна, я снова глянула на улицу. Увидела идущего вдоль дома охранника. Он тоже заметил меня и ненадолго остановился. Посмотрел так, что мне мигом захотелось прикрыться. Резко дёрнув штору, я поспешила отойти от окна и направилась в кухню, собираясь взять что-нибудь из фруктов и закрыться в спальне. Взгляд, усмешка... Меня передёрнуло. Даже вспоминать было мерзко. Ненавижу! Ненавижу всё это! Но в голове у меня было слишком много всего, чтобы думать ещё и об этом и подобным ему ублениям.

Открыв холодильник, я достала пару груш и ломтик дыни, но не успела даже отойти к столу, как позади послышались шаги. Тяжёлые, мужские. Неприятное, отвратительное предчувствие прокатилось вдоль всего позвоночника и засело где-то в горле. Обернувшись, я снова поймала на себе взгляд. Похотливый, проникающий под одежду, ощупывающий взгляд... Только принадлежал он не Алексу, ибо стоящий в дверях мужчина не имел ни малейшего сходства с ним. Это был охранник. Тот самый, которого я видела через окно. А рядом с ним... рядом с ним ещё один.

Глава 15

Алекс

По дороге в аэропорт я успел сделать несколько важных звонков. Невозможность лично контролировать происходящее вызывало раздражение, пусть даже я и понимал, что на данный момент ничего толкового сделать всё равно не смогу. Закончив очередной телефонный разговор, сдвинул трубку в кулаке и бессильно зарычал. Не дай Бог выяснится, что при строительстве были допущены ошибки или, хуже того, финансовые махинации с утечкой средств. Взяв лежащую на сиденье папку, я начал просматривать бумаги. Так... Нахмурившись, пролистал ещё раз.

– Проклятье! – выругался сквозь сжатые зубы и приказал водителю: – Разворачивайся. Едем обратно.

– Какие-то проблемы, Александр Викторович? – участливо осведомился тот, мгновенно принявшись выполнять распоряжение.

– Мне нужны ещё кое-какие бумаги, – просматривая документы в третий раз, коротко ответил я.

И надо же было так сглупить. Лишний час потерянного времени... А всё эта девчонка виновата! Из-за неё в голове сплошная каша. Вместо того, чтобы сконцентрироваться на единственно важном в данный момент, я то и дело переключался на неё. Не мог отделаться от возникших мыслей, да

и... Просто не мог не смотреть на неё. Приворожила она меня, что ли?! Не даром же ей так идут чёрные турмалины...

Зайдя в дом, быстрым шагом направился в кабинет. Нужная папка лежала на краю стола, и я выругался в очередной раз. От своих подчинённых я всегда требовал чёткости выполнения указаний и внимательности. А сам... На всякий случай мысленно прокрутил, не забыл ли что ещё. Нет. На этот раз всё на месте. Только... Усмешка, появившаяся на губах, была отнюдь невесёлой. Может быть, всё-таки взять её с собой? Нет. Не сейчас. Возможно, в другой раз, когда повод для поездки выдастся более благоприятный. Но коль уж пришлось вернуться...

В спальне, как и в гостиной, Стэллы не оказалось. Заглянув в кухню, я увидел натирающую плиту Миру и на ходу осведомился:

– Где Стэлла?

От моего взгляда не укрылось, как пальцы Миры стиснули ткань тряпки. Повернувшись ко мне, она ответила на первый взгляд равнодушно:

– Не знаю, Александр Викторович.

Я заметил, что в голосе её промелькнуло недовольство. В глазах тоже было раздражение. Присутствие в доме Стэллы ей, несомненно, не нравилось. Скрыть это она особенно не пыталась, но сдерживалась. Знала – начнёт демонстрировать характер, вылетит отсюда, как пробка из бутылки.

– Вы же уже выехали в аэропорт, – проговорила она. –

Что-то случилось?

– Нет, Мирослава. Всё в порядке, занимайся своим делом.

Не задерживаясь ни на чём конкретно, я глянул на неё ещё раз и вышел в холл. Внутри зародилось какое-то непонятное, тревожное чувство, никак не желающее отступить прочь. Если девчонка опять вздумала что-то учудить...

– Стэлла! – гаркнул я так, что из левого крыла показалась ещё одна горничная.

Молоденькая, похожая на серую мышку, она смотрела на меня большими испуганными глазами и не знала, что ей делать. Через секунду показалась и Мира.

– Что уставились? – процедил я. – У вас работы нет?

Обе как по команде исчезли прочь, я же вышел на улицу. Времени на то, чтобы разыскивать девчонку по всему дому у меня не было. Привычки шататься по комнатам я за ней прежде не наблюдал, но мало ли... За прошедшие две недели она вполне могла облюбовать себе какой-нибудь уютный уголок. Дьявол! Она должна всегда быть у меня под рукой. Всегда! Какого лешего приходится разыскивать её по всему дому?! Сделав глубокий вдох, я заставил себя успокоиться. Нервы гудели от напряжения, мысли перемешались: авария на шахте, беседка в саду, неутраченное тревожное чувство...

Лежащий в кармане телефон настойчиво завибрировал. Взяв трубку, я выслушал отчёт о том, что самолёт готов к вылету, и начал спускаться по ступеням. Посмотрел в сторону

фонтана, но и там Стэллы не было. Да чёрт подери! Раздражение усилилось. Разумом я отдавал себе отчёт в том, что должен немедленно сесть в машину и отправиться в аэропорт, однако понимал я и другое – пока не увижу девчонку, не успокоюсь. Проигнорировав распахнутую дверцу внедорожника, вновь достал мобильный и посмотрел на время.

– Подожди ещё несколько минут, – бросил водителю и, положив папку с документами на заднее сиденье, направился вглубь территории по ведущей к вольеру дорожке.

Найду там – придушу на месте! Не помню, чтобы я разрешил ей свободно бродить по участку. К тому же, натасканные на охрану дома доберманы – не комнатные собачки. Несмотря на отличную дрессировку и устойчивую психику, собака всегда остаётся собакой. Мало ли...

Но ни у вольера, ни внутри него девчонки не оказалось. Завидев меня, псы нетерпеливо заскулили, однако времени на них у меня не было. И где носит эту пигалицу?! Не могла же она...

Внезапно до слуха моего донёсся странный вскрик. Нахмурившись, я стремительно осмотрелся по сторонам – ничего. Тишина, только птичий щебет и ветер чуть слышно шумит в кронах деревьев. Показалось? Учитывая то эмоциональное напряжение, в котором я находился последний час, вполне возможно, вот только внутреннее чутье снова отдавалось тревогой. Нет, надо найти девчонку, иначе вместо того, чтобы думать о делах, я...

Не прошло и нескольких секунд, как до меня донёлся ещё один вскрик – на этот раз острый и короткий. Какого хрена?! Теперь я не сомневался – мне не мерещится. В пару секунд обогнув кусты давно отцветшей сирени, я вышел на дорожку, ведущую напрямиком к домику охраны. Блядь! Если...

Не помню, как преодолел отделяющее меня от дома расстояние. С каждым стремительным шагом волнение, возникшее маленькой зудящей точкой, перерастало в огромный покрытый шипами ком, а ярость, вплеснувшаяся в кровь, закипала раскалённой лавой. Ещё один вскрик – совсем отчаянный, и в ладонь мою легла гладкая ручка пистолета. Дверь оказалась заперта, и я, недолго думая, снёс замок, выпустив в него пару пуль. Комната, ещё одна, гостиная... Что вам, твари, жилось плохо?!

– Да ты смотри, какая... – донеслось до меня с той стороны, где находилась кухня. – Не зря Алекс...

Больше я ничего не слышал и вовсе не потому, что голос заглушил смехок. Нет. Бурлящая лава ярости вырвалась наружу, затопив собой все звуки. Перед глазами возникла красная пелена, в мареве которой я увидел начальника службы безопасности, стоящего ко мне задом со спущенными штанами, другой сжимал тонкие женские запястья... В памяти отчётливо отпечатались маленькие узкие ладони и тонкие пальцы. Изящные руки...

– Ах ты сука! – рыкнул он, когда Стэлла, отчаянно брыкаясь, попыталась высвободиться, и стиснул запястья силь-

нее. – Без глупостей. И попробуй только вякнуть... Думаешь, Алекс тебя послушает? Да у него таких шлюх, как ты... – процедил он, склонившись к Стэлле, а после бросил начальнику: – Давай, что ты медлишь? Всем уже не терпится.

– Отпусти её, – прорычал я, не слыша, как звучит мой голос. Должно быть, сейчас в нём не осталось ничего человеческого.

Широкая ладонь на вьюне, украшающем голое бедро, пустой взгляд в никуда... Обнажённая, она лежала на деревянном столе, а меж её широко разведённых ног стоял начальник службы безопасности. Начальник, блядь, службы безопасности! Услышав мой голос, он резко убрал руку и попытался натянуть штаны, но я и без того видел слишком много. Слишком! Никогда! Никогда ни одна тварь безнаказанно не прикоснётся к тому, что принадлежит мне! Тем более к женщине. К женщине, которая так или иначе принадлежит мне!

Стоило ублюдку повернуться, я без раздумий нажал на курок. Точно по стоящему члену и яйцам. Сука! Захотел взять то, что твоим никогда не было?! Понравилась девочка?! Моя, блядь, девочка?! Думаешь, не знаю, каково это – смотреть на её ножки и попку, думаешь, не знаю, как она заводит?! Но это моя девочка! Моя и ничья больше до тех пор, пока я лично не позволю кому-либо прикоснуться к ней. А я не позволю! Тем более, такой шавке, как ты! Да и вообще никому не позволю, ей подобные игры не по вкусу, и я раз уже имел возможность убедиться в этом.

Мерзко и жалко взвывая, ублюдок схватился за окровавленный пах, на лицах оставшихся отразился ужас.

– Прошу Вас, Александр... – начал было тот охранник, что держал Стэllu за руки.

Спусковой крючок поддался легко, алая кровь брызнула в разные стороны, украшая кляксами пол и стены. Стэлла вскрикнула. Забилась в угол между столешницей и раковиной. Я слышал её тихие всхлипы, но никак не мог заставить себя посмотреть ей в глаза. Два ублюдка с отстреленными яйцами, стискивая превратившиеся в месиво остатки своих жалких членов, корчились на полу, прекрасно зная, что будет дальше. Красная струйка текла в сторону... Я сделал шаг вперёд.

– Следующий, – приказал я, глядя на трёх оставшихся.

Никто из них не двинулся с места. Мрази! И на что они рассчитывали?! Что не узнаю?! Что спущу с рук?! Никому... никому не позволено трогать то, что принадлежит мне. Никому, чёрт подери! И им это хорошо известно.

– Следующий, я сказал! – рявкнул я и разрядил пистолет в того, что стоял ближе всех. Кровь забрызгала кухонные шкафчики, раковину, обеденный стол...

Я услышал приглушенные рыдания, тихие всхлипы Стэллы и зажмурился. Позади раздался тяжёлый топот, в кухню, держа оружие наготове, ворвались ещё трое из сотрудников службы безопасности.

– Уберитесь тут, – приказал я, не глядя ни на кого кон-

кретно. – А этих двух... – должно быть, взгляд мой был зловещим, в точности, как и голос. – Сделайте так, чтобы самим сдохнуть захотелось.

Заметив, что один из вновь прибывших приблизился к Стэлле, я навёл на него дуло пистолета.

– Пошёл прочь! – рявкнул я. – Не прикасайся к ней!

Он тут же поднял руки ладонями вверх, и я увидел, что на плечи Стэллы накинута пиджак. Всклипнув, она прикрыла рот ладонью, охранник же, один из тех, что сопровождал нас сегодня, проговорил, глядя мне в глаза:

– Я хотел вывести её отсюда. Лучше, если она побудет снаружи.

Окинув взглядом кухню, я коротко кивнул. Он был прав. И хотя всё, что видеть ей было не нужно, она уже увидела, находиться здесь дальше ей действительно не стоило. Подобные зрелища не предназначены для таких вот пигалиц. Они вообще ни для кого не предназначены, но...

Стэлла я увидел сразу же. По-прежнему укутанная в огромный мужской пиджак, она сидела на низкой скамье сбоку от дорожки и смотрела себе под ноги. Охранник, что вывел её, находился метрах в пяти и попыток подойти к ней не делал. Подобранный и мрачный, прохаживался туда-сюда по дорожке, однако я понимал – взгляда с неё он не сводит и следит буквально за каждым движением.

– Дальше я сам здесь разберусь, – отрезал я, подойдя чуть

ближе.

Кивнув, он направился к домику. Мало мне было проблем, теперь ещё придётся заняться этим. Для начала необходимо будет найти действительно надёжного человека на место начальника службы безопасности, а после... Впрочем, всё это сейчас меня не волновало. Подойдя к лавочке, я легонько дотронулся до плеча девчонки и тихо позвал:

– Стэлла...

Голову она не подняла, только резко дёрнула плечом и сильнее сжала на груди пиджак. Я видел, как натянулась кожа на костяшках её пальцев, видел кровь, запёкшуюся под сломанными ногтями, видел красные следы и царапины на её руках. Чувствовал, как она дрожит, и понятия не имел, что делать. Скормить тех тварей псам? Разрядить ещё несколько обойм? Но толку от этого?! В памяти возникли её ноги, свисающие со стола, перехваченные крупной мужской ладонью кисти и распластанное тело. Захотелось вернуться и собственными руками разодрать мразей на куски. Нет...

Опустившись на скамью рядом со Стэллой, я попробовал притянуть её к себе, но она ловко вывернулась. Вскинула голову и обожгла меня взглядом. В глазах её стояли слёзы, нижняя губа дрожала, на скуле красовалась свежая ссадина. А взгляд... В нём смешались решимость, ненависть, отчаяние и безнадёжность. Скомкав пальцами край пиджака, она проговорила:

– У тебя же остались пули? – Я не понимал её, но то, как

она говорила, как смотрела на меня, мне совсем не нравилось. Не дождавшись ответа, она продолжила: – Убей меня, Алекс. Сама я не могу, а ты... ты можешь. Сделай это.

– Прекрати, Стэлла! – резко ответил я. Слова её вызвали жгучую, неукротимую волну протеста, гнева и раздражения. – Всё закончилось. Эти ублюд...

– Ничего не закончилось! – вдруг выкрикнула она. Две слезинки, сорвавшись из уголков глаз, потекли по её лицу, губы задрожали сильнее. Зло смахнув слёзы, она яростно зашипела: – Ничего не закончилось, Алекс. И никогда не закончится!

Поднявшись с лавочки, она встала передо мной. Я хотел взять её ладонь, но она отдернула руку и опустилась на колени. Потянулась к моему бедру, и я, не понимая, что она хочет сделать, попробовал перехватить кисть. Она отдернула её прежде, чем я успел коснуться пальцев.

– Пожалуйста, Алекс, – просипела она, глядя мне в глаза. – Я устала. Не хочу больше...

Не успел я опомниться, ладошка её юркнула за полу моего пиджака, а в следующий миг она уже держала в руках ствол. Я даже обомлел. Вложив рукоятку мне в руку, схватила за дуло и, приставив его к своей груди, снова прошептала:

– Пожалуйста... Иначе это...

– Дура! – прорычал я и, едва ли не отбросив пистолет на лавку, рывком поднял её на ноги. Привлёк к себе. – Ещё раз услышу подобное и...

Что «и», я не имел ни малейшего понятия. Да и договорить у меня не вышло, ибо тело Стэллы затряслось, а из груди вырвались надрывистые всхлипы. Крепко прижав к себе, я поглаживал её спину, дрожащие плечи и понимал, что в горле у меня стоит горький ком. Никому не позволю трогать её! Никому! Кто попробует, пристрелю, словно бешеного пса! Эта женщина моя: её гибкое тело, её похожие на болото глаза, мягкий голос с чуть ощутимой хрипотцой... Её непокорность и вызов во взгляде: всё моё и только моё.

Продолжая поглаживать её, я думал о том, что нужно позвонить в аэропорт и предупредить об отмене вылета. После уладить дела с шахтой. Придётся отправить на место аварии нескольких человек и в случае необходимости контролировать всё по видеосвязи. Никогда не позволял себе подобного. Никогда. Но уехать... Я прижимал к себе дрожащее тело Стэллы, слышал её приглушённые рыдания и понимал – нет. Катись оно всё куда подальше! Нет и всё.

Глава 16

Алекс

В дом мы зашли молча. Когда я попытался взять Стэллу на руки, она не далась – вывернулась и пошла к крыльцу. Мне оставалось лишь следовать за ней и стараться держать под контролем собственные эмоции. Хотелось раскурочить что-нибудь к чёртовой матери. Что угодно, что попадётся под руку. Что было бы, если бы я не забыл документы и не вернулся?! Из-за очевидности ответа не удержался и с размаху врезал кулаком по колонне. Сжал зубы от пронзившей руку боли, однако легче не стало. Я вообще не представлял, что должен был сделать, чтобы мне стало легче!

Поднимаясь за Стэллой по лестнице на второй этаж, смотрел на её ноги, на тонкие щиколотки и голые ступни. Звук собственных шагов на фоне её, лёгких и бесшумных, казался мне слишком громким. На плечи словно каменную глыбу положили, груз собственных мыслей придавливал, тянул вниз. Ублюдки! И ни где-нибудь, а в моём собственном доме...

Зайдя в спальню, Стэлла присела на край постели и, поджав ноги, глянула в сторону окна. В стекле размытым пятном отразился её силуэт. Я услышал, как она, рвано выдохнув, шмыгнула носом.

Распахнул шкаф, осмотрел полки, ища что-нибудь подхо-

дядшее, чтобы укутать её, однако на глаза попадались только многочисленные рубашки и пиджаки. Стопка полотенец, футболки... Ожидая, что Стэлла пойдёт в душ, я вытащил что-то из её тряпья и сжал в руках. Тонкая, мягкая ткань, пропитанная её запахом. Закрыл глаза и, стиснув челюсти, сжал сильнее. Только-только начавшая остывать кровь забурлила с новой силой, вены вздулись от напряжения. Хотелось вернуться и... Я и сам не знал, что мне хотелось сделать. Чувствовал себя диким зверем, способным на что угодно. Её запах принадлежит мне, её пальцы принадлежат мне, выюн на её бедре принадлежит мне. И никто не имеет права касаться её. Никто, только я! Только я, блядь! Только я, чёрт побери! Потому что она...

– Знаешь, Алекс... – услышал я приглушённый, сиплый голос Стэллы со стороны постели, – меня никогда не спрашивали, хочу я или нет. Никого это не интересовало.

Медленно обернувшись, я посмотрел на неё. Обхватенное пальцами запястье, отражение силуэта в затянутом сумерками стекле. Почувствовав на себе мой взгляд, она отвернулась от окна и посмотрела на меня. – Ты говоришь, что всё закончилось? На этот раз, может быть. Но только на этот. И сколько таких раз будет ещё... – чуть заметно поморщившись, она качнула головой. – Меня никогда не спрашивали, хочу ли я. Все только брали. Брали, брали, брали... – Руки её сжались в кулаки. На какой-то миг она вскинула голову и затем опустила её. Выдохнула. – Я ни разу не занималась сексом по

своей воле, – добавила совсем тихо, будто слова царапали ей горло. – По-всякому бывало... но чтобы хоть раз меня спросили, хочу ли я – нет.

– Я обещаю тебе, что больше подобного не повторится, – сказал я твёрдо.

Ярость, и без того раздиравшая мне нутро, стала просто бешеной. Я понимал, что должен как-то успокоить Стэллу, помочь ей, а только после давать волю собственным чувствам, но как сделать всё это, не имел понятия. Шагнул к постели, и Стэлла тут же прищурилась. Во взгляде появилась какая-то ненормальная, обречённая усмешка.

– Ты обещаешь? – чуть запрокинув голову, она засмеялась сдавленным, лающим смехом, а после, резко замолчав, снова покачала ею. Опять обхватила запястье.

– Что у тебя с рукой? – не выдержал я.

Стэлла как будто не сразу поняла меня. Глянула с вопросом и только после, на миг сжав пальцы сильнее, разомкнула их.

– Ты спрашивал, что я делала до того, как попала на улицу?

Я понял, что не хочу слышать этого. Просто не готов. Нервы и без того перекрутились, как натянутые тросы, безумное желание крушить всё подряд едва не разрывало вены. Уже догадываясь, к чему она клонит, я сомкнул руки в кулаки так крепко, что ощутил напряжение во всём теле. Только тонкая ткань какой-то девчоночьей тряпки удерживала меня в

относительно здравом рассудке. Каждую тварь убью, блядь! Если хоть кто-то ещё попробует прикоснуться к ней...

– Я помню, что его звали Дик – человека, который подобрал меня. Думаю, это его ненастоящее имя, но другого никто из нас не знал, – заговорила она, не глядя на меня. Сжала губы, словно на несколько секунд возвратилась куда-то далеко назад, в своё собственное прошлое, и грудь её приподнялась на вдохе. – Если честно, поначалу я мало чего понимала. Не знаю, что случилось до этого и сколько дней я провела на улице, но когда Дик привёл меня... – она усмехнулась. – По своей детской наивности я думала, что теперь всё будет хорошо. Но хорошо не стало, Алекс, – тронув запястье, она пронзила меня взглядом. Встала, запахнула раскрывшийся было пиджак и, подойдя к окну, оперлась ладонями о подоконник.

Я сделал ещё несколько шагов к ней. Что, нахрен, за Дик?! Что он сделал с ней?! Я знал, что должен что-то сказать, но горло сдавило. Мысли перемешались, а слова застряли в глотке. Стоило мне дотронуться до плеча Стэллы, она дёрнулась, как и там, на улице, оттолкнулась от подоконника ладонями, отошла от меня и уселась на прежнее место.

– Маленьким детям хорошо подают на улице, Алекс, – вновь заговорила она таким тоном, как будто это её совсем не касалось, как будто разговор вызывал у неё скуку. Только сильные нотки, временами проскальзывающие в голосе, выдавали – ей не всё равно. Хриплые нотки и пальцы, расти-

рающие левое запястье. – А ещё... ещё маленького ребёнка можно быстро научить уму разуму. Достаточно просто продержат его прикованным к железному столбу несколько дней. Если всё это время не давать есть и пить, выходит ещё действенной. И свет... Хотя к темноте можно привыкнуть.

– Ты привыкла? – просипел я.

– Привыкла, – уголок её рта дрогнул. – И не только к темноте.

– Ты не пыталась бежать?

Улыбка её стала более заметной, наполнилась сарказмом, мрак зрачков поглотил болотную радужку. И до меня вдруг дошло – никакой она не волчонок. Красивая молодая волчица, загнанная в круг из красных флажков, но продолжающая грызться за собственную жизнь. Мне хотелось обнять её, запустить пальцы в тёмные растрёпанные волосы и прижать её голову к своему плечу. Вдохнуть её запах и простоять так до тех пор, пока она не поймёт, что сегодняшней день – прошлое, которое никогда не повторится, ибо я этого просто не допущу.

– Пыталась, – ответила она спустя некоторое время. – Трижды. И трижды мне объясняли, что делать этого не стоит. В третий раз особенно усердно, так усердно, что я наконец поняла. До сих пор помню тот подвал с металлическим столбом. – Набрав полные лёгкие воздуха, она судорожно выдохнула. – Мне кажется, никто не ожидал, что я настолько живучая...

– Стэлла. – Я всё же подошёл и присел рядом с ней на постель. Положил ладонь ей на колено. Она лишь равнодушно глянула на мою руку и, отвернувшись, опять заговорила:

– Так прошло примерно четыре года. А потом... Потом из маленькой девочки я начала превращаться в девочку побольше. Начала взрослеть. Вроде и маленькая, а уже не то... Но Дик в накладе не остался. Этот подонок умел использовать свой товар с наибольшей для себя выгодой. Ни начавшие взрослеть мальчики, ни девочки, исключением не были. – Повернувшись, она посмотрела мне в глаза. Прямо, без утайки. – Когда это случилось в первый раз, я пожалела, что не умерла раньше. А потом... потом привыкла и к этому. Человек ведь тварь, Алекс, тварь, которая привыкает ко всему.

Стоило мне понять смысл её слов, комната сжалась, весь воздух резко куда-то подевался, стены накренились. Её голос всё ещё раздавался в ушах, заставляя кровь бить в виски и превращая мысли в отскакивающие от черепной коробки каучуковые мячики. Так они и прыгали внутри моего черепа, отбивая бешеную чечётку и смешивая всё, что ещё было разумного в кашу из осознания, чем была наполнена вся её жизнь. Встав, я взъерошил волосы. Ничего не соображая, пересёк комнату, упёрся в стену и пересёк ещё раз. Скотина! Уничтожу! Уничтожу – единственное, что пульсировало в голове. Во рту пересохло, из нутра так и рвался рык. Стэлла сидела и смотрела на меня. Вроде бы, на меня, но в то же время куда-то мимо, и я понятия не имел, что делать со

всем этим дерьмом! Единственное, на что я был способен в настоящий момент – разрушение. Разнести всё к чёртовой матери, чтобы камня на камне не осталось! Подняв на Стэллу тяжёлый взгляд, я увидел её тёмные, наполненные непроглядной мглой глаза. Пустота, пробирающая до самого нутра, просачивающаяся в сердце, оставляющая на нём ядовитые ожоги...

Буквально пару секунд мы смотрели друг на друга, а после я, не выдержав, метнулся к двери. Моей ярости срочно требовался выход – что угодно, чтобы выплеснуть хотя бы часть. Потому что останься я с ней – неизвестно, чем это могло кончиться. Мне хотелось схватить её за плечи и трясти, требуя ответов, имён, адресов. Трясти до тех пор, пока она, рыдая и всхлипывая, не прижмётся ко мне маленьким озябшим котёнком и не попросит защиты. Вот только я знал – этого не будет. Скорее она исполосует мне руки, чем станет просить о жалости. Гордая дикая кошка, молодая волчица... Кто она, эта девочка с болотной зеленью глаз?! Вопросов было много, и я знал, что получу ответы на каждый из них, но пока...

Выскочив за дверь, я свернул стоявшую на стеклянном столике вазу, и та, покачнувшись, покатила по полу.

– Сука! – рявкнул я и с размаху ударил ногой. Шибанувшись о стену, ваза разлетелась на куски, но удовлетворения не было. Уже на первом этаже я несколько раз с размаху ударил кулаком в стену.

– Блядь! – цедил при каждом ударе. – Блядь! Удавлю! Сука!

Что-то со звоном отлетело в сторону, свернутая тумбочка с открытыми ящиками завалилась на бок, но мне было мало. Поймав своё отражение в зеркале, я пустил в него чем-то тяжёлым, первым попавшимся под руку. Стекло даже трещинами не пошло. Я продолжал смотреть на своё искажённое гневом лицо, и мне хотелось стереть его. В этот момент я самого себя ненавидел с такой силой, что представить не мог, что подобное вообще возможно. Имея кучу денег, кучу возможностей, я, чёрт подери, не мог толком ничего исправить! Потому что это – прошлое. Прошлое, которое осталось в прошлом! Оно прошло! Прошло, блядь! И прошло так, как есть! Но что делать с этой пустотой в её глазах?! С её надломленным голосом, с тонкими пальцами на запястье?!

Зарычав, свернул зеркало на пол. Отражение покачнулось, перевернулось, но стекло так и осталось целым. Удар ботинком... ещё и ещё...

– Александр Викторович...

Тяжело дыша, я поднял взгляд и увидел белую, словно полотно, Миру. Глаза её были распахнуты, руки только что ходуном не ходили.

– Александр Викторович, – снова заговорила она подрагивающим голосом, – что...

– Вон пошла! – гаркнул я. – Сиди у себя и не высовывайся! Кажется, в ответ она что-то пискнула, но мне было всё

равно. Выдернув второй ящик из тумбочки, я нашарил нужный мне ключ и, швырнув всё остальное на пол, прошёл в кухню. Отпер дальнюю из дверей и уже через несколько секунд оказался в гараже. Приведённый в надлежащее состояние байк привычно стоял возле стены. Ещё и проклятая гаражная дверь... Ткнув кнопку на болтающемся рядом с ключом пульте, я схватил шлем, забрался на мотоцикл и с рёвом сорвался с места. Юркнул меж только-только начавших открываться створок и погнал к воротам. Скорость и встречный ветер. Да. Скорость и встречный ветер: вот единственное, что могло мне помочь хоть немного прийти в себя. Дед много раз повторял мне, что значимые дела не решаются сгоряча, я же всегда любил брать быка за рога. Но сейчас... Нет, сейчас я должен привести мозги в порядок и как следует обо всём подумать. А для этого голова мне нужна холодная.

Понятия не имею, как долго я бесцельно гонял Харлей, но когда в голове немного прояснилось, вокруг уже царила ночная мгла. Желание крушить всё, что попадётся на пути, никуда не делось, и я бестолково пнул мотоцикл по колесу.

– В порошок сотру! – прорычал я вслух то, что крутилось всё это время в голове. – Уничтожу!

Мне в самом деле хотелось крови. Достать каждого, когда-либо касавшегося Стэллы, поставить на колени, приставить дуло к затылку и спустить курок. Методично, раз за разом, не испытывая ничего помимо холодного удовлетворе-

ния.

Дик... Имя это я прежде никогда не слышал. Судя по всему, мелкая тварь, сошка, промышляющая мерзкими делишками. Судя по всему, даже не в этом городе, иначе что-то, да промелькнуло бы. Если на те же питомники правительство смотрело сквозь пальцы, к подобным вещам отношение было серьёзным. Либо этот ублюдок имеет хорошую крышу, либо ему просто-напросто везло. Везло до этого самого дня.

Оставив байк у обочины, я снял шлем и прошёлся вдоль пустой дороги. Посмотрел на золотящийся в небе серп луны, на усыпанное звёздами чёрное полотно, и шумно втянул носом прохладный воздух. Всё потом. Потом.

Тряхнув головой, пнул попавшийся под ноги камень, и тот, со стуком миновав асфальт, скатился с насыпи вниз. Что делать?! Если с Диком и окружающими его шестёрками было всё понятно, то что делать с девчонкой, я не знал. Вернуться домой и сделать вид, что ничего не случилось? Что я ничего не слышал? Бред! Бред, бред, бред!!! Она ведь всё это мне не просто так говорила. Слушая её, я буквально каждой клеткой чувствовал, как тяжело ей даются слова.

Проклятье! – размахнувшись, я пнул ещё один камень, а за ним ещё. Подошёл к мотоциклу и, надвинув шлем, запрыгнул на него. Через несколько секунд уже летел вперёд по темнеющей в золотистом свете растущей луны дороге. Сколько бы я сейчас мог отдать за то, чтобы переписать её прошлое?! Много! За каждую страницу прошлого какой-то

девчонки из питомника, я был готов отдать гораздо больше, чем кто-либо способен вообразить себе. Гораздо. Но, блядь, за деньги можно купить не всё. Это я понял давно, ещё будучи пацаном, в тот день, когда погибли мои родители. И вот, спустя двадцать три года, судьба вновь напомнила мне об этом. В тот момент, когда я, было, начал забывать.

Ботинки оставляли на ковре грязные следы, но это было последним, что интересовало меня в данный момент. Вылижут. Толкнув дверь, я ударил по выключателю и зажмурился от залившего комнату света.

Лежащая на кровати девчонка так и подскочила, придерживая одеяло у груди. Впилась в меня взглядом. Да чтоб её! Проклятое болото...

– Нам пора, – рыкнул я, стаскивая с неё одеяло.

Подол доходящей до середины бедра шёлковой сорочки скрывал от меня часть цветов на выюне, украшенный кружевом вырез подчёркивал красоту шеи и ключиц. Я едва не зарычал и, схватив её за руку, потянул с постели.

– Алекс... – Она упёрлась и попыталась вырваться. – Что случилось?!

И она ещё спрашивает, что случилось?! Ты случилась, девчонка! Стащив с постели, я посмотрел на неё сверху вниз. Во рту стоял привкус виски. Вернувшись в дом, я первым делом откупорил бутылку и сделал несколько глотков. Смёл всё со стола и, поставив виски прямо посередине, несколь-

ко минут не сводил с бутылки взгляда. Трясина... трясина с тлеющими углями...

– Возьми, – оглядевшись, я схватил со спинки стула какую-то кофту и сунул ей. – Я же сказал – нам пора.

Прижав кофту к груди, она сглотнула и, не задавая больше дурацких вопросов, пошла следом. Я же... Я сжимал её хрупкое запястье и последними словами проклинал тот день, когда увидел её хорошенький зад. Провались оно всё пропадом! Виски... Больше всего сейчас мне хотелось сделать ещё пару больших глотков виски. Может быть, тогда я всё же смогу посмотреть ей в глаза.

Глава 17

Стэлла

Стоило Алексу открыть передо мной дверцу, я без слов уселась на переднее сиденье внедорожника. Обойдя машину, он сел рядом – за руль, и я снова почувствовала исходящий от него запах крепкого алкоголя. Зажав ладони меж бёдер, смотрела, как открываются ворота гаража. Небо было чистым и звёздным, а желтеющая луна походила на откусанную сырную головку. Кофту я так и не надела, и она лежала у меня на коленях скомканной тряпкой.

Машина тронулась с места, а я так и продолжала смотреть на луну до тех пор, пока она не скрылась от меня. Выдохнула и, забравшись на сиденье с ногами, обхватила колени. Понимая, что должна что-то сказать, попробовать переубедить его, я не могла выговорить ни слова. Внутри было холодно и пусто. Сколько он выпил? Что может сделать? Где он был всё это время?

К горлу подступили слёзы, дышать стало тяжело и даже немного больно. Этого и стоило ожидать. Кому нужна переломанная игрушка? Починить?! Нечего тут уже чинить... Кажется, он это понял. Должно быть, теперь ему и прикасаться-то ко мне будет отвратительно. Сколько я пыталась отмыться от всей той грязи, в коей была вымазана? Сколько?! И что? Ничего... Что меня ждёт? Питомник или новый

хозяин? А может быть, что-то ещё...

Преодолев главные ворота, внедорожник зашуршал шинами по асфальту, и я уставилась в лобовое стекло. Свет фар выхватывал из темени разметку дороги, стволы деревьев и очертания кустарников, а я сидела и смотрела в одну точку, борясь с желанием заплакать от собственного бессилия. Могло ли быть иначе? Нет, и я знала это изначально.

– Алекс... – негромко позвала я, проглотив горький комок и, когда он не откликнулся, положила ладонь ему на бедро.

Может быть, мне всё же удастся переубедить его? Потому что проходить всё заново... Теперь, когда моя броня дала трещину, я не была уверена, что выдержу. Я не должна была доверяться, рассказывать... Не должна! Зачем я это сделала?!

Ладонь моя устремилась вверх, к его паху. Ведь прежде он хотел меня! Сильно хотел, и я всегда чувствовала это. Если он думает, что теперь не должен, или я не смогу... Он не пошевелился и не посмотрел на меня, лишь пальцы крепче сжались на руле, и напряглись мышцы. Я продолжила. Растегнула нижнюю пуговицу на рубашке, затем ещё одну и, склонившись, прижалась губами к его животу. Тронула кончиком языка и стала поглаживать начавший твердеть пах.

– Что ты делаешь? – пальцы Алекса стальным обручем сомкнулись на моём запястье, машина замедлила ход.

Я выдохнула и, перебравшись к нему на колени, стала покрывать поцелуями его шею.

– Пожалуйста, не надо, Алекс, – отчаянно зашептала я, – прошу тебя, не надо.

Пальцами свободной руки я быстро принялась расстёгивать оставшиеся пуговицы, и едва рубашка оказалась распахнутой, снова дотронулась до ширинки.

– Перестань, – процедил Алекс и до боли сжал мою руку.

Я почувствовала, как машина вильнула, но остановиться даже не подумала. Лучше умру. Умру и его за собой утащу, если он этого так хочет. Лизнув, прикусила его сосок и услышала, как Алекс с шумом вдохнул. Принялась опускать молнию на ширинке.

– Не возвращай меня в питомник, – зашептала я между поцелуями. – Я прошу тебя, Алекс. Я буду делать всё, что ты скажешь. Обещаю. Только...

– Замолчи! – процедил он и, выпустив мою руку, грубо спихнул меня с колен. Не глядя на меня, принялся застёгивать джинсы.

– Алекс, прошу тебя! – в отчаянье всхлипнула я и почувствовала, как по лицу потекли слёзы.

Только этого не хватало! Что он со мной сделал?! Я ведь прежде не была такой... Не была, мать его! Проклятый сукин сын добрался до самого нутра, а, увидев всё без прикрас, понял, что ему это нахер не нужно! Так разве я не предупредила?! Разве не просила?!

Он стиснул зубы. Нажал на кнопку, и стекло с его стороны начало опускаться. Проникший в салон воздух ударил по

лицу, заполнил лёгкие запахами влажной земли и хвои.

– Оденься, – рыкнул он. – Оденься и заткнись уже наконец.

Отвернувшись, я принялась натягивать кофту. Руки путались в рукавах, пальцы не гнулись. Украдкой стерев слёзы, я напомнила себе, что этот мужчина – не тот человек, который запросто меняет принятые им решения. И что ему до моих просьб?! Что?! Я для него никто. Захочет – выберет себе другую – послушную, с мягким нравом и не вымазанную с ног до головы грязью. Потому что он может позволить себе всё, что угодно, я же... Я просто досадная случайность, и все мои мысли о том, чтобы стать ему нужной... Крепко зажмурившись, я подавила готовые вырваться из груди рыдания. Разве это так много – просто быть нужной?! Вряд ли, но для меня... для меня это глупые несбыточные мечты. Забылась...

Не знаю точно, сколько мы ехали. Думаю, около получаса. Вновь забравшись на сиденье с ногами, я закрыла глаза и, спрятав руки в рукава кофты, прислушивалась к размеренному шуршанию колёс. Мерзко ему? Разве стоит этому удивляться? Если мне от самой себя мерзко, то почему с ним должно быть иначе? По тому, как он оттолкнул меня, легко было догадаться, что это действительно всё. А дальше... Чужие руки, чужие рты... Меня тошнило от осознания собственной ничтожности, собственной слабости. Нечто живое,

только-только начавшее воскресать во мне, сжалось и завыло раненым зверем. Всю жизнь я молчала. Держала в себе собственную боль, в одиночку зализывала раны, искала убежища в выдуманных картинках невозможного счастья, но сегодня что-то случилось... Тонкая нить, стягивающая края невидимых ран, не выдержала и лопнула. Я так хотела, чтобы он услышал меня, попытался понять... Лучше бы он пристрелил меня. Почему он не сделал этого?! Почему?!

Почувствовав, как машина слегка подпрыгнула, я медленно подняла тяжёлые веки и равнодушно уставилась в стекло, но не увидела ничего, кроме маячивших вдалеке огоньков и собственного отражения на фоне черноты. Ночь была прохладной, и меня начало знобить – не то от проникающего в салон воздуха, не то от забравшейся в самое нутро безысходности. Попробовать сбежать? Наверное, стоило попытаться. Но я не чувствовала в себе никаких сил. Меня словно пополам согнули и переломили, как сухую палку. Была и не стало.

Вскоре огоньков стало больше. Я увидела подсвеченное здание и поняла, что дрожу. Но машину Алекс не остановил – проехал дальше.

– Куда мы? – вяло спросила я, едва узнав свой голос. – Ты можешь хотя бы это мне сказать?

Вместо ответа он махнул рукой на лобовое стекло, и я перевела взгляд.

Присмотрелась, но разобрать, где мы, так и не смогла. Хотела уже попросить его сказать по-человечески, без загадок,

но тут взгляду моему открылись две нити огоньков, убегающие вперёд вдоль дороги. Неподалёку от нас возвышалась тень.

– Это самолёт? – нахмурилась я, разглядев очертания.

– Да, – коротко ответил Алекс, так и не посмотрев на меня.

Не знаю почему, но мне стало страшно. Что он хочет сделать?! Непонимание происходящего заставляло нервничать. Поёжившись, я поджала ноги ближе к себе и стала наблюдать, как с каждым мигмом очертания самолёта становятся всё чётче и чётче. Теперь я могла различить крылья, хвост и даже подсвеченные изнутри окошки иллюминаторов. Подкатив машину прямо к трапу, Алекс выключил двигатель и, взяв из бардачка какие-то бумаги, открыл дверцу со своей стороны.

– Не вздумай делать глупости, – напоследок строго сказал он и наградил тяжёлым, пригвождающим к месту взглядом.

Глупости? Сомневаюсь, что на это у меня хватит сил. А даже если попытаюсь... Додумать я не успела, потому что дверца с моей стороны открылась. Я увидела стоящего на фоне небольшого белого самолёта Алекса и ещё трёх мужчин чуть поодаль. Сглотнула и вжалась в сиденье.

– Алекс, пожалуйста... – взмолилась я. Я устала... По-настоящему устала. Стоило представить тот ад, в который грозила превратиться моя жизнь, едва я выберусь из машины, и...

– Стэлла, я не в том настроении! – процедил он и протянул мне раскрытую ладонь. – Прекрати!

В последний раз глянув на него, я поджала губы, проигнорировала руку и вышла из машины. Выпрямилась и, расправив плечи, обернулась к нему. Он только вздохнул и покачал головой. Заметив, как один из мужчин идёт к нам, я стиснула зубы. Не чувствовать. Никогда больше не чувствовать. Никогда больше не доверяться. Я – игрушка. Переломанная кукла со стеклянными глазами. Никогда, никому...

– Александр Викторович, – обратился подошедший к Алексу. – Пилоты готовы.

– Спасибо, – ответил Алекс и протянул мужчине ключи. – Позаботьтесь о машине.

Не успел мужчина отойти, я почувствовала мёртвую хватку Алекса на своём запястье. Ни слова не говоря, он повёл меня к стоящему у самолёта трапу. В голове всё напрочь перемешалось, а ноги стали ватными. Несколько раз я попробовала выдернуть руку, хотя заведомо знала – бесполезно.

– Как же ты меня достала! – процедил наконец Алекс, когда мы уже поднимались по ступеням.

– Куда ты меня тащишь?! – Я снова дёрнулась. Поймала его тяжёлый взгляд и процедила, чувствуя, что в голосе моём слёзы смешались с яростью: – Пачкаться не хочется?! Дошло наконец, какая я?! А я тебе говорила – твоя игрушка сломана, Алекс! Говорила!

– Ты идиотка, – только и рявкнул он в ответ и снова пота-

шил меня вверх по трапу.

Прежде бывать на борту самолёта мне не приходилось, и как всё устроено, понятие я имела весьма относительное. Мои познания заканчивались кадрами из тех немногочисленных фильмов, что я посмотрела за свою жизнь. Однако обстановка данного самолёта в представление моё точно не вписывалась: два дивана, обитых светлой кожей, низкий металлический столик между ними, мягкий ковёр с длинным ворсом на полу, в углу – барная стойка, чуть поодаль – ряд кресел с высокими спинками.

– Иногда в полёте меня сопровождает стюардесса, – проговорил Алекс, подведя меня к дивану, – но думаю, что мы неплохо справимся и без неё.

Слова его прозвучали весьма двояко. В другой момент я бы непременно ответила ему на это чем-нибудь язвительным, но сегодня было не до того. Забившись в угол дивана, я смотрела на Алекса и пыталась понять его. Ночь, частный самолёт, сам он, пахнувший дорогим алкоголем, и я – босая и полуголая, с вывернутой наизнанку душой. Как из таких вот деталей получить что-то стоящее?! Как?!

Выдвинув ящик небольшого комода, Алекс достал сложенное одеяло. Взял из бара бутылку и, вернувшись, поставил её на стол. Молча накрыл меня и уселся на противоположный диван.

– Я раньше никогда не летала, – призналась я и почувство-

вала, как слова глупо повисли в воздухе. Какое ему дело до того, что я делала раньше?! Глянула на стол. Виски.

Протянув руку, Алекс взял бутылку за горлышко и, свинтив крышку, бросил рядом с собой на диван. Прокатившись, она упала на ковёр. Проводив крышку взглядом, я снова посмотрела на него. Присев на поручень дивана, он откупорил пробку и сделал глоток прямо из горлышка. Самолёт тронулся с места.

– Нужно пристегнуться, – проговорил Алекс и заставил меня встать. Подвёл к креслам и усадил посередине, сам же уселся в соседнее и пристегнул наши ремни.

Я заметила, как вдалеке за иллюминатором промелькнули огоньки, и вздохнула. Алекс сделал ещё один глоток. Прищурившись, он разглядывал меня, и я понятия не имела, о чём он думает, чего он хочет, что он собирается сделать дальше.

– Не вставай, пока мы набираем высоту, – проговорил Алекс и показал мне на небольшое табло, расположенное у дальней двери, ведущей, как я подозревала, в кабину пилотов. Я проследила за его взглядом и повернулась обратно.

Совсем скоро почувствовала толчок и поняла, что самолёт оторвался от земли. На несколько секунд меня охватила тревога, Алекс же оставался спокоен. Естественно, ведь ничего нового для него не происходило.

– Это твой самолёт? – спросила я.

– Мой, – просто ответил он.

Стоило ли сомневаться. Бриллианты в ванной, роскош-

ный дом, доберманы с шипастыми ошейниками, домик на берегу Средиземного моря, частный самолёт... Не хватало разве что замка в Швейцарии и яхты у лазурного побережья.

Едва мы поднялись на нужную высоту, и самолёт выровнялся, Алекс вернулся к дивану. Снова уселся на поручень. Я тоже отстегнула ремень – не сразу, сперва замешкалась, пытаюсь сообразить, как работает замок. Замешательство моё, должно быть, выглядело нелепо, но мне было плевать. Вернувшись на свой диван, я глянула на Алекса.

– Тебе вообще не сидится там, где обычно люди сидят? – не сдержалась я.

Он невесело усмехнулся уголком рта. Приподнял бутылку и, не сводя с меня взгляда, отсалютовал. Усевшись, наконец, на диван по-человечески, поставил бутылку меж широко разведённых ног. Только пальцы, как и прежде, обвивали горлышко.

Меня всё ещё знобило, пустота тоже никуда не делась, лишь в мыслях вспышками проносились отрывки прошлого. Холодная раскачивающаяся электричка, ржавый металлический столб в сыром подвале, обрамляющие покрытое ссадинами лицо светлые волосы и навсегда застывший взгляд остекленевших глаз, кровавые полосы на цементном полу, запах денег, смешанный с запахом кожи, жёсткие руки на бёдрах, влажная земля под пальцами и хлещущий по щекам дождь...

Потянувшись через стол, я забрала у Алекса бутылку и

сделала большой глоток. Поморщилась и глотнула ещё раз. Сколько раз я пыталась забыть?! Не хочу... не хочу ни минуты из этого!

– Дай сюда. – Алекс попробовал вернуть себе бутылку, но я увернулась и махнула в сторону бара.

– У тебя много, – рыкнула я. – Найди что-нибудь ещё. Виски обжигал горло, согревал внутренности и наполнял тело тяжестью. Ещё бы стереть эти вспышки... С минуту Алекс молча смотрел на меня, а после встал и направился к бару. В этот момент я вспомнила лицо мёртвой девочки – своей единственной подруги там, где у нас не было ничего, кроме страха и глупой надежды на свободу. Она тоже мечтала о свободе. Сколько было ночей, когда мы строили планы. Ещё день, ещё один, а потом у нас обязательно получится. Но её мечты так и остались мечтами. А мои? Я до крови прикусила губу. Виски приобрёл металлический привкус, а я, заметив приближение Алекса, поспешно смахнула каплю, покатившуюся по щеке.

– За твой первый полёт, – приподняв точно такую же бутылку, как и у меня, сказал он.

Глава 18

Алекс

Шасси самолёта коснулись земли, и я перевёл взгляд с сидевшей в соседнем кресле девчонки на табло. Почувствовав толчок, она недовольно сморщила нос и приоткрыла глаза. Я лишь качнул головой. Сквозь иллюминаторы в салон проникало утреннее солнце, но мне казалось, что я так и застрял во вчерашнем дне.

Чуть поодаль на столике стояли две полупустых бутылки виски – где чья – хрен поймешь. Для того, чтобы ноги стали подкашиваться, Стэлле хватило нескольких глотков, но мысли её оставались удивительно чёткими. Впрочем, разговаривали мы мало. Она смотрела в пустоту, я – на неё. Сняв плед, она накрыла им колени. Тонкие пальцы с аккуратными короткими ноготками обхватывали горлышко бутылки, в вырезе небрежно застёгнутой на несколько пуговиц кофты виднелось кружево сорочки, на пальце – кольцо с бриллиантами. Выдернутая из какой-то неизведанной реальности, она была одним сплошным противоречием, и, глядя на неё, я понимал, что хочу добраться до самого нутра. Вот только нахрена оно мне?!

К тому моменту, когда самолёт пошёл на посадку, Стэлла успела уговорить больше половины бутылки, и мне пришлось помочь ей добраться до кресла. Пристегнув ремень, я

приподнял её голову, но она тут же отдернула её. Очередной вызов. Вопрос лишь в том – кому? Мне или жизни в целом?

Закрепив на ней ремень безопасности, я уселся в соседнее кресло и застегнул свой. Стоило, наверное, прихватить виски с собой, но вставать уже не хотелось, и я вновь посмотрел на сидящую рядом девчонку. Глаза закрыты, дыхание ровное. Кофта её съехала с плеча, и я мог видеть тонкую шёлковую ляпочку, пересекающую гладкую, с оливковым оттенком кожу. Тяжёлый мужской мотоцикл, изящные бриллиантовые украшения, выдержанный виски, шёлковая сорочка, короткая стрижка... То ли виски всё-таки ударил мне по мозгам, то ли во всём была виновата исключительно она: я начисто запутался в происходящем. Что я, чёрт подери, делаю?! Что?! Вместо того, чтобы вылететь на место аварии, я лечу с ней...

Едва самолёт остановился, я отстегнул ремень и подошёл к ближайшему иллюминатору. В самолёте зазвучал голос пилота, оповещающего о том, что борт прибыл в назначенное место, и никаких происшествий за время полёта не произошло. Погода стояла тёплая, о чём он тоже сообщил в то время, как сотрудники аэропорта готовили трап.

Нужно было помочь Стэлле отстегнуть ремень. Виски-таки сделал своё дело, и теперь она едва могла приподнять веки.

– Я сама, – кое-как выговорила она, отталкивая мои ру-

ки. – Не трогай меня.

Я перехватил её запястье. Она тут же наградила меня недовольным колючим взглядом и попыталась вывернуться.

– Сиди спокойно! – напоследок сжав сильнее, выпустил её руку. – Не хватало мне ещё с пьяной бабой возиться!

– Так не возись! – быстро нашлась она, но мешать мне больше не пыталась. – Я тебя не...

Раз-два-три... Досчитав до десяти, я выдохнул. Боже, дай мне сил не прикончить её! Она и трезвая-то невыносима, а сейчас...

Дверь со стороны кабины открылось, и в салон вышел главный пилот. Посмотрев на насупившуюся Стэллу, он весьма тактично поинтересовался:

– Всё в порядке?

– В полном, – процедил я и выдернул девчонку с кресла. Не рассчитал силы, и она впечаталась мне в грудь.

– Отстань! – зашипела Стэлла, пытаясь отстраниться, но я удержал её.

– Извините, – обратился к пилоту уже более сдержанно. Лётчиком он был опытным, с большим стажем, и я высоко ценил его за порядочность и профессионализм. – Спасибо. Всё как всегда отлично.

Кулачки Стэллы вновь упёрлись мне в живот, и я, поймав один из них, посмотрел ей в лицо.

– Вот что ты творишь?

Судя по всему, ответа на этот вопрос она и сама не зна-

ла. Уставилась на меня снизу вверх, покачнулась, поджала губы и, наконец, выдохнула. Я едва не зарычал. Оставить бы её тут, да и дело с концом! Виски ей в помощь. Возможно, именно так мне и стоило поступить, но вместо этого я подхватил её на руки и понёс к двери. Почувствовав на шее тёплое дыхание, мельком бросил на неё взгляд, но она заметила.

– Ты же не вернёшь меня в питомник? – прошептала она, цепляясь за ворот моей рубашки. – Алекс...

– Не верну, – с раздражением процедил я. Слова её вызвали во мне злость. Хотел бы вернуть – вернул бы. Вернее, вернул бы, если бы мог. Но какой там! Дел по горло, проблем – того больше, а я...

– Я буду хорошей, – тут же горячо зашептала она и потянула ворот сильнее. – Я умею быть хорошей...

– Стэлла! – рыкнул я, когда пальцы её коснулись моей шеи, и меня повело в сторону. Не хватало только из-за неё слететь с трапа и переломать нам обоим все кости! – Ты можешь замолчать и успокоиться?!

В ответ до меня донеслось невнятное бурчание, но руку она всё же убрала. Нецензурно выругавшись, я спустился ещё на несколько ступенек. Смешанный с кровью виски напоминал о себе, и идти приходилось аккуратнее, чем я сделал бы это в другой раз. И ещё эта...

Внизу, неподалёку от трапа, нас уже ждал автомобиль.

– Позвольте, я помогу Вам, Александр Викторович, – проговорил водитель, стоило мне спуститься, и хотел было пе-

рехватить Стэллу.

– Руки убери, – гаркнул я прежде, чем успел отдать отчёт собственным словам. Вот бядь! Ещё немного, и я из-за этой пигалицы начну на людей бросаться! – Я сам справлюсь, – добавил я уже мягче и, взглядом указав на машину, попросил: – Откройте заднюю дверь.

Вместо того, чтобы оставить девчонку на заднем сиденье, а самому, как обычно, сесть спереди, я уселся рядом с ней. Оказавшись в машине, она неловко сползла с моих коленей, но ноги не опустила. Напротив, подобрала к себе и, глянув в окно, спросила:

– Мы где?

Надо же, оказывается, она ещё может задавать вполне разумные вопросы. На улице всё ещё веяло утренней прохладой, и я как-то инстинктивно дотронулся до её голой ноги. Посмотрел на маленькие ступни. Она дёрнулась и перевела взгляд на меня, будто не ожидала прикосновения.

– В Испании, – ответил я и, взяв её за руку, потянул на себя, вынуждая лечь. Может быть, и не замёрзла, но кожа прохладная. Да и... Чёрт побери, мне просто хотелось, чтобы она была ближе.

– В Испании? – растерянно переспросила она, глядя на меня.

– Да, – убрал волосы с её лба, с виска. – Я думал об Италии, но домик на Средиземном море занят твоей подружкой.

Так что... тебе досталась Испания.

Она выдохнула. Как-то судорожно, неровно. Сглотнула и приподняла руку. На несколько секунд ладонь её зависла в воздухе, а после пальцы коснулись моего лица. Прошлись по скулам, по подбородку и исчезли – так же внезапно.

Ну нет... Поймав её ладошку, я коснулся губами запястья и лишь затем выпустил. Стэлла облизала губы.

– Можешь немного поспать, – предложил я, удобнее укладывая её у себя на коленях, а после обратился к водителю: – Езжайте аккуратнее. И никакой тряски.

Глава 19

Стэлла

Виски у Алекса был отменным. Таким же отменным, как и всё, что принадлежало Алексу. Так что стоило ли удивляться? Он же сам сказал, что берёт лишь лучшее. Вот только как среди этого «лучшего» оказалась я – хрен знает. Очевидно, из любых правил бывают исключения, и я являлась именно этим исключением, ибо другого объяснения у меня просто не было.

Единственное, что я почувствовала проснувшись – незначительная тяжесть в голове. Даже пить особо не хотелось, хотя от пары глотков холодной воды я бы не отказалась. Жаль, но вытравить из памяти разбуженные вчера воспоминания, так и не удалось. Зато...

Открыв глаза, я оперлась на руки, привстала и, не успев как следует осмотреться, увидела сидящего в кресле Алекса.

– Мы где? – сипло выдавила я и тут же кашлянула.

Последнее, что запомнилось мне отчётливо: стоящая передо мной на низком столике бутылка виски и стёкла иллюминаторов. А после... После всё превратилось в размазанные пятна, похожие скорее на обрывки сна, чем на действительность. Тёплый жёлтый песок под ногами, пугающее ухастье совы, прикосновение губ к запястью, шум проносащихся мимо машин... Вопрос лишь в том, что из этого было сном,

а что нет.

Вместо ответа Алекс встал и подошёл к скрытому шторкой окну. Отодвинул ткань в сторону и, повозившись, открыл... очередной иллюминатор. Я почувствовала запах свежести, услышала тихий плеск и уже приоткрыла рот, чтобы повторить свой вопрос, но Алекс опередил меня:

– Буду ждать тебя на палубе.

Он повёл плечами, разминая мышцы, потянулся и зевнул. Светлые льняные шорты, расстёгнутая рубашка с короткими рукавами... Не желая того, я задержала на нём взгляд и почувствовала некоторое внутреннее волнение. Не хватало мне только этого! Мужчина как мужчина. Да, успешный, да, твёрдо стоящий на ногах, да, интересный и красивый... Чертовски интересный и красивый, чтоб его! Но мне-то какое до этого дело?!

– Если тебе нужна ванная, – тем временем продолжил он, – вон та дверь.

Я посмотрела в указанном им направлении, попутно отмечая детали обстановки: два больших кожаных кресла возле столика, стильные лампочки на стене, на полу – бледно-голубой ковёр... Судя по всему, к коврам у него была особая любовь. Услышав негромкий стук, я резко отвела взгляд от закрытой двери ванной-комнаты, но увидела лишь ещё одну – добротную, с массивной ручкой. Он будет ждать меня на палубе... Выбравшись из-под одеяла, я подошла к открытому окошку и уставилась на переливающуюся в солнечных

лучах бирюзу. До самого горизонта – эта самая бирюза. И воздух, пропитанный солью...

– Ты самый настоящий дьявол, Алекс... – вырвалось у меня, когда лицо обдал тёплый ветерок. Сделав глубокий вдох, я закрыла глаза. Испания... В машине он говорил про Испанию, и это точно не было сном.

Одежды с собой у меня не было и, приняв душ, я надела всё ту же сорочку. Немного подумав, накинула сверху махровый халат Алекса. Благо, он оказался короче его домашнего. Голова прояснилась, мысли стали более или менее ясными, но тревога до конца так и не отступила. Да, в питомник он меня не отправил, но... Хватит!

– Хватит, – твёрдо сказала сама себе, глядя на собственное отражение, и, отложив расчёску, вышла из ванной.

Вряд ли он притащил бы меня в Испанию, если бы собирался отдать. Зачем ему весь этот спектакль с частным самолётом и болтающейся на бирюзовых волнах яхтой? Хотел бы отдать – сделал бы всё куда проще. Может быть, он и редкостный мерзавец, однако время своё ценит. Да и врать, как я уже успела убедиться, не в его правилах. Тем более мне – это ему просто ни к чему.

Палубу я нашла быстро. Теряться, в общем-то, было негде: стоило выйти из каюты, я оказалась в небольшом коридорчике, по обеим сторонам от которого находились двери. Три, может быть, четыре... В конце коридора была кухня

с прилегающей к ней обеденной зоной и чем-то вроде общей гостиной, а чуть поодаль я заметила ведущую наверх лестницу. Сделала шаг, но вместо того, чтобы начать подниматься, присела на угол стоящего рядом дивана. Пробежала взглядом по ступенькам и выдохнула. Чего он пытается добиться? Чего хочет? Если изначальное отношение ко мне Алекса мне было хотя бы понятно, теперь я не понимала ровным счётом ничего. То он грубый и жёсткий, то... Какой?! Какой?!

Оказавшись наверху, я подошла к тянущемуся вдоль палубы бортику и, положив на него ладони, с замиранием сердца уставилась на покрытую мелкой рябью воду. Солнце было таким ярким, что я невольно зажмурилась, ветер наполнял лёгкие солью. Вдалеке тянулась линия побережья, но ни рассмотреть что-либо, ни различить звуков я не могла. Только шелест волн о борт яхты и слабый ветер.

– Боюсь, что тебе будет жарко, – услышала за спиной и в следующий миг ощутила, как ослаб пояс халата.

Здесь, наверху, под горячим солнцем, действительно было слишком тепло, так что противиться я не стала. Да и какой смысл противиться? Он всё равно сделает так, как хочет. Я же... После вчерашнего мне и вовсе не стоило перечить ему, умом я это понимала очень хорошо.

– Что это за город? – спросила я, показав на линию берега.

– Майорка, – перекинув халат через руку, ответил Алекс и, встав позади меня, положил ладонь на поручень рядом с

моей. – Пальма-де-Майорка.

Пальма-де-Майорка... Прищурившись, я смотрела на далёкую полоску. В голове не было ни одной отчётливой мысли. Думала ли я когда-нибудь, что окажусь тут? Что буду стоять на палубе частной яхты под палящим Испанским солнцем и дышать солёным ветром? Думала ли я, что когда-нибудь меня будет волновать присутствие мужчины? Что едва ощутимое соприкосновение наших тел, его – жаркого, нагретого солнцем, и моего – прохладного после полумрака каюты, будет пробуждать во мне нечто незнакомое прежде?

Ладонь Алекса исчезла с поручня и коснулась моего плеча. Пальцы медленно проскользили до запястья. Подавив тревогу, я продолжала смотреть на вырисовывающийся вдалеке город и старалась не заострять внимания на выступивших на руках мурашках. Это просто ветер...

– Пойдём под навес, – проговорил Алекс, чуть наклонившись ко мне. – Не думаю, что ты можешь быстро обгореть, и всё же...

Почувствовав его усмешку, я обернулась. Вопросительно приподняла бровь, но он только чуть заметно мотнул головой и, взяв меня за руку, повёл к стоящему в тени тента дивану. Не успела я усесться, рядом появился официант. В руках он держал большой круглый поднос с двумя запотевшими стаканами и огромной тарелкой, наполненной самыми разными фруктами.

– Спасибо, – коротко кивнул Алекс, стоило ему выставить

всё на столик. – До вечера можешь быть свободен. И не вздумай появляться на палубе, – добавил он так, что человеку, находящемуся в здравом уме, и мысли бы не пришло ослушаться.

– Я буду в комнате для персонала, – мгновенно отозвался официант. – Если что-то потребуется...

– Если нам что-то потребуется, – прервал его Алекс, – я справлюсь сам. Можешь идти.

– Да, простите, – проговорил тот с лёгким поклоном и тут же испарился, будто его и не было.

Помимо фруктов на столе передо мной стояла тарелка с тарталетками и канапе, чуть дальше другая – с маленькими пирожными. Внезапно я почувствовала, насколько голодна. Желудок свело, рот наполнился слюной. Взяв тарталетку с какой-то пастой, Алекс поднёс её к моим губам, и я тут же откусила едва ли не половину. Мягкий творожный сыр и оливка внутри...

– Вкусно, – призналась я.

Сунув оставшуюся половину себе в рот, он протянул мне несколько канапе.

– Поешь и намажем тебя маслом. Не хочу повторять ошибок Вандора.

Заметив на его губах ту самую усмешку, что и возле бортика, я спросила:

– Каких ошибок?

– Да так...

– Алекс! – возмущённо воскликнула я, поняв, что отвечать он не собирается. Он действительно не ответил – отмахнулся от меня и, взяв стакан, сделал глоток, да с таким видом, что у меня во рту пересохло. Судя по тому, что с Милой я разговаривала буквально вчера, она в порядке. Остальное, в общем-то, не важно. Сняв с канапе кусочек сыра, я отпила из своего стакана. Мохито. Безалкогольный и в меру сладкий. Испания, плеск волн о берег яхты, мохито и стоящий в нескольких метрах от меня в одних плавках-боксёрах Алекс...

– Снимай с себя всё, – приказал он, когда я, съев последнюю дольку апельсина, слизнула с губы каплю сока. Поймав мой взгляд, показал мне флакончик с маслом.

– Не надо, Алекс, – тут же отозвалась я. – Всё равно купальника у меня нет. Если хочешь...

– Раздевайся, – повторил он примерно тем же тоном, что недавно разговаривал с официантом.

Я поджала губы и плотнее сдвинула ноги. Слова его вызвали во мне яростный протест, но я прекрасно понимала – последнее, что мне стоит сейчас делать – упираться. Помедлив несколько секунд, сняла сорочку и, положив рядом, холодно спросила:

– Доволен?

– Нет. – Он подошёл ближе и с невозмутимым видом проговорил: – Трусы тоже снимай. Помнится, не так давно ты

говорила мне, что будешь хорошей девочкой.

– Когда я такое говорила? – вскинулась я и тут же заметила затаившуюся в уголке его рта усмешку. И снова эта ямочка на щеке...

Блядь! Что я наболтала ему?! И ведь вполне возможно, что я действительно могла сказать что-то такое... На трезвую-то голову могла, а после виски и подавно. Главное, чтобы не наболтала чего-нибудь ещё: про прошлое, о котором мне и самой-то помнить не следовало. Ведь прошлому место в прошлом. В прошлом, мать его!

Ни слова не говоря, я сняла трусики и, скомкав, швырнула Алексу в лицо. Пусть подавится! Не выйдет из меня хорошей девочки, разве не ясно?! Тем более, когда он... Чёрт! Вместо того, чтобы наградить меня одним из своих режущих сталью взглядов, он ловко поймал трусики и, поднеся к лицу, сделал глубокий вдох. Смотрел он при этом на меня так... Так, что я почувствовала, как в животе сворачивается тоненькая спираль. Снова сдвинула ноги и поспешила отвернуться. Почувствовала, как Алекс сел позади меня, уловила запах масла. Приятный, с лёгкими нотками миндаля. Плеч моих коснулись большие ладони, пальцы с лёгким нажимом заскользили по коже, и я подобралась, изо всех сил стараясь абстрагироваться. Это просто масло... Просто руки...

– Теперь здесь. – Алекс скользнул по моим бокам к животу и принялся поглаживать.

Поднялся к груди, мягко обхватил и обвёл соски боль-

шими пальцами. Я сглотнула. От груди к животу прошло несколько тончайших импульсов, соски стали твёрдыми. Чем дальше он трогал меня, тем сильнее разум затягивало туманом и отчаяньем. Мне хотелось крикнуть, чтобы он прекратил. Прекратил делать со мной то, что он делает. Собственное тело предавало меня, собственный разум предавал, и даже остатки души – они тоже меня предавали. Потому что всей душой я хотела почувствовать что-то другое, то, чего никогда не было со мной прежде. Хотела довериться. Вот только память... Память никуда не делась, и среди общего хаоса она, наверное, оставалась последним, что хранило мне верность.

– Алекс... – сдавленно прошептала я, когда он взял мою левую руку. Натёр плечо, локоть, перешёл на предплечье.

От масла кожа приобрела лёгкое мерцание, стала бронзовой. Взяв мою ладонь в свою, он задержался взглядом на запястье. Стиснул челюсти. Я тоже посмотрела на наши руки. Лиловые следы чужих пальцев. Это пройдёт. Много раз проходило, пройдёт и сейчас.

– Просто синяк, – тихо сказала я. – Ничего страшного.

Он ничего не ответил. Натёр вторую руку и заставил встать. Ладони его прошли по бёдрам – по-прежнему мягко, с лёгким нажимом, но я видела, как на скулах его выступили желваки, стоило ему заметить такие же синяки на ягодицах и ногах.

– Они ведь не успели? – только и спросил он с напряже-

нием.

Я уловила хрипотцу в его голосе. Хрипотцу и что-то ещё, похожее на затаившуюся где-то глубоко ярость. Качнула головой.

– Не успели.

Больше он ни о чём не спрашивал. Поставил мою ступню себе на колени и втёр масло в икру, прошёлся по лодыжке и пальцам. Прodelал то же самое со второй. Солнце ласкало мою спину, Алекс – ступни, и я понимала, что с этим мне уже не справиться. Спираль становилась всё ошутимее, соски оставались твёрдыми. Мне хотелось закрыться, хотелось сдвинуть бёдра, но разве можно закрыться от него?! Губы на моей коленке, два пальца вдоль щиколотки... Я стояла совсем близко, меж его расставленных в стороны ног, и была открыта настолько, насколько не была открыта, должно быть, никогда. И физически, и эмоционально. Понимает ли он, насколько уязвимой меня сделал? Нет. Потому что понять этого не способен никто. Возможно, в полной мере даже я сама.

Закончив с маслом, Алекс коснулся моей плоти, провёл сверху вниз, слегка проник внутрь и, убрав руку, лизнул пальцы. Я мысленно застонала. Дёрнулась в сторону, но он удержал меня. Дозрел? Так с этого и надо было начинать! К чему все эти игры?! Показать, что он может?! Да может, чёрт его возьми! Даже моё иссушенное, лишённое способности чувствовать тело, он смог вернуть к жизни! Доказал, всё на этом!

Поставив ногу на пол, я опустилась на колени и провела ладонями по его бёдрам к паху. Внушительный бугор красноречиво свидетельствовал о том, насколько он завёлся от собственных игр, и я было хотела помочь ему высвободить член, но Алекс твёрдо перехватил мою руку.

– Не сейчас, – сказал он и поднял меня. – Расслабься и загорай. Если захочешь, попозже можем поплавать.

Я невольно приоткрыла рот, сама не зная, что хочу сказать, но он наградил меня предупреждающим взглядом. Встал и подошёл к борту. Посмотрел на воду. Я же чувствовала внутреннее смятение. Он снова поставил меня в тупик. Он ведь хотел, чтобы моё тело откликалось?! Так вот, добился своего, что теперь? Или теперь ему стало это не интересно, не нужно? Или... Или это я стала ему неприятна?

– Алекс, – окликнула я его, и он сразу же обернулся. Поймав на себе взгляд его серебристо-серых глаз, проговорила: – Моя вчерашняя истерика... Пожалуйста, не обращай на это внимания. Обещаю, что такого больше не повторится. И то что я рассказала... Забудь.

Глаза его потемнели, на скулах снова выступили желваки, вена на шее вздулась. Я замолчала. Добавить мне было нечего, и я просто стояла, глядя на него.

– Пойду принесу нам что-нибудь холодное, – наконец отрезал он, но прежде, чем уйти, проговорил:

– Кажется, я уже говорил тебе, но скажу ещё раз: я никогда ничего не забываю, Стэлла. Никогда.

Глава 20

Стэлла

Часа через три яхта пришвартовалась у берега. К этому моменту я уже вдоволь нагрелась на солнце и теперь сидела под тентом, неспешно попивая холодный чай из высокого стакана. Устроившись на диване с ногами, наблюдала за тем, как яхта пристаёт к причалу, и думала о нереальности происходящего. Сколько раз я мысленно убегала в эти края, прячась от унижений и боли? Сколько раз босиком ходила по белому песку и слушала иллюзорный плеск волн в то время, как чьи-то руки шарили по моему телу, а лица касалось распалённое мужское дыхание? В последние годы Испания стала для меня моим собственным убежищем, уголком, где я была абсолютно свободной в своих желаниях. И вот он: белый песок, плеск волн...

Заметив, как Алекс спустился на пристань, я поднялась с дивана и, запахнув на груди его рубашку, подошла к бортику. Рубашка была длинная и доходила мне чуть ли не до коленей, так что чужие взгляды меня не волновали. Продолжая потягивать чай, я смотрела на Алекса, заметно выделяющегося среди прочих мужчин своей животной энергией и, что уж там, привлекательностью. Высокий, поджарый, отлично сложенный... Стоящий вдалеке мужчина направился ему навстречу и, едва они перекинулись несколькими слова-

ми, что-то отдал. Кивнув, Алекс пошёл в обратную сторону, я же, поболтав трубочкой льдинки, обхватила её губами. И здесь у него дела, свои люди... Всё на своих местах, всё там, где нужно ему.

Выдохнув, оттолкнулась от перил и пошла Алексу навстречу. Он как раз поднялся на яхту. Белая расстёгнутая рубашка, светлые шорты... Подойдя, он взял меня за подбородок и, приподняв голову, посмотрел в глаза. То ли своеобразная демонстрация власти надо мной, то ли чёрт знает что ещё!

– Как насчёт вечерней прогулки? – проведя большим пальцем по нижней губе, спросил он и отпустил меня.

Я отошла на несколько шагов, повернулась к нему и только тогда сказала:

– Боюсь, что принцесса превратилась в замарашку ещё до полуночи. Ни туфелек, ни платья... Даже с тыквой беда.

– Насчет тыквы не беспокойся. – Он бросил на меня оценивающий взгляд и добавил: – И насчёт остального тоже. Я об этом уже позаботился.

Оставив меня на палубе, он начал спускаться вниз, я же сжала стакан. Вот же... Дьявол! Позаботился он! Внутри разгоралось желание броситься следом и... А вот что именно «и», я не имела ни малейшего понятия и потому просто присела на шезлонг. Снова поболтала льдинки в стакане и устала на берег невидящим взглядом. Пальмы, белый песок...

Задумавшись, я не заметила, как Алекс появился снова. Почувствовала лишь опустившуюся на плечо ладонь и подняла голову.

– Туфельки для принцессы, – указал он мне в сторону причала, и я увидела идущего к яхте испанца с двумя большими пакетами в руках. Не прошло и нескольких минут, как он поднялся на борт и, улыбнувшись мне, поздоровался с Алексом.

– Здесь всё, что я просил? – ответил ему Алекс по-испански, и я невольно прислушалась.

Мне всегда нравилось звучание этого языка, нравилось переплетение слов. Как давно никто рядом со мной не говорил по-испански... С тех пор, как в одну из самых тёмных ночей в моей жизни, на руках у меня умер Мигель. Очередная угнанная машина, погоня, лёгкое ранение... и заражение крови. Именно благодаря Мигелю у меня появилось место, где я могла прятаться в минуты отчаяния, именно он рассказал мне про белый песок... И ещё он никогда не трогал меня. Только простые прикосновения – самые простые, без намёка на большее. Грустно улыбнувшись, я посмотрела себе под ноги и снова услышала голос испанца:

– Сперва я подумал, что ты ошибся с размером, Алекс, – с тихим смешком проговорил он и качнул головой. – Но твоя сеньорита... Просто бамбино.

– Эта сеньорита только с виду бамбино, – Алекс посмот-

рел на меня и, убрав от моего лица волосы, усмехнулся.

– Крошка с характером? – понимающе хмыкнул испанец, и Алекс ответил ему ещё одной самодовольной усмешкой.

Я поджала губы. Резко встала и, не желая слушать продолжение разговора, пошла в каюту. Понимание, что для Алекса я всего лишь игрушка, ничуть не уменьшало моего раздражения и некой отдающей горечью досады. Они думают, что, если я не понимаю сути, можно разговаривать обо мне, как о портовой шлюхе?! Ах, да... Я же и есть шлюха, о чём это я?! Крошка... От этого его «крошка» так и несло пошлостью! Как будто... Не знаю! Меня просто выворачивало от этих усмешек, от небрежности, звучащей в словах. Сильные мира сего... А я кто? Никто! Крошка, бамбино...

Выйдя из душа, я обнаружила на постели те самые пакеты, что принёс испанец. Открыв один из них, увидела обувные коробки, в другом лежала одежда. Даже без слов было ясно, что хотел сказать этим Алекс. Приказ, мать его! Вытряхнув из пакета вещи, я дёрнула первую попавшуюся. В руках оказалась белая майка из какой-то безумно мягкой и приятной наощупь ткани с выложенным стразами узором. В жизни ничего подобного не носила. Резко вытолкнув из лёгких воздух, я опустилась на кровать и, не выпуская майку из рук, уставилась на лежащую передо мной гору. Перевернула одну из бирок и прочитала название бренда. Даже мне, всю жизнь прожившей на улице, было ясно, сколько могут стоить

такие вещи. Всё только самое лучшее...

Размотав полотенце, я нашла среди одежды коробочку с нижним бельём и принялась одеваться. Чёрное кружево прильнуло к телу, словно вторая кожа, полупрозрачные чашечки бюстгалтера идеально подчеркнули грудь. Я посмотрела в зеркало и почему-то даже не удивилась, увидев, насколько идеально подошло мне бельё. Каждая выточка на своём месте, а уж кружево на ягодицах...

– Ненавижу тебя, Алекс, – выдохнула я и надела белую майку. Бюстгалтер слегка просвечивал через тонкую ткань, и выглядело это немного вульгарно. Самое то для принцессы, если она выросла в подворотнях.

– Куда мы? – спросила я, когда мы спустились на пристань.

Неподалёку от нас громко вскрикнула птица, её крик подхватила ещё одна. Чайки... Прежде мне доводилось видеть их пару раз у реки, но эти казались какими-то другими. Всё здесь казалось другим.

– Скоро узнаешь, – ответил Алекс и пропустил меня вперёд на узкой лестнице.

Я чувствовала его прикованный ко мне взгляд, и это не давало возможности расслабиться. Даже мысленно я была до предела собрана. Так и чувствовала себя канатоходцем, идущим по тонкой проволоке над пропастью, дно которой усеяно острыми камнями. Шаг не в ту сторону – верная смерть.

Только что подразумевалось под этой смертью, я и сама не знала.

– Теперь куда? – остановившись, подняла на Алекса взгляд, и он кивком указал мне в сторону.

Обернувшись, я увидела что-то вроде уличного кафе – барная стойка под навесом и несколько столиков неподалёку. Приподняла бровь, ожидая пояснений, но Алекс только подмигнул мне и, взяв за руку, повёл в указанном направлении. Я ожидала, что он возьмет нам по коктейлю, а после мы продолжим так называемую прогулку, но вместо этого Алекс перекинулся несколькими словами с барменом, и тот, одарив меня заинтересованным взглядом, улыбнулся. Тёмно-карие глаза его задорно блеснули, и блеск этот вызвал у меня настороженность.

– Если ты не... – начала было я, попытавшись выдернуть руку, но Алекс мигом заставил меня замолчать.

Посмотрел чуть пренебрежительно и спокойно спросил:

– Что «ты»?

– Ничего, – процедила я и поджала губы.

Тем временем бармен поставил на стойку бутылку минералки и, наклонившись, достал два шлема. Оба чёрные, только на одном – нарисованные языки пламени, а на другом – серебристый узор из переплетённых лент.

– Спасибо, – поблагодарил Алекс на испанском и, забрав всё, повёл меня дальше.

Не прошло и минуты, как взгляду моему предстало два

стоящих в тени тента мотоцикла. Один – огромный, тяжёлый, второй поменьше. На этот раз руку из хватки Алекса я всё-таки выдернула и, подойдя к байкам, провела ладонью по кожаному сиденью того, что был больше. Посмотрела на второй, потом на Алекса.

– Я же обещал тебе карету, – протянул он мне шлем с серебристым рисунком.

– Вообще-то, ты обещал мне тыкву.

На щеке его появилась ямочка. Достав из кармана ключи, он отдал один из них мне, но прежде, чем окончательно выпустить из пальцев, очень серьёзно предупредил:

– Не делай глупостей, Стэлла.

– А если сделаю? – с вызовом спросила я. – Карета превратится в тыкву?

– Нет. – Он качнул головой и прикоснулся пальцами к моему лицу. Обрисовал скулу и убрал руку. – Не превратится. Но это не в твоих интересах. Не стоит играть со мной в игры.

Фыркнув, я отвернулась и надела шлем. Как будто я ещё сама не поняла, что не стоит!

Байк ревел подо мной: мощный, похожий на сильного зверя, и мне нравилось укрощать его. Нравилось чувствовать, как он подчиняется моим движениям, моей воле, нравилось сливаться с ним в единое целое. Алекс действительно брал только самое лучшее... Я видела его, мчащегося рядом. Порой он отставал от меня, порой, напротив, вырывался впе-

рѐд, и тогда рѐв его Харлея становился громче. Встречные порывы тѐплого воздуха ласкали кожу, и я чувствовала себя счастливой. Счастливой и, вопреки всему, свободной.

Газ до упора, поворот, и вот уже мы несѐмся рядом, он – на считанные сантиметры впереди. Кровь забурила адреналином, внутри меня разгорелось пламя. Я тоже любила игры. Игры, в которые умела играть. Выжав газ, я обогнала Алекса и продемонстрировала ему средний палец с поблѐскивающим бриллиантами колечком. Пригнулась и, крепко сжав руль, рванула вперѐд. Да, я тоже умею играть. И сдаваться я не привыкла, так что не стоит думать, что победа дастся так легко.

Некоторое время мы продолжали нашу негласную гонку. Только мы двое и дорога, тянущаяся вдоль побережья... Наконец Алекс, сбросив скорость, кивком указал мне в сторону моря, и я сложила пальцы в согласном жесте, показывая ему, что поняла. Проехав ещё немного, мы остановились, и он, поставив байк на подножку, снял шлем. Тряхнул головой и пригладил волосы. Я последовала его примеру. Прищурилась, глядя на катящийся к горизонту огненный шар, и вдохнула солѐнный воздух. Плеск волн нарушали только беспокойные крики чаек.

– Не хотел бы я быть твоим соперником в каком-нибудь нелегальном заезде, – проговорил Алекс, так же, как и я, глядя на солнце, а после перевёл взгляд на меня.

Я улыбнулась. Разгорячѐнная, с наслаждением подставила

лицо ветерку.

– А ты часто участвуешь в нелегальных заездах?

– Раньше случалось.

Хмыкнув, я сошла с дороги. Ноги тонули в белом песке, шум воды с каждым шагом становился всё громче. Засмотрелась на бирюзу. Море... Оно оказалось ещё прекраснее, чем я представляла его, прекраснее, чем рисовал его для меня Мигель в своих рассказах. Согретое лучами уходящего солнца, оно переливалось и было поистине величественным.

– Ты толком не умеешь писать, но знаешь испанский... – донёсся до меня голос подошедшего Алекса. – Тебе не кажется это странным?

Я продолжала смотреть на рыжее с багряным оттенком солнце. Пальцы мои чуть сильнее сжали ремешок шлема, но вряд ли Алекс заметил это. Конечно же, он понял. Я бы могла рассказать ему... Могла бы рассказать про Мигеля, про мёртвую девочку со светлыми волосами, про хлещущий в лицо дождь и грязь под босыми ногами, про тепло костра в заброшенном лагере, про... Но я ничего не сказала. Ничего из того, что, наверное, действительно хотела бы сказать. Вместо этого я лишь сильнее прищурилась и негромко ответила:

– Возможно.

На какое-то время между нами воцарилась тишина. Ветер принёс с собой свежий запах моря, крик чаек усилился и следом вовсе затих. Мысленно я вернулась назад. В малень-

кую комнату с постеленными прямо на полу одеялами, в другую, с грубым обеденным столом и несколькими разболтанными стульями, в холодные вечера. Прошлась по коридору до входной двери и села в машину, столько раз увозящую меня навстречу с моей придуманной реальностью, тёплыми странами и разноцветными мозаичными стёклами.

– Знаешь... там, где я росла, умение писать было не в цене, – сказала я негромко.

– Значит, писать ты в самом деле не умеешь, – заключил Алекс. Я промолчала. – А читать?

– Немного.

Не знаю, о чём думал он, я же просто смотрела на воду, не чувствуя при этом ничего из того, что, наверное, должна была чувствовать: ни стыда, ни неловкости. Могла ли я научиться читать в тех условиях? Возможно, могла. Думала ли я об этом? Вряд ли... В той убогой комнате меня куда больше интересовало, достанется ли мне кусок хлеба, и чем закончится очередной день. И ещё: чем закончится очередная ночь...

– Тот человек... Дик. Я никогда не слышал про него. Ты выросла в нашем городе?

– Нет, – качнула я головой. – В Грате.

– В Грате... – очень тихо и задумчиво повторил Алекс и замолчал.

Между нами снова воцарилась тишина. Положив шлем на песок, я развязала шнурки на кедах и, разувшись, подошла

к воде. Ступила в пенящуюся волну и тут же почувствовала, как вода облизывает мои стопы. К горлу подступил ком, уголки глаз защипало. Море целовало ноги, и я понимала – прекрасней этого нет ничего.

– Я всегда мечтала побывать в Испании, – подавив слёзы, призналась я, услышав приглушённые песком шаги Алекса позади себя. Думала, что он спросит про язык, но он промолчал. Очередной порыв ветра тронул мои волосы, погладил лицо, волна поцеловала щиколотку. Я прерывисто выдохнула и, повернувшись к Алексу, попросила: – Отпусти меня. Отпусти, пожалуйста, Алекс.

Взгляд его, ещё секунду назад бывший спокойным, пронзил меня насквозь. Я взглянула на заходящее солнце. Не потому, что не хотела смотреть ему в глаза, а потому что сейчас, в этот самый момент, была слишком открыта и уязвима перед ним.

– Зачем, Стэлла? – наконец спросил он, выдержав долгую паузу.

– Я хочу быть свободной, – честно ответила я.

– И зачем тебе свобода?

Стоя к Алексу спиной, я точно знала, что он смотрит в том же направлении, что и я. Только глаза... Должно быть, в серебре его глаз сейчас отражается пурпурное солнце.

– Будет у тебя свобода и что? У тебя ничего нет, Стэлла. Ни денег, ни связей, ни хоть какого-то положения. Что даст тебе свобода? К угону вернёшься или что?

Я долго молчала, раздумывая над его словами. Конечно же, он был прав, и я это знала. Но знала я и другое. Знала, как дорого готов был заплатить за эту самую свободу каждый из лежащих на одеяле в маленькой комнатке, каждый из сидящих за непокрытым скатертью обеденным столом... И некоторые платили. Отдавали за попытку единственное, что у них было – собственную жизнь.

Я повернулась к Алексу. С минуту мы смотрели друг на друга – я на него, он на меня. Я уже знала, какое решение он принял.

– Есть вещи, которые нельзя оценить деньгами, Алекс. И свобода выбирать – одна из них.

Оставив мотоциклы под навесом у пристани, мы вернулись на яхту. Солнце село, и воздух наполнился приятной прохладой. Я остановилась посреди палубы и, окинув взглядом берег, улыбнулась Алексу. Несмотря ни на что, вечер был прекрасным, и мне хотелось, чтобы он понимал – я оценила.

– Спасибо.

К ночи море стало немного беспокойным, и яхта время от времени легко покачивалась от особенно крупных волн.

– Пожалуйста, – улыбнулся он в ответ.

Мне захотелось дотронуться до его щеки, до маленькой ямочки, но я этого, конечно же, не сделала. Посмотрела на засверкавший вечерними огоньками берег и, почувствовав

непонятную неловкость, пошла к лестнице.

– Стэлла, – позвал меня Алекс, и я, остановившись, оглянулась. Кивком спросила его, в чём дело. – У тебя есть полчаса.

– Полчаса? – переспросила я, не совсем понимая, что он имеет в виду.

– Поужинаем на палубе.

Алекс стоял на прежнем месте и, зацепившись большими пальцами за петли на поясе джинсов, смотрел на меня внимательным, изучающим взглядом. То ли смутить хотел, то ли хрен знает, что ещё. Но смущаться я не собиралась и отводить взгляд тоже. Так мы и стояли, глядя друг на друга до тех пор, пока он не проговорил негромко, но так, что внутри меня прокатилась тёплая, беспокойная волна:

– Я хочу, чтобы ты надела красное платье, Стэлла. Сделай это.

Глава 21

Алекс

– Если бы я в тебе сомневался, ты бы у меня не работал... Учти, я лично перепроверю... Если хоть рубль из выделенных на компенсацию денег уйдёт налево...

Закончив разговор, я уловил движение за спиной и обернулся. Стэлла остановилась. Мы стояли на расстоянии нескольких метров друг от друга и молчали. Её алое платье выделялось на фоне темнеющего неба ярким всполохом, лодыжки обхватывали тонкие кожаные ремешки. Понятия не имею, что в ней было такого... Такого, что, глядя на неё, я испытывал удовлетворение от понимания – она принадлежит мне. Подувший ветер заиграл с шёлковым подолом, прибил его к бёдрам, но уже в следующий момент ткань снова струилась, доходя до колен. Взгляд Стэллы был спокойным, с едва заметными искорками упрямства и всё того же вызова. Чёрт подери, этим вечером, на этой палубе, она была прекрасна!

– Тебе идёт красный цвет, – сказал я и сделал глоток вина из бокала, который держал в руке.

– Я рада, что ты остался доволен, – незамедлительно отозвалась она и неспешно прошла мимо меня к уже накрытому столу. Взяла бутылку вина и, со скучающим видом посмотрев на этикетку, поставила обратно.

Я не удержался от едва заметной улыбки. Дерзит, хоть и

знает, что это может быть опасным. И не боится ведь. Другая бы на её месте выдохнуть лишний раз боялась, а эта...

– Значит, это только для меня?

Подойдя, я взял пустой бокал и налил в него вино. Протянул Стэлле. Отвечать она не торопилась. Забрала бокал, покачала, сделала небольшой глоток и только после этого проговорила:

– Ты же не оставил мне выбора. – Пальцы её скользнули по стеклу, бокал удобно лёг в ладонь. – У меня нет права делать то, что я хочу. Поэтому... – губы её опять коснулись стенки бокала. – Можешь считать, как хочешь.

Уголок моего рта дёрнулся, однако выпада я не оценил. Отпустить её... К этому готов я не был. Точно не сейчас. Двух проведённых в разъездах недель мне хватило, чтобы убедиться – девчонка занозой засела в голове, и выдернуть её на данный момент нет никакой возможности. К тому же... Что будет с ней, окажись она снова на улице? Воровать будет или по рукам пойдёт? И ведь наверняка понимает... Всё понимает, а рвётся. Свобода ей нужна, чтоб её!

Выдвинув плетёное кресло, я кивнул, и Стэлла уселась за стол. Обхватила бокал двумя ладонями и, стоило мне присесть с другой стороны, посмотрела вверх него. На среднем пальце её руки блеснуло бриллиантовое кольцо, и я вспомнил, как она показала мне фак. Огонь и перец...

– За этот вечер, – сказал я, приподняв бокал.

Стэлла улыбнулась, и я, как и там, на берегу, залюбовался

её улыбкой. Пожалуй, мне бы хотелось, чтобы она улыбалась чаще... Да, хотелось бы.

Не успели мы зайти в каюту, Стэлла порывисто развернулась и посмотрела мне в лицо прямым взглядом. Так же, как и я, она прекрасно знала, что будет дальше. В тёмных зрачках сгустилась летняя ночь, приглушённый свет маленьких лампочек отражался в них звёздами. Я дотронулся до её лица, ощутил прохладный бархат кожи. При всей её доступности, она оставалась для меня загадкой, и я понимал это так же хорошо, как и то, что хочу её. Именно её, и похер, кто она и откуда. Ни к одной женщине прежде я не испытывал столь сильной, практически неконтролируемой тяги, от прикосновения ни к одной не чувствовал столь острого возбуждения.

– Сними платье, – тихо попросил я, обведя пальцами контур её лица, и кивком указал на середину каюты.

Ни слова не говоря, она отступила назад. Дотронулась до плеча, и лямка медленно сползла вниз по руке. Глядя мне в глаза, Стэлла проделала то же самое со второй, после завела руки за спину и расстегнула короткую молнию. Мгновение спустя платье лежало у её ног, она же стояла передо мной, почти нагая. Только чёрное кружевное бельё и босоножки из тонких кожаных ремешков на плоской подошве. Я чувствовал себя оголодавшим зверем и понимал – голод этот может утолить лишь она. Какого чёрта – именно она, ответа у меня не было. Грациозная дикая кошка с полными вызова глаза-

ми, непокорная молодая волчица.

– Разуйся, – не двигаясь с места, сказал я, и на этот раз слова прозвучали вовсе не просьбой.

Мне нравилось смотреть на неё. Нравилось подчинять её себе и в то же время понимать – сделать этого до конца у меня не выйдет. Вернее... Я бы мог сломать её. Мог бы, и поначалу хотел этого, но теперь... Эта женщина была прекрасна в своей своенравности, внутри неё горело пламя, не угасшее несмотря на её прошлое. И тушить его... Нет.

Присев, она расстегнула пряжку. Я наблюдал за тем, как ремешки, подчиняясь её пальцам, один за другим освобождают маленькую изящную ступню. Интересно, она вообще понимает, что каждое её движение – самая настоящая прелюдия?

– Дальше я сам, – остановил её, когда она принялась было за лямки бюстгальтера. Подошёл и, медленно спустив их с её плеч, провёл пальцами по коже. Посмотрел Стэлле в глаза и, несильно прижав её к себе, накрыл рот своим. Не сразу, но она всё-таки отозвалась.

Стоило почувствовать, как шевельнулись её губы, внутри всё так и перевернулось. Я чувствовал животную потребность стиснуть её, прижать сильнее, и в то же время мне хотелось, чтобы сегодня между нами всё было немного иначе. Положив ладонь на её затылок, я слегка прихватил её нижнюю губу зубами. Проник в её рот и, дразня, коснулся кончика языка своим. За мной она не потянулась, напротив, от-

ступила. Сделала шаг назад и, посмотрев на меня, облизнула губы. Расстегнула бюстгальтер и, придерживая его у груди одной рукой, до конца спустила лямки.

– Продолжай, – не сводя с неё взгляда, приказал я, и она позволила бюстгальтеру упасть к ногам.

Я знал, что совершенства в этом мире очень мало. Что уж, его практически нет. Но стоящая передо мной женщина была совершенна настолько, насколько это в принципе возможно. Расстегнув рубашку, я снова подошёл к Стэлле и положил ладонь на её бедро. Возможно, скоро я выучу узор настолько, что смогу обрисовать его пальцами не глядя, пока же мне оставалось только поглаживать её.

Ладони Стэллы опустились мне на грудь, губы прижались к коже. Я стиснул зубы. Мысленно досчитал до пяти, борясь с желанием сгрести её в охапку и повалить на постель. Будто ненормальный, погладил её по спине, по узким плечам, опустился к ягодицам. Почувствовал кружево тонкого белья и выдохнул. Нет... Мне хотелось, чтобы она забыла вчерашний день, чтобы поняла – секс может приносить удовольствие. Мне хотелось чувствовать её отклик, хотелось, чтобы она дрожала от желания. Хотелось, чёрт подери, увидеть, какой она бывает в момент оргазма, и почувствовать, как это, когда она сжимается вокруг меня!

Пальцы её коснулись ремня моих джинсов, и я позволил ей расправиться с ним. Хотел я её с того самого момента, как увидел стоящей на палубе в этом проклятушем красном

платье, но теперь... Рядом с ней я начисто терял голову! И если у Вандора так же... Мать его! Нет, позволять сделать с собой подобное этой девчонке я не собирался, но теперь понимал, как это, когда от бабы начисто сносит крышу.

Стэлла пахла морем... Морем, закатным солнцем, пылью дорог, горькой полынью и сексом. Да, она принадлежала мне, была моей, но... Мне было мало! И сказать, чего именно, я не мог, ибо сам не знал этого. Должно быть, первый раз в своей сознательной жизни я не знал, чего хочу и что мне нужно. Абсолютно уверен я был лишь в одном – пока отказаться от этой девчонки не способен.

Закончив с джинсами, Стэлла потёрлась о меня и подавалась назад, к постели. Решила подразнить? Стать послушной? Её уступчивость и распаяла, и раздражала меня. Я бы мог взять её, мог бы... Но мне было этого мало. Я не хотел её покорности – мне было нужно, чтобы она чувствовала желание, мне нужен был её огонь.

Дойдя до постели, Стэлла присела и, откинувшись на локоть, взяла меня за руку. Потянула за собой. Я поддался. Решила не дожидаться и сделать всё по-быстрому? Нет, девочка, только не сегодня. Опустившись рядом, я провёл пальцами под её грудью и подул на сосок. Знал, что этого для неё мало и всё же не удержался: опустил руку ниже и, отодвинув трусики в сторону, коснулся складочек плоти. С губ её сорвался выдох, и я посмотрел ей в лицо. Глаза её блестели, но вовсе не от страха или отвращения.

– Алекс, перестань, – неуверенно попросила она.

– Что перестать?

– Играть... Играть в свои игры, – говорила она твёрдо, но голос звучал нерешительно. – Мы знаем, чего ты хочешь, так давай обойдёмся без...

Я заставил её замолчать. Покачал головой и, раскрыв плоть, погладил пальцами внутри. Стэлла прикрыла глаза, ресницы её дрогнули, а грудь беспокойно приподнялась. Неторопливо, я снял с неё трусики и, бросив их на пол, поцеловал выюн. Накрыл ладонью коленку и погладил вниз, по голени.

– Ты мерзкий извращенец, – выдавила она, откинувшись на постель. Тяжело вздохнула и уставилась в потолок.

Не помню, чтобы хоть одна женщина окрестила меня чем-то подобным, когда я пытался доставить ей удовольствие, но стоит ли удивляться? Прикусив кожу, я обвёл место укуса языком и легонько подул, щекоча дыханием. Девчонка упорно делала вид, что ей всё равно, но я понимал – мои прикосновения начинают волновать её. Ещё раз погладил по голени и, взяв стопу в ладони, оставил дорожку поцелуев до щиколотки.

– А вот без этого никак? – недовольно осведомилась Стэлла, когда я дошёл до самой стопы. Попыталась отдернуть ногу, хоть и знала – не отпущу.

Я качнул головой и погладил пальцами возле сухожилия щиколотки. Теперь, когда я знал о её «слабых» местах, мне

было куда проще. Маленькая округлая пяточка, подушечка возле пальцев... Я поглаживал стопу, покусывал, ласкал языком и понимал, что мне это доставляет удовольствие. Не помню, чтобы хоть когда-то так долго возился с женщиной... Но мне нравилось. И когда она, не сдержавшись, протяжно выдохнула, ощутил удовлетворение. Прихватил мизинчик чуть сильнее, поцеловал стопу и двинулся вверх – по лодыжке, голени, к коленке и бедру, не забывая поглаживать вторую ногу. Добрался до живота и поцеловал под ямочкой пупка. Потёрся носом о нежную кожу и вдохнул.

– И чем я таким пахну, что ты меня постоянно обнюхиваешь? – спросила она, коснувшись моих волос.

– Сексом, – откровенно признался я. Провёл языком от пупка до груди, обхватил ладонью и несильно смял. Взял в рот сосок и сжал грудь сильнее.

Стэлла, поначалу небрежно фыркнувшая, тихонько выдохнула. Мне хотелось оставить на ней свои следы, хотелось буквально сожрать её, и я понятия не имел, как у меня хватает сил сдерживаться. Потеревшись о неё щекой, я опустил руку и провёл меж её ног. Приподнял голову и посмотрел ей в глаза.

– Доволен? – спросила она с нажимом.

– Не совсем, – ответил, поглаживая её влажную плоть пальцами.

Она действительно была влажной, но я хотел большего. Я хотел её отклика, хотел, чтобы она стонала подо мной и по-

лучала удовольствие. Чёрт возьми, я хотел разжечь горящее в ней пламя в настоящий костёр! Хотел, чтобы оба мы горели в этом костре, не обращая внимания ни на что вокруг. Хотел, чтобы она принадлежала мне... Принадлежала, блядь, мне! Целиком и полностью, со всеми своими демонами!

Погладив Стэллу по бёдрам, я согнул её ножки в коленях и развёл в стороны. Откровенная, открывшаяся передо мной, она была прекрасна. Кровь понеслась по венам с такой силой, что я сильнее стиснул её колени. Член был каменным, в висках пульсировало. Хотелось плюнуть на всё и взять её. Сжимать её маленькое хрупкое тело, терзать губы и трахать до тех пор, пока меня не отпустит.

– Алекс, – она потянулась ко мне. Я взял её ладошку и, перевернув, погладил запястье с вырисовывающимся на нём ниточками вен. Тронул губами.

Стэлла прикоснулась к моей скуле, призывно приоткрыла рот, и в голове у меня снова зашумело. Как она это делает?! Лёгкое движение руки, взгляд из-под полуопущенных ресниц, выдох, и меня накрывает, как потерявшийся в буре парусник.

– Не спеши. – Выпустил её ладонь и прижался к бедру губами, прикусывая и зализывая укусы языком, добрался до раскрытой плоти. Руки мои легли на её ягодицы, язык скользнул по влажным тёплым складочкам.

– Алекс, перестань! – вскрикнула Стэлла как-то испуганно и, попытавшись отпрянуть, принялась отталкивать ме-

ня. – Не надо, прекрати!

Я перехватил её руку, затем вторую и сжал оба запястья одной ладонью. Дышала она шумно и неровно, привычный вызов глазах сменился тревогой и растерянностью.

– Если будешь мешать, я тебя привяжу, – на полном серьёзе проговорил я, не выпуская её рук.

– Не надо, – отозвалась она после нескольких долгих секунд. Отвела взгляд.

Я почувствовал прикосновение её коленки к своему боку. Разжал пальцы, и ладони её опустились. Прежде, чем продолжить, я погладил её живот.

– Стэлла, – позвал я, сам толком не понимая, чего хочу сказать, и она вновь посмотрела на меня. Взгляд её был спокойным, но я чувствовал, что внутри неё засело волнение. – Ты очень красивая. А сейчас – особенно.

Не знаю, о чём она подумала, но взгляд её почти не изменился. Только на миг стал более пристальным. Поглаживая её по бёдрам, я вновь прижался губами к плоти. Её вкус сводил меня с ума, её запах сводил меня с ума. В голове всё плыло, каждую мышцу выкручивало от дикого желания.

– Какая же ты... – просипел я, обрисовывая языком клитор. Заметив лежащую на краю постели подушку, взял и подложил ей под ягодицы, заставляя раскрыться передо мной ещё сильнее.

Стоило мне проникнуть в Стэлли языком, она застонала. Негромко, но протяжно и так чувственно, что нервы мои

буквально ошпарило. Пальцы мои впились в её крепкие бёдра, и я проник глубже. Почувствовал, как она коснулась моих волос, её лёгкие пальчики...

– Господи, Алекс... – всхлипнула она. Голос её дрожал, а пальцы беспомощно касались моих висков, затылка, опускались к шее. – Перестань... Пожалуйста, перестань...

Я чувствовал, как откликается её тело, чувствовал дрожь, становящуюся сильнее с каждым мигом, чувствовал, как напрягаются и расслабляются её бёдра. Поначалу влажная, она стала совсем мокрой, и я жадно слизывал влагу, получая от этого столь мощное наслаждение, что почти ничего не воображал. Только она – податливая, откровенная, только её тело, только её приглушённые стоны и желание. Не переставая ласкать её ртом, надавил пальцем на клитор, потёр его. Ослабил нажим и потёр снова. Застонав громче, Стэлла выгнулась и подалась бёдрами мне навстречу. Да, малышка, вот так... Вот оно, твоё пламя. Я слышал её дыхание, слышал, как она жадно хватает воздух ртом. Убрал руку и потрогал клитор кончиком языка, вобрал в рот и снова вернулся к плоти.

– Алекс... – дрожа, тихонько проскулила она, когда я, облизав мокрую дырочку, проник в неё двумя пальцами.

– Вот так... – прошептал, ощутив, как она подрагивает. И снова кончиком языка по чувственной бусинке...

Выгнувшись, она убрала руки и смяла в кулачках простынь. Сделала рваный вдох. Плоть её плотно сомкнулась

вокруг моих пальцев, по телу прокатилась судорога, и я стал двигать рукой быстрее.

– Вот так... – шептал я, глядя на неё.

Глаза её были закрыты, на коже проступила испарина. Мне хотелось прижаться к искусанным губам, хотелось накрыть её собой, но я, будто оцепенев, любовался ей. Прилипшие ко лбу волосы, торчащие соски... Как же она была прекрасна!

По телу её пробежала последняя волна дрожи, и я, убрав руку, положил ладонь ей на живот. Стэлла облизнула губы. Я заметил, как по вискам её текут слёзы и, не сразу поняв их причину, напрягся.

Ноги её всё ещё были раздвинуты, острые коленки, маленькие стопы, влажные половые губки... Заставив себя собраться, я дотронулся до её лица. Стёр слёзы тыльной стороной ладони. Открыв глаза, Стэлла посмотрела на меня, и в этот момент я буквально кожей почувствовал её беспомощность. Зрачки её были огромными, болотная зелень потемнела, а коричневые крапинки стали почти чёрными.

– Что ты делаешь? – прошептала она, касаясь моих губ. – Что ты со мной делаешь, Алекс? Я ведь никогда... – со всхлипом она судорожно вдохнула.

– У тебя никогда не было оргазма, – закончил я за неё. Погладил по щеке и нежно поцеловал в губы.

Она ответила. Рука её соскользнула на моё плечо, пальцы тронули оставленную ею же отметину.

– Я ведь сломанная... – прошептала сквозь поцелуй. – После всего... А ты... Зачем, Алекс? Ведь не будет ничего хорошего. Не будет...

Ладошка вернулась обратно, и я, поймав, прижал её к своей щеке.

Глядя прямо в черноту зрачков, пленяющую, будто самая прекрасная ночь, подался вперёд и мягко вошёл в неё на всю длину. Она охнула. Прикрыла глаза и выдохнула.

– Перестань. – Накрыл ртом её губы. Лишь слегка прихватил и покачал головой. – Обещаю, что больше тебя никто не тронет, если ты того не захочешь.

– Только ты? – жарко отозвалась она.

– Только я, – подтвердил я и, не переставая двигаться в ней, снова поцеловал, на сей раз жадно и глубоко.

Выключив верхний свет, я подошёл к открытому иллюминатору. Ночь обдала лицо прохладой, до слуха донёсся плеск разыгравшихся волн. Немного постояв, вернулся к постели. Висевший у изголовья ночник светил столь блёкло, что я с трудом мог разглядеть в темноте лицо Стэллы. Уставшая, она мирно спала, укутавшись одеялом едва ли не до носа. Сев рядом, я долго смотрел на неё. Брать её, касаться кожи, вдыхать запах и чувствовать отклик тела было чем-то невероятным. Даже сравнивать ни с чем не хотелось. Подозревает ли она сама, сколько в ней страсти, сколько сексуальности? Вряд ли. Губами она касалась моей шеи, выдыхала жар-

ко и порывисто, и я с ума сходил от этого. Слушал её тихие стоны и начисто лишался разума. Дикая, дерзкая, укрощённая...

Стэлла вздохнула во сне, перевернулась на спину, и я чуть заметно улыбнулся уголками губ. Взору моему открылась её нежная шейка, которую я совсем недавно целовал, покусывал и снова целовал, аккуратные ключицы и плечо. Даже спящая, она была красивой. По-своему, особенной яркой красотой, выделяющей её среди других. Откровенная, прямолинейная, своенравная.

Взяв с тумбочки смартфон, я открыл поисковик. Самое время, чтобы кое-что проверить. Возникшие во время нашей прогулки в саду мысли уже давно приобрели чёткость. Что бы ни было там, в её прошлом, я собирался выяснить это. Стэлла...

Буква за буквой в строке поиска появилось имя: Белецкий Эдуард Константинович. Подумав, я дописал: смерть семьи. Нажал на кнопку поиска, и на экране моментально появился длинный список ссылок. Открыв первую, я увидел фотографию супружеской пары. Темноволосый мужчина с решительным взглядом, а рядом маленькая шатенка с чётко-очерченными скулами.

Уголок моего рта дёрнулся в невесёлой усмешке. В принципе, текст можно было и не читать – всё остальное мне и так было известно, но я всё же пробежался по строкам.

Стэлла вздохнула, заёрзала, и я, положив смартфон на по-

стель, посмотрел на неё. Семнадцать лет... Ну что же, девочка, сама того не желая, ты вернулась домой.

Глава 22

Стэлла

– Да, ты правильно понял, – услышала я донёсшийся из приоткрытого кабинета голос Алекса. – Сумеешь выяснить?

– А ты как думаешь? – в ответ раздался другой, с лёгкими ироничными нотками, словно мужчина кривил губы в усмешке.

Алекс хмыкнул, и разговор продолжился. Но слушать дальше я не стала. Прошла мимо и, выйдя на крыльцо, присела на верхнюю ступеньку. В Испании мы пробыли четыре дня, и за это время я немного пришла в себя, однако всё ещё не чувствовала себя в безопасности. Понимала, что мне ничего не угрожает, но жизнь на улице научила осторожности, и стоило мне заметить кого-либо из охраны, я тут же настораживалась. Через несколько минут до меня снова донеслись голоса. Едва я успела встать, на крыльце появился Алекс, а с ним смутно знакомый мужчина – высокий, поджарый, хорошо сложенный. Мазнув по мне небрежным, высокомерным взглядом, он заговорил с Алексом:

– Я позвоню через пару дней. Думаю, за это время мои люди выяснят всё, что нас интересует.

– Спасибо, Ренат, – отозвался Алекс и протянул руку.

Спустившись по ступеням, я отошла к ближайшей лавочке, украдкой продолжая наблюдать за мужчинами. Негром-

ко переговариваясь, они направились к гаражу. До меня доносились отдельные обрывки слов, но разобрать, о чём они говорят, я не могла, да и не пыталась. Так же, как и Алекс, Ренат был весьма красив: тёмные волосы, тёмные глаза, довольно узкое, интересное лицо. Очередной хозяин жизни – ни больше, ни меньше. Запах власти, денег и силы...

Проводив гостя, Алекс подошёл ко мне. Солнце заливало дорожку, и я выпрямила ноги, позволяя лучам ласкать кожу. Всё то время, пока его не было, я думала, где прежде встречала вышедшего от него мужчину. Ведь точно встречала...

– Я его знаю, – наконец сказала я, когда Алекс, встав рядом, заслонил собой солнце.

Его скрытое тенью лицо тут же ожесточилось, в глазах появился стальной блеск.

– Откуда? – спросил он ровно, но от меня не укрылось скрытое в голосе напряжение.

Глядя на него, я пыталась понять, с чем связаны подобные перемены. Догадка, мелькнувшая в мыслях, показалась слишком глупой и самонадеянной, и я тут же отбросила её, признав несостоятельной. Подобрала ноги и нехотя проговорила:

– В Грате он известная личность, – губ моих коснулась саркастическая усмешка. – А я, как ни крути, провела там довольно много времени.

– Вы знакомы лично?

Я снова посмотрела на него. Всё та же сталь в глазах, желваки на скулах. Покачала головой.

– Нет. Видела пару раз по телевизору. И так... фотографии.

Возвышающаяся надо мной тень исчезла, солнце снова осветило дорожку. Опустившись рядом, Алекс достал из кармана телефон и провёл пальцем по дисплею.

– Вандор вернулся, – не глядя на меня, проговорил он.

Я вскинула голову, ожидая пояснений, но дальше разговаривать со мной Алекс был, судя по всему, не намерен. Нажал какую-то кнопку и, откинувшись на спинку скамьи, поднёс телефон к уху. Я ковырнула попавшийся под ногу камень. Как ни пыталась я отгородиться от прошлого, так или иначе оно тянулось за мной, напоминало о себе. Теперь вот это... Ренат... Алиев Ренат. Хозяин жизни, хозяин города, хозяин человеческих судеб...

Через окно в спальне я видела, как к Алексу приехал Вандор. Спускаться не стала – зачем? Только после аккуратно спросила, как дела у Милы. В ответ Алекс едва заметно хмыкнул.

– Как будто сама не знаешь, – только и ответил он. – Подружка твоя устроилась отлично.

На этот раз не сдержалась уже я. Фыркнула и отвернулась. Это кто ещё отлично устроился! Да, может быть, за душой у Миланы ничего нет, зато с этой самой душой, в отличие

от многих, всё в порядке. Красивая, нежная, отзывчивая... Уж кто-кто, а она достойна счастья. Там, в питомнике, едва я увидела её... Огромные голубые глаза, неприкрытый страх. Она была настолько юная, настолько напуганная, что мне хотелось рычать. Хотелось вцепиться в горло тому, кто приволок её сюда. Но всё, что я могла – обнять её.

– У меня был отвратительный день, – признался Алекс, обняв меня за талию.

– Он ещё не закончился, цинично отозвалась я, сделав едва заметную, обречённую на провал попытку высвободиться.

Почувствовала прикосновение губ к затылку и, смирившись, выдохнула. Накрыла лежащие на талии руки Алекса своими и уставилась невидящим взглядом перед собой. С каждым разом желание противиться ему становилось всё меньше и меньше, с каждым разом его прикосновения всё быстрее находили во мне отклик, и я прекрасно понимала, что происходит. Я привыкала к нему, привязывалась. Он настырно просачивался в меня, подчинял себе – не в привычном понимании этого, а так, как мужчина способен подчинить чувства женщины. Стать нужной ему? Нет... Это не я становилась нужной ему, а он мне. Вот это и было страшно. Мои защитные барьеры рассыпались, выстроенная вокруг остатков разрушенного мирка броня трещала по швам. Там, на яхте... Так плохо и так хорошо, как там, мне не было ни разу в жизни. Горький мёд на губах...

– Не могу... – просипел Алекс, подталкивая меня к кро-

вати. – У меня полно дел, а как вижу тебя, не могу...

Я сдавленно засмеялась. Повернулась в его руках и скривила губы.

– Может, тогда просто не стоит смотреть? – скользнув ладонью по животу к его паху, я накрыла ширинку и слегка сдавила выпирающую плоть. – М-м-м?

– Не могу! – рыкнул он, потемневшим взглядом глядя прямо мне в глаза и, отняв мои руки, сдавил их. Толкнул меня к постели.

Упав навзничь, я смотрела, как он порывистыми движениями расстёгивает рубашку, как нетерпеливо дёргает ремень джинсов и опускает молнию. Не знаю, чувствовала ли я возбуждение, но одно было ясно – мне не всё равно. И спираль, змейкой сворачивающаяся внизу живота, и тепло между ног, импульсами отдающееся к бёдрам и груди, были тому подтверждением. Он волновал меня. Волновал не только тело. Затрагивал струнки, до недавнего времени забытые, покрытые ржавчиной, неведомые даже мне самой. Но я не хотела... Не хотела знать, не хотела чувствовать! Не хотела этой слабости, потому что понимала – рано или поздно она убьёт меня. Кто я и кто он? Я – всего лишь игрушка. А игрушки...

Раздевшись, Алекс опустился на постель рядом со мной и в несколько секунд содрал с меня футболку, а вслед за ней шорты. Повалил и принялся целовать шею. Мял грудь, лаская твёрдый сосок большим пальцем, тёрся щетиной о кожу. Я невольно потянулась к нему. Запуталась пальцами в

его волосах, погладила широкие мускулистые плечи. Выдохнула, почувствовав жадный рот на своей груди. Стоило ему провести ладонью по животу вниз, к бёдрам, меня тряхнуло от желания и паники. Конечно же, он сразу понял, что моё тело откликается на него... Понял и, приподняв голову, с прищуром посмотрел мне в лицо. Согнул мою ногу в колене и погладил: вначале бедро, затем голень и лодыжку.

– Иди-ка сюда, – присев, он взял меня за руку и потянул за собой.

Поцеловал в губы и, не успела я опомниться, поставил на колени. Подтолкнул, заставляя упереться руками в кровать и проложил змейку поцелуев по позвонкам. Обвёл языком лопатки, удовлетворённо и глухо зарычал в шею. Я чувствовала его щетину, губы, пальцы... Он был везде – ласкал и гладил, целовал и кусал, начисто подчиняя себе моё тело, мою волю, лишая меня любой возможности защищаться. Ещё никогда я не была настолько открытой, откровенной... слабой. Пальцы его прошли по моему горлу. Я ощутила слабый нажим, но губы его тут же тронули лопатку, и это сгладило намёк на прормелькнувший страх. Подчинение... Я добровольно повиновалась ему. Рука его со шлепком опустилась на мою задницу, и я выдохнула. Чуть покачнулась, но он придержал меня под животом. Тронул плоть.

– Перестань... – выдохнула я, понимая, что на самом деле не хочу этого.

Я хотела. Да, я хотела, чтобы он продолжал, и он знал это

ничуть не хуже, чем я сама. Всё изменилось... Почему? Как? Зачем? Ответов я не знала...

Алекс проник в меня пальцами и, сделав несколько движений, тронул губы. Почувствовав собственный вкус, я задрожала. Но ему было мало. Втолкнув палец глубже, он принялся водить им вперёд-назад. Проклятый извращенец! И я... Обхватив палец губами, тронула его языком. Посасывая, облизала кончик и только затем выпустила.

– Да, моя девочка, – глухо отозвался он и стиснул мою грудь. Склонился ко мне. – Такую девочку надо хорошо трахать, да? Мою маленькую дикуую кошечку...

Сдавив пальцами сосок, он переместил ладонь на живот, я же всхлипнула. Слова его породили в моём теле новую волну дрожи. Бежать от него... Мне нужно было бежать от него без оглядки, а я стояла с оттопыренным задом и чувствовала, как каждое слетающее с его губ пошлое слово, будит во мне что-то ненормальное, острое, волнующее. Головка члена проскользила по моей влажной плоти, по половым губам, но продолжать Алекс не торопился. Помял ягодицу и поводил снова, дразня, заставляя меня покусывать губы. Наверное, я могла бы взять себя в руки, остановиться. Могла бы закрыть в себе все желания, но мне не хотелось. Мне, чёрт возьми, не хотелось! Собственная слабость доводила до слёз. Я же игрушка... Рано или поздно, но он так или иначе наиграется со мной, и тогда...

Сделав мощное движение бёдрами, Алекс вошёл в меня

до упора, и я вскрикнула. Его толчки отзывались во мне наслаждением – сперва почти неощутимым, а после нарастающим, явным, лёгкая боль смешивалась с чувственным удовольствием. Огромный, твёрдый, он проникал в меня так глубоко, что у меня перехватывало дыхание, пальцы впивались в бёдра. Я слышала его глухие стоны, слышала вырывающееся из груди рычание и, позабыв все грани разумного, отвечала ему негромкими постанываниями. Сладко и горько... Запах секса и откровенные шлепки тел, его уверенные размашистые движения и мои подгибающиеся руки...

– Да, Стэлла... – обхватив меня под рёбрами, рыкнул Алекс, и стал входить резче, быстрее. – Вот так... Тебе же нравится? Стервочка моя...

Я заскулила. Прогнулась, подалась бёдрами ему навстречу, опустила голову. Он насаживал меня на себя: жёстко, глубоко, каждым толчком подтверждая, что хозяин тут он, и я уже не понимала, что со мной.

– Ещё... – почти беззвучно сорвалось с моих губ. Тело напряглось, живот свело, но мне было мало. – Ещё, пожалуйста...

– Давай, малышка, – дотронувшись до клитора, глухо откликнулся Алекс, не переставая трахать меня.

Надавил, слегка потянул и надавил – сильнее. Погладил по кругу, потом ещё... Меня окатило жаркой волной. Спираль, свернувшаяся в животе, внезапно распрямилась, задела каждую мышцу, каждый нерв. Не выдержав, я вскрикну-

ла. В голове поплыло, руки подогнулись. Я чувствовала, как пульсирует во мне Алекс, чувствовала его крепкие руки, не дающие мне упасть. Мокрая, обессилившая, уткнулась лбом в подушку и протяжно выдохнула. Меня всё ещё трясло, тело было тяжёлым и одновременно лёгким. Так же, как там, на яхте, только в несколько раз сильнее... Всё в несколько раз сильнее. И моя слабость перед ним.

Поставив на колени, Алекс развернул меня к себе и накрыл губы ртом. Сгрёб волосы, откинул мою голову. Кожа его тоже была влажной, я чувствовала гулкие удары сердца. Ничего не соображая, выдохнула, пустила его язык и с готовностью ответила на поцелуй. Хотелось прижаться к нему, хотелось его силы, его жара...

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал он, и хриплые нотки его голоса снова царапнули чувственные струнки внутри меня, оживляя их, освобождая от ржавчины.

Алекс лёг, потянул меня за собой.

– Не так, – коротко бросил он, едва я собралась устроиться у него под боком, и переложил к себе на грудь.

Лёжа на спине, я чувствовала тепло его тела. Огромный, сильный, и я, такая ничтожная на его фоне... Ничтожная во всех смыслах. В висящем на потолке зеркале отражались наши обнажённые тела. Я видела себя, видела лежащие у меня под грудью ладони Алекса, и снова чувствовала волнение. Потому что... потому что это было волнующе.

– Поласкай себя, – прошептал он мне на ухо.

– Нет, Алекс, – тут же отозвалась я и попыталась перебраться на постель, но он обхватил меня крепче. – Я не буду этого делать, – категорично заявила я.

– Поласкай себя, Стэлла, – повторил он. – Это не просьба. Я сжала губы. Проклятый сукин сын! Взяв меня за руку, он опустил наши ладони вниз, на мой живот. Заставил обвести пупок и проследовать ещё ниже.

– Смотри, – снова приказал он, перехватив мой взгляд в зеркале. – Смотри, какая ты...

– Какая? – невольно выдавила я, когда пальцы мои под его напором коснулись влажных складок лона.

– Красивая, – поцелуй в висок. – Сексуальная, – слабый укус. – Чувственная. Моя сладкая девочка.

Надавив на мои пальцы сильнее, он заставил меня проникнуть глубже и убрал руку. Взял вторую и положил мне на грудь, сам же принялся гладить бёдра. Я нервно выдохнула. Дотронулась до своего соска, погладила и, чуть раздвинув ноги, ощутила жар собственного тела. Опавший член Алекса снова затвердел. Я облизнула губы и добавила к первому пальцу ещё один, сильнее приласкала грудь. Ладонь Алекса переместилась с моего бедра на живот, пальцы принялись выписывать узоры. Продолжая ласкать себя, я откинула голову. Прислушалась к собственным ощущениям. Оба мы смотрели в огромное зеркало над кроватью, друг на друга...

– Я снова хочу тебя, – хрипло сказал Алекс мне на ухо.

– Я знаю, – ответила я. Убрала руку от плоти и сама лиз-

нула пальцы.

Алекс перехватил мою кисть, вдохнул запах и слизал остатки влаги. В следующий миг он был уже во мне. Придерживал за бедро и входил – как всегда властно, уверенно. И я опять была слабой... Смотрела на нас в зеркало и понимала – теперь сломать меня ему не составит ни малейшего труда.

Оставшись одна, я свернулась на постели калачиком и уткнулась в стену. Алекс, наскоро приняв в душ, ушёл в кабинет, я же лежала, поглощённая собственными полными смятения мыслями. Что делать дальше? Что?! Ответа на этот вопрос я не знала. Здравый смысл перемешался с глупыми желаниями, надеждами и, казалось, давно погибшими мечтами. Постель ещё хранила тепло и запах наших тел, и я невольно вдыхала его, вбирала в себя. Неразумную и потерянную, меня бросили в новую реальность...

Поняв, что от мыслей нет никакого толка, я заставила себя встать. Прошла в ванную и, подойдя к зеркалу, дотянулась до бриллиантовой буквы. Обвела пальцами и, сжав руку в кулак, с шумом вытолкнула из лёгких воздух.

– Не забывай, кто он, – прошептала я, глядя на своё отражение. Маленькая, худая короткостриженная девушка смотрела на меня прямо, открыто, и в ней я угадывала себя. Ту себя, какой я была всегда. – Ты для него – игрушка.

Губы девушки беззвучно шевельнулись. Отвернувшись, я пошла к кабинке и уже спустя несколько секунд стояла под

хлѣсткими струями воды. Игрушка... Сердце в груди болезненно сжалось. Сколь угодно долго я могла повторять себе это, сколь угодно долго могла напоминать себе, что такая, как я, не может быть никому по-настоящему нужной, и разум мой, безусловно, был с этим согласен. Разум – циничный, здравый. Но сердце... Проклятые чувствительные струнки, что разбудил Алекс. Душа... Лоскуты души, что так долго трепались на холодном ветру... Куда девать всё это?! Должно быть, я ещё слишком живая. Слишком живая для того, чтобы перестать верить, надеяться...

Дождавшись, когда кофемашина закончит работать, я забрала чашку капучино и сделала глоток. Пошла было к столу, но передумала и достала ещё одну. Снова нажала на кнопку включения. Смотрела на сбегющую вниз тѣмную струйку, а сама не могла отделаться от дурацких мыслей. Мне бы хотелось... Да, мне бы хотелось остаться. Хотелось бы обрести защиту и дом. Хотелось большего, мне хотелось... Хотелось, как у Миланы. Глаза предательски защипало, и я поспешила сделать глоток кофе. Горячий и чуть горький, он оставил приятное послевкусие и помог мне справиться с накатившими эмоциями. Доверие... Сделав ещё глоток, я взяла маленький серебряный поднос. Поставила на него блюдечко, положила несколько кусочков сахара. Чѣрный, крепкий... Не для себя – для мужчины, ставшего для меня не «одним из».

Пройдя по холлу, я остановилась у двери кабинета. Глу-

по, должно быть, я буду выглядеть, но что уж. Несомненно, он сразу всё поймёт. Если и не всё, то что-то точно. Отдать себя в чью-то власть... Во власть Алекса... В сущности, это больше, чем у меня когда-либо было. Надежда, дом, забота, доверие...

– Да... – донёсся до меня его смешок. – Давай завтра. Да, Динара... Обещаю, на этот раз всё пройдёт лучше некуда...

Поднос дрогнул у меня в руках. Робкая надежда перемешалась с оборванными мыслями и подкатила к горлу желчным комком. Серебро обожгло тяжестью, из груди вырвался выдох. На миг я закрыла глаза и, плохо понимая, где я и что со мной, прислонилась спиной к стене.

На этот раз всё пройдёт лучше некуда... Действительно. На этот раз... Так для чего всё было?! Для чего?! Доказать? Сломать? Вывернуть наизнанку?! Меня тошнило. От жизни, от отвращения, от горечи и, прежде всего, от себя самой. Глупая наивная дура. Стоило ему приласкать, поманить пальцем, я рассыпалась. Как, оказывается, со мной просто... Сглотнув, я взяла чашку и сделала маленький глоток. Кофе... Он был хотя бы реальным. Самым реальным из того, что вообще было в моей жизни здесь и сейчас. Глаза щипало, но расклеиться себе я не позволила. Я ведь сильная, а сильные девочки, чёрт подери, не режут на пустом месте! Я же всё знала заранее. Игрушки быстро надоедают. Сломанные – тем более.

Словно отключившись от реальности, я вернулась в кух-

ню. Выплеснула кофе в раковину, поставила на место поднос. Только не чувствовать. Больше не чувствовать. Никогда. На этот раз всё пройдёт лучше некуда.

Под ногами одна за другой замелькали ступеньки лестницы из красного дерева. Мягкий ковёр в коридоре второго этажа, дверь спальни... Не чувствовать. Верхний ящик тумбочки, коробочка и вспышкой – воспоминания о рассыпанных по полу кольцах. Бархатный мешочек, несколько продолговатых футляров. Не чувствовать.

Понимая, что глаза застилает пелена, я до крови прикусила губу. Потом... Всё это потом. Тёплый свитер поверх майки, джинсы. Смахнув никому ненужные слёзы, я сбежала по лестнице вниз. Бросила взгляд в сторону кабинета, но дверь была плотно закрыта.

На тумбочке лежал комплект ключей. Не то... Сердце отбивало болезненные удары, отчаяние, с каждым мигом более и более отчётливое, жгло лёгкие. Не позволяя себе думать, выдвинула ящик.

– Ты что делаешь? – услышала я и мгновенно вскинула голову. Мирослава, чёрт её возьми! Ну нет, тварь... Вот ты-то меня точно не остановишь.

Прищурившись, я сжала в ладони нужный ключ и холодно посмотрела прямо на неё. В её надменном взгляде на миг появилась тревога, однако в руки она себя взяла быстро.

– Давай так, – негромко заговорила я, – сейчас ты уйдешь и сделаешь вид, что ничего не видела. – Она усмехну-

лась и приподняла бровь. Я же продолжила: – Мирослава, мы обе прекрасно знаем, что ты хорошо умеешь прикидываться. Правда ведь? – не отводя от неё взгляда, я сделала красноречивую паузу. Глаза её недобро блеснули, губы сжались. – Ты же прекрасно видела, как меня сцапали охранники... Видела и никому ничего не сказала. Думаешь, Алексу это понравится?

– А думаешь, Алексу вот это понравится, – она взглядом указала на мою руку.

– Думаю, нет, – по-прежнему спокойно ответила я. – Но мы можем проверить и то, и другое. Хочешь?

Ещё несколько секунд она смотрела на меня, а после развернулась и скрылась в кухне. Редкая сука... Но в моей жизни было очень много сук и тварей. Эта же... Трусливая и слишком предсказуемая.

Положив ключи в карман, я вытащила из лежащего в ящике бумажника все наличные и прошмыгнула к двери. Кеды, пальцы на шнурках... Что же, осталось самое главное.

Да, Алекс, на этот раз всё пройдёт лучше некуда. У вас с Динарой, возможно, тоже, но уже без меня.

А я... Я справлюсь. И с вновь разлетевшейся надеждой, и с так и не отступающим комом в горле, и с пустотой. Уже со стольким справлюсь, справлюсь и с этим.

Глава 23

Стэлла

Остановившись возле гаража, я сделала глубокий вдох. Запала хватило ненадолго, теперь же накрывающие чувства так и рвались наружу. Но я понимала – нельзя. Стоит им охватить меня, этим всё и закончится. Отгородиться, спрятаться... В ладонь мне ткнулось что-то холодное и влажное. Не глядя, я провела по голове добермана и, не отдавая себе отчёт в том, что делаю, потрепала его по холке. Опустила взгляд. Здоровенный пёс смотрел на меня с каким-то укором, с ожиданием чего-то большего, но я качнула головой.

– Место, – скомандовала я и поняла, насколько глухо звучит мой голос. Доберман не двинулся. – Место, – повторила я более твёрдо. – Иди в вольер.

Послушаться меня пёс и не подумал. То ли понимал – я ему не указ, то ли вовсе был приучен выполнять команды определённых людей, в число которых я, несомненно, не входила.

– Ладно, – глядя на добермана, проговорила я. Погладила снова, уже с большей осознанностью. – Просто не мешай мне, хорошо? Твой хозяин, он...

Я качнула головой, прекрасно понимая, насколько глупо выгляжу. Разговаривать с собакой о том, какой Алекс, в сущности, мерзавец... И этот мерзавец сумел пробраться в ме-

ня, в мою душу. Этому мерзавцу я позволила... Позволила, чёрт его возьми!

Открыв дверь гаража, я вошла внутрь. Собаки... вот об этом я совсем не подумала. Плотно закрыла дверь и только после облегчённо выдохнула. А может быть, лучше бы было если бы они всё-таки меня сожрали? Хотя нет... Этот сукин сын говорил, что убивать его псы не научены. Прямо как хозяин – зачем убивать, если можно вывернуть наизнанку? Ни с чем не сравнимое, должно быть, удовольствие – сидеть рядом и наблюдать за тем, как жертва корчится в агонии...

Не включая свет, я прошла мимо машин к байку. Коснувшись пальцами руля, корпуса. Не знаю, чувствовала ли я себя так, словно моя жизнь разрушилась, и я оказалась погребённой под руинами. Не знаю, чувствовала ли я ярость, опустошение... Предательство. Вот что я чувствовала точно – горечь предательства, и это было, наверное, самым отвратительным из всего возможного.

Сжав руку в кулак, я отвернулась. Положила рюкзак с вещами возле стены и снова вышла на улицу. Во что бы то ни стало, я должна дойти до конца. Не думать... Не думать об Алексее. Не думать об ужине на палубе, о его пальцах, касающихся моей ладони, о серебристых искорках в глазах. Не думать о тёплом ветре, обдувающим лицо и руках, касающихся талии. О прикосновениях к бёдрам и шепоте. Не думать о собственных, вновь затеплившихся и беспощадно смятых мечтах. Ведь я знала, что так оно и будет. Знала...

Дойдя до находящегося у главных ворот поста охраны, я постучала и сразу же приоткрыла дверь. Увидела поднявшегося мне навстречу сотрудника службы безопасности и внутренне напряглась. Не думать, не вспоминать, не чувствовать...

– Всё в порядке? – спросила я, осматривая небольшую, хорошо обставленную комнату.

Алекс заботился о своих работниках: добротный кожаный диван, вместительный холодильник, квадратный стол с двумя стульями. Бросив взгляд на мониторы видеонаблюдения, я мгновенно отметила застывшие на них картинки. Крыльцо дома, дорожка, пяточок возле ворот... Сердце подпрыгнуло к горлу, ладони стали влажными. Это ведь не просто дом... Логово зверя. И если этот зверь прикажет...

– В полном, – отозвался охранник, бегло осмотрев меня.

Вне сомнений, он знал, кто я. Один из новеньких, нанятых Алексом вместе с новым начальником службы безопасности. Я неопределённо махнула рукой в сторону улицы.

– Просто там собака... Подумала, может быть, на вольере с замком что-то...

– Нет, – охранник не сводил с меня пристального взгляда. Чёрт! Сделав несколько шагов к столу, я будто невзначай ещё раз глянула на мониторы. – Александр Викторович приказал выпустить их погулять. Надеюсь, Вам они неудобств не причинили?

– Да нет, – хмыкнула я и улыбнулась. Дотронулась до его

руки. – Поначалу я их боялась, а теперь... Люблю собак.

Ещё раз смущённо улыбнувшись, я пошла к двери. На пороге остановилась и обернулась. Мужчина не сводил с меня внимательного взгляда, и мысленно я вновь чертыхнулась. Оставалось только надеяться, что опомнится он не сразу. Алекс не говорил, что ждёт сегодня гостей, однако мне всё равно стоило поторопиться.

– Извините, если отвлекла, – виновато проговорила я. – Просто подумала... подумала, что это может быть важно.

Вернувшись в гараж, я сунула руку в карман и достала два ключа – один от мотоцикла, с серебряным брелоком в виде усыпанной бриллиантами буквы «А» и кнопкой от раздвижных дверей гаража, второй от главных ворот. Вот и всё. Посмотрела в сторону ведущий в дом двери. Брелок лежал у меня в ладони, а я... Я едва сдерживала стоящий в горле ком слёз. Вот и всё.

– Я не игрушка, Алекс, – прошептала я и стиснула ключ так, что острые грани впились в кожу. Верила ли я себе? А какая разница?! Какая?! – Не игрушка... По крайней мере, не твоя.

Мне хотелось остаться. Хотелось забыть его слова, вернуться на час назад и... Разве могло что-то измениться? Девчонка из питомника... Подхватив с пола рюкзак, я набросила лямки на плечи и, придерживая мотоцикл, хорошенько ударила по подножке. Ключ, рёв мотора... Порыв ветра в лицо.

Если он захочет догнать – догонит. Захочет найти – найдёт. Но на этот раз я сделаю всё возможное, чтобы не догнал и не нашёл. Сделаю, клянусь собственной грёбаной жизнью!

– Может быть, всё-таки остановить её? – спросил Денис – новый начальник службы безопасности, приступивший к своим обязанностям буквально несколько дней назад.

После произошедшего я сменил почти весь штат охраны, оставил лишь нескольких человек, всегда точно и добросовестно выполнявших мои распоряжения. Дениса же посоветовал начальник службы безопасности Вандора, и я очень надеялся, что на этот раз с выбором я не промахнулся. По крайней мере, Вандор доверял Артуру, как самому себе, так что сомневаться у меня причин не было.

– Нет, – твёрдо и спокойно ответил я, сквозь окно наблюдая за тем, как Стэлла, прильнув к байку, несётся к едва приоткрывшимся перед ней воротам.

Облачённая в чёрный свитер и джинсы, она практически сливалась с огромным мотоциклом. Я надеялся, что она хорошо понимает, что делает. И ещё... Ещё, что она сможет удержать тяжёлый мотоцикл, ибо воспоминания о её падении были всё ещё слишком живы.

Несколькими минутами ранее Денис зашёл ко мне в кабинет и, до предела сосредоточенный, сообщил, что Стэлла свистнула пульт дистанционного управления воротами. Сперва я даже не понял, о чём он. Пульт дистанционного

управления... от главных ворот.

Отбросив бумаги, выскочил в холл и проверил ключи. От внедорожника, от кабриолета... Всё было на месте. Всё, кроме ключа от Харлея. Вот тут-то мне всё стало ясно. Внутри поднялась гремучая смесь из злости, досады, непонимания и желания свернуть девчонке шею. Схватить её и трясти до той поры, пока из неё не выйдет вся спесь. Но я ничего не сделал. Денис ждал распоряжений, я же, направившись к лестнице, махнул ему рукой, приказывая идти следом.

И вот теперь я смотрел, как байк, вынырнув за пределы территории, с рыком уносится в летние сумерки. Проклятая девчонка, занозой засевшая у меня в мыслях...

Первый раз – страх, второй... Второй – порыв. Третий – закономерность. Хочет свободы? Хорошо. Как бы я ни хотел её, удерживать не собирался. Желание вернуть её, с силой стиснуть подбородок и заставить посмотреть мне в глаза никуда не делось, но я знал – этого не будет. К чему мне женщина, мечтающая о грязи улиц и темноте подворотен? Свобода? Чёрт подери, пусть валит хоть на все четыре стороны. Только что эта самая свобода даст ей? Волю выбирать? Как бы не так. Выбирать может лишь тот, у кого есть имя, деньги, связи... А она...

– Зайди ко мне попозже, – попросил я Дениса, когда звук ревушего мотора растворился, и в воздухе вновь повисла тишина. – Завтра нужно будет отвести моей знакомой коллекцию украшений для предстоящего показа. Выбери пару че-

ловек из своих людей, чтобы они сопровождали груз. С ними поедет одна из моих сотрудниц.

– Хорошо, – Александр Викторович, – кивнул он. – Что ещё?

– Да... – отвернувшись от окна, я задёрнул занавеску. – Позаботься о том, чтобы не случилось никаких заминок. В прошлый раз показ оказался под угрозой, и повторения мне бы не хотелось. Пожалуйста, договорись с Динарой Сергеевной обо всём заранее, чтобы я больше к этому не возвращался. – Денис кивнул, я же продолжил:

– Помимо этого у меня будут к тебе ещё кое-какие поручения, но чуть позже. Пока всё, можешь идти.

Едва за ним закрылась дверь, я стиснул руки в кулаки и с шумом выдохнул. Отпустить. Я должен отпустить её. Правильно говорят – сколько волка ни корми... Поймать и запереть на замок?! Да нахер мне нужна девка, которая меня не хочет! Если на улице ей лучше, что же... В бессильной ярости я пнул по ножке кровати и зарычал. Да чтоб её! Проклятая девчонка...

– Да! – рявкнул я, услышав стук в дверь.

Уставился на появившуюся на пороге с бельём в руках Мирославу. Взгляд из-под ресниц, собранные в пучок длинные волосы...

– Разрешите, я поменяю постельное бельё, – ровно проговорила она, подойдя ближе к кровати. Положила комплект и искоса глянула на меня.

Я горько усмехнулся. Интересно, она уже в курсе? Наверняка слышала рёв байка. Только вот помимо меня прикасаться к моему Харлею никто не смел, а раз я тут... Верхняя пуговица на её форменном платье была расстёгнута, в маленьком вырезе виднелись ключицы. Я внимательно осмотрел её. Задержался на ногах, на высокой груди, заметил, как Мира выдохнула.

– Оставь бельё, – приказал я, глядя на неё тяжёлым взглядом.

– Вы что-то хотели? – распрямившись, спросила она и сделала ко мне крохотный шаг.

– Да, – ответил я, не двигаясь с места. Снова проскользил взглядом по ногам, по коленкам, по бёдрам, скрытым подолом платья, и остановился на лице. Холодная, чопорная, выглаженная, она не вызывала во мне ничего, кроме раздражения. – Иди собирай вещи, Мирослава. У тебя есть десять минут.

– Вещи? – с непониманием переспросила она.

Блядь! Ненавижу тупые вопросы. Ненавижу, мать её, и ей это прекрасно известно!

– Ты уволена, – прочеканил я. – Чтобы через десять минут в этом доме тебя не было.

– Но...

– Время пошло, – я глянул на часы. – Десять минут.

Эпилог

Стэлла

Захлопнув обитую белым бархатом продолговатую коробочку, я отложила её на постель. Дешёвый придорожный отель с продавленным матрасом на кровати и текущим краном... Один из таких, где не нужно показывать документы при регистрации, а персоналу безразлично, что происходит за дверьми убогих номеров. Денег, что я вытащила из ящика тумбочки вместе с ключами, на долго не хватит, и я это понимала очень хорошо. Открыла другой футляр – квадратный, лежащий в руке обжигающей тяжестью. Белое золото, зелёные и чёрные камни... В который раз за эти три дня к глазам подступили слёзы, а в горле встал ком. Сердце сжалось, пальцы стали холодными. Первые часы я тряслась, вздрагивала от каждого шороха, ждала погони. Но погони не было, и я отлично понимала – дело не в том, что Алекс не смог меня догнать. Нет. Он просто не захотел. Если бы ему было нужно, он бы из-под земли меня достал. Нашёл бы хоть на краю света, хоть в преисподней. А эта дешёвая ночлежка... Ни на то, ни на другое она не тянула.

Не сдержавшись, я тихо заскулила. Стянула со среднего пальца кольцо и уставилась на оставшуюся на коже белую полосу. Испания, солнце... В каждом миге было напоминание, в каждой мелочи, и куда деться от этого, я не знала.

Прижала ладонь к губам. По лицу покатались крупные горячие слёзы. Не смогу я... Глядя на оправленные изящно выкованным металлом драгоценные камни, я понимала – не смогу. Не смогу отдать их какому-нибудь подпольщику, прекрасно зная, что за этим последует. Вынутые из оправы изумруды и бриллианты, переплавка металла... Я вспоминала, как Алекс касался меня в тот день, как холодило кожу стекло витрины, а из груди невольно рвались рыдания. На кой чёрт, проклятый ты сукин сын?! На кой чёрт ты сделал это со мной! Ведь знал же... Ты же всё знал! Понимал, чувствовал... Я же говорила тебе, что я сломана. Лекарь хренов! Да, Алекс, чинить сломанные игрушки ты действительно мастер. Чинить... Но лишь затем, чтобы после ломать самому. Безжалостно, равнодушно, уверенно.

Одновременно со слетевшим с моих губ стоном, в дверь постучали. Стук этот походил на насмешку, потому что для того, чтобы дверь сорвалась с петель, достаточно было хорошенько пнуть её ногой. Распахнув глаза, я обернулась. Алекс? Сама не зная зачем, сунула украшения в расстёгнутый рюкзак и, едва успела кинуть его на пол у ног, услышала, как проворачивается в замке ключ.

По позвоночнику пробежал холодок. Если это Алекс...

Но в номер вошёл вовсе не Алекс. На меня устремил пристальный взгляд довольно высокий, лет сорока-сорока пяти мужчина в отлично скроенном костюме.

– Кто Вы? – ошетибилась я, вскакивая на ноги. Смахнула

слёзы и нащупала в кармане небольшой перочинный нож. – Что Вам нужно?!

– Господи... – Он как будто неверяще качнул головой. – Как же ты похожа на свою мать! Сколько же я искал тебя, Стэлла...

Алекс

Щурясь, я смотрел на стоящего передо мной на коленях мужчину. Жилистые руки, собранные в хвост чёрные волосы, широкие скулы. Трудно было сказать, что я чувствовал, глядя на него. Презрение? Отвращение? Злость?

Переложив пистолет в другую руку, я качнул ногой и погладил по голове сидящего рядом добермана.

– Снимите повязку, – не глядя, приказал я одному из охранников, и он тут же развязал кусок чёрной материи, скрывающей глаза моего, так называемого, гостя.

Уголок моего рта тронула презрительная усмешка, пальцы прошли по дулу.

– Здравствуй, Дик, – холодно проговорил я, глядя прямо в его чёрные, блестящие ненавистью глаза.

Несомненно, он понял, что шутить я не намерен. Взгляд пронзительный, изучающий. Я так и чувствовал, как в его изошрённом мозгу крутятся шестерёнки. Понимает ли он, почему оказался здесь? А вот это вряд ли... Похлопав добермана по загривку, я приподнял пистолет, невзначай нацелив на Дика дуло. Чёрные глаза сузились, челюсти сжались. При-

выкший играть по собственным правилам, он определённо не ожидал оказаться на месте игрушки. Что же...

– Помнишь Стэллу? – глядя ему в глаза, спокойно спросил я и опёрся локтем о подлокотник. Доберман вышел вперёд и сел у моих ног. Дик не сводил с меня взгляда. – Маленькую девочку с зелёными глазами? Неужели не помнишь? А она тебя очень хорошо помнит, Дик.

Рука моя прошла по холке пса. Тот посмотрел на меня, и я кивком показал ему на ублюдка. Доберман встал, верхняя губа его приподнялась.

– Я не знаю никакую Стэллу, – наконец проговорил Дик. Голос у него был чуть скрипучий, но при этом раскатистый.

Глаза блеснули. Я понимал, что он врёт. Отвратительный гнилой запах вранья.

– Да? – хмыкнул я. – А она тебя знает.

С этими словами я снова кивнул доберману. Поцокивая когтями по полу, в кабинет вошли ещё трое.

– Отлично знает, Дик, и передаёт пламенный привет.

Дорогой читатель! Спасибо за выбор этой книги.

Продолжение истории про этих героев называется «Тебе принадлежу».

Мои книги на Литрес: <https://www.litres.ru/alisa-kovalevskaya/>

Не забудьте подписаться на новинки на моей странице:)